

Масляков и др

Колос

7

ИЮЛЬ
1966

ТУРИСТСКИЙ ЛАГЕРЬ. КАРЕЛИЯ

Фото А. Ритова

Костёр
7

июль
1966

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Порнатон

рассказ И. ДВОРКИНА 2

Знатоки „Костра“ 7

Справа от руля

репортаж Е. РЕЙНА 8

Ладога не шутит

очерк Г. УСЫСКИНА 11

Стихи

ЛЕДЫ МИЛЕВОЙ 14

Если бы плакат заговорил

записал Е. ТЕПЕР 16

Перевернутый рассказ

БРАНКО ЧОПИЧА 17

Матяш Янош

стихи А. ЧЕПУРОВА 17

Ты приходи к нам, приходи

повесть В. ГОЛЯВКИНА 18

Школа „Спринт“ 33

Фильм, который не умирает

очерк А. КЕЛЬБЕРГА 34

Остров Дельфинов

научно-фантастическая повесть А. КЛАРКА 38

Что? Где? Когда? Почему? 47

Уголен

журнал для малышей 49

Новое платье корабля

заметка С. ЛИНКО 51

Поляна сказок

фотоочерк А. МАНАКИНА 52

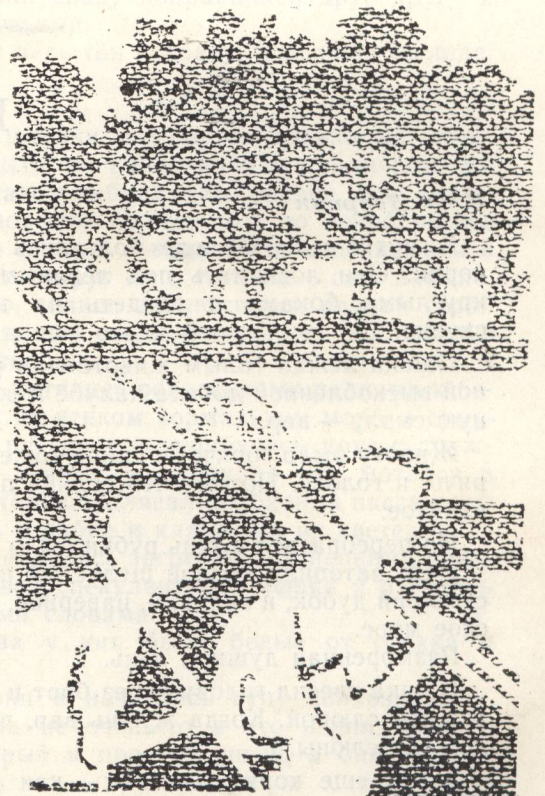
Клуб Жака Паганеля 54

Спорт 58

Ураган

приключения в картинках Ю. ЛОБАЧЕВА 62

Стол загадок 64

ПОРКАТОН

РАССКАЗ

Илья Дворкин

В мутно-зеленой воде болтались арбузные корки. Они лоснились под ленивым солнцем круглыми боками и глядеть на них было скучно.

Пашка лежал голым животом на раскаленной выскобленной добела палубе и жевал черную смолу — вар.

Животу было горячо, и спине тоже было горячо, и голове. Потому что солнце пекло, как нантое.

Но перебраться в тень рубки было лень.

Лень затопила кривой щелястый пирс и застывший дубок, и залив, и, наверное, все Азовское море.

Разморенная душная лень.

Пашка свесил голову через борт и плевался тягучей слюной. Когда жуешь вар, всегда полон рот слюны.

А тут еще корки плавают — как в них не плюнуть.

Рисунки Т. Ксенофонтова

А в общем-то, была такая скучища — хоть плачь. Отец все не появлялся. Пьет, наверное, где-нибудь в холодке пиво. Под акацией.

Эх, в холодок бы! Пашка вспомнил глубокий бабушкин погреб и даже застонал сквозь зубы. Вот где благодать!

Погреб весь залит устоявшейся резкой прохладой и запахом сухой земли. А на полках стоят запотевшие крынки с молоком. Хлебнешь — и сладко заломит зубы.

Вот бы сейчас куда!

Но погреб далеко, а этот чертов Поркатон плоский, как сковородка, и такой же раскаленный. Зной поднимается над ним дрожащими волнами, обволакивает и вгоняет все живое в такую сонную тягучую лень, что кажется, и живых-то в этом Поркатоне нету.

«Один я, наверное, и остался живой, остальные сварились», — подумал Пашка.

Он сделал над собой усилие и медленно перевалился через борт. Теплая и густая, как

бульон, вода раздалась и сомкнулась над ним зеленоватым куполом.

Пашка коснулся песчаного в твердых складочках дна и застыл.

«Так вот и буду здесь сидеть. Все время», — подумал Пашка. Он поднял глаза. Солнце ровным слоем разлилось по воде и поверхность казалась громадным вогнутым зеркалом.

— Вот теперь попробуй достань меня! — сказал он солнцу и засмеялся.

И сразу же вверх взлетели упругие ртутные пузыри, раскололи зеркало и разбежались стремительными кругами.

На дне было хорошо. Пашка пошевелил перед носом легкими пальцами и сложил фигу. Фигу тебе, жара! Достань-ка!

Пашка усмехнулся сам над собой — он-то знал, что все эти фокусы — обман. Потому что он уже стал судорожно сглатывать, а это было верным признаком, что воздух кончился и надо срочно подышать.

Пашка еще немножко из упрямства посидел, чувствуя, как в висках начинают колотить тугие молоточки, а глаза сами вытаращиваются.

Потом, в последний миг, он резко оттолкнулся ногами и вылетел наверх.

Он часто-часто открывал рот — никак не мог надышаться.

Подумаешь — жара! Что такое жара, если сладкий воздух врывается в грудь и можно дышать сколько угодно. Вон его сколько — воздуха: полное синее небо.

Настроение сразу изменилось. Будто Пашке подарили что-то замечательное.

Он заорал и ударил кулаком по воде. Тотчас же над его головой повисла тоненькая бледная радуга.

Он снова заорал, и кто-то радостно ответил ему с берега — счастливым залившимся воплем.

Пашка поглядел на берег и увидел чудо.

Определенно что-то в мире изменилось.

На берегу хохотал-заливался изумительный щен.

Он был в очках.

Представляете? Щен-профессор. Но это был ужасно веселый профессор.

У него была улыбка до ушей и тысяча ослепительных зубов. Он ими пускал зайчиков. А еще на нем была самая пушистая шуба на свете и разные уши — одно строгое — торчком, а другое болталось дурашливо и смешливо.

Очки были белые — правильной такой формы, с тоненькими оглоблями.

Сам черный, только очки белые да кончик восторженного хвоста.

— Ура! — крикнул Пашка.

— Р-ра-ра-ра! — завопил щен и укусил Азовское море. За самый краешек.

Потом он стал сердито плевать и во весь голос обругал море: зачем оно такое невкусное — ни пресное, ни соленое.

Это был на редкость жизнерадостный и нахальный щен.

Пашка, как крокодил, выполз на брюхе до половины из воды и сказал:

— Здравствуй, очкарик.

Щен подмигнул ему общими глазами и отважно ткнул прохладным шершавым носом в шею.

— Тебя как зовут? — спросил Пашка.

Щен не ответил.

— Ты что это — разговаривать не умеешь? — рассердился Пашка.

Щен печально покачал головой.

— Научим, — пообещал Пашка и добавил: — а как тебя зовут, я и так знаю. Тебя зовут Поркатон. Так? Поркатоша.

Щен ликуяще взвыл и запрыгал, отрывая от земли сразу четыре лапы, будто они у него были на пружинках.

Потом он посерьезнел, торжественно подошел к Пашке, потерся головой о его щеку и похлопал лапой по плечу.

Но не фамильярно, а ласково.

Просто они сразу понравились друг другу и стали друзьями.

Бывает ведь так — сразу. С первого взгляда.

* * *

Такие штучки случаются только на море. Может быть, на каком-нибудь приличном море, на каком-нибудь там океане все иначе, но на Азовском бывает так: то пекло рыжее мохнатое солнце, и вода была плоская, как в блюде, то вдруг ни с того ни с сего завывло, закрутило, солнце занавесилось рваной серой тучей, а волны стали бестолково болтаться в разные стороны.

Они не катились ровненькими рядками к берегу, как на всяком нормальном море, а суматошливо плескались, сшибались друг с дружкой, как пьяные, и дубок на них мотался в разные стороны, плясал пробкой, а пассажиры мотались в дубке и кляли все на свете.

Они вцеплялись загребущими цепкими пальцами в свои спекулянтские мешки и ругались страшными словами.

И глаза у них были белые от страха и злости.

Хоть они и назвались отцу колхозниками, но Пашка не очень-то в это верил. Просто отец добрый и простодушный, а они его надули.

В Поркатоне они канючили сладкими подхалимскими голосами, просили «товарища дорогого капитана взять с собой в Таганрог трудящее крестьянство, бо там базар», а дубок все равно возвращается пустым.

И отец сжалился.

Пока не очень болтало, они только и делали, что галдели о ценах. Над дубком висели липкие базарные слова: «полтинник — пучок», «барыш», «загнать» и так далее.

А теперь, когда приперло, честили отца на чем свет сто-т. Будто он их насильно посадил в дубок. И требовали «вертать обратно».

Но Пашка только усмехался. Не такой отец человек, чтобы «вертать обратно».

А на этих визгливых купцов и купчих он и не глядел. Будто их и не было. Будто они — пустое место.

Перепуганных спекулянтов это просто из себя выводило.

Но они могли только ругаться, потому что для чего-нибудь другого были слишком трусливы.

Особенно одна разорялась. Такая здоровенная бабища с багровым лицом и маленькими заплывшими глазками.

Она сидела на своих полосатых мешках и выкрикивала бессмысленные злобные слова.

А когда ее окатило волной и десяток ее цветастых юбок, надетых одна на другую, облепили толстые ноги в смазных сапогах, она совсем взбесилась. Рот ее не закрывался. Он стал похож на напряженную синюю букву О, а глазки совсем зарылись в лоснящиеся щеки.

Хорошо еще, что ветер расшвыривал весь этот гвалт, а то можно было бы оглохнуть.

Поркатон болезненно морщился и отворачивался.

Ему было плохо. Он укачался.

Очень жалко было Пашке пса. Он взял его на руки и увидел, что у Поркатона дрожат глаза.

Пашке показалось, что щенок смотрит на него с укором: зачем, мол, потащил меня с твердой, надежной земли в это непонятное и страшное место, где все качается и кружится голова.

— Ты жалеешь, что пошел со мной? — спросил Пашка.

Щен слабо вильнул хвостом и покачал головой. Он даже попытался улыбнуться, но у него ничего не вышло.

Трудно улыбаться собаке, если ей плохо.

— Ах ты, Поркатон мой, Поркатоша, никудышный ты моряк.

Пашка погладил его и положил на палубу рядом с теплым кожухом движка.

Движок тарахтел дребезжащим стариковским голосом, и Поркатон сначала испугался, задвигал ушами. Но потом сообразил, что эта рычащая штуковина не злая и даже полезная—греет и заслоняет от надоедливых брызг.

Он полежал немного, согрелся и перестал дрожать.

На волны он старался не глядеть, потому что глядеть на них было страшно—они были желтые и лохматые, как большие дворняги, и шипели белой пеной.

Поркатон положил пушистую морду между лап и зажмурился.

Он подумал о Пашке—ласковом, добром человеке—и преданно помахал хвостом.

Никто этого не видел. Но Поркатону и не надо было, чтоб кто-нибудь это видел, потому что он махал не напоказ, а от души.

Просто ему очень нравился его новый друг. С таким другом жить было веселее и лучше.

Но вдруг случилось что-то непонятное и жуткое. Навалилось на Поркатона.

Откуда-то к горлу подкатил плотный, горячий ком и застрял там. Поркатон попробовал вздохнуть и не смог. Ему стало совсем плохо.

Поркатон растерялся и зачем-то побежал вперед. С перепугу.

Он не понимал, что с ним происходит, и боялся, и ему хотелось спрятаться.

Он неловко бежал на разъезжающихся неверных лапах.

Он почти ослеп от страха и глядел как бы внутрь, в самого себя, что это в нем такое делается.

Потому и не заметил, как налетел на полосатые мешки визгливой бабищи.

А на мешках ему вдруг сделалось нехорошо и он испачкал эти самые окаянные мешки.

Ему сразу же стало легче, он жадно глотнул прохладный вкусный воздух и опомнился.

И тут раздался такой пронзительный, ни на что не похожий ор, что Поркатон застыл на месте.

Ему бы бежать, спастись, а он стоял и оглядывался—хотел понять, что случилось.

Поркатон еще не знал, что некоторые люди, продающие на базаре морковь, яйца или там редиску, считают, что самое дорогое и главное на свете то, что они продают. И еще затертые пятаки да мятые, захватанные рубли—самое главное.

Он не знал, что у этих людей выпученные от жадности и злости глаза и мясистые, сирые от ярости лица. И жесткие безжалостные руки. Он не понимал, что это за люди.

А когда понял, было уже поздно.

Руки костяными клешнями вцепились в него, смяли в горсти пушистую мягкую шерсть вместе с кожей и швырнули его в воду.

Поркатон увидел, как перевернулось небо и желтая вода смяла его, поволокла урча.

Пашка услышал крик, но не понял, в чем дело, а разобрал только одно слово:

— Нагадил!.. Нагадил!..

Потом он увидел, как в воздухе закувыркался щенок, его Поркатон, Поркатоша, очкарик.

Ноги сами понесли его, метнули вперед.

И Пашка сиганул за борт.

Уголком глаза он успел заметить стоящего у штурвала отца, его испуганные добрые глаза под блестящей мокрой зюйдвесткой, и в каком-то дальнем затаенном переулке мозга промелькнули нечеткие поспешные мысли, суть которых была в том, что уж его-то, Пашку, отец вызволит, как-нибудь уж вытащит, не бросит, а Поркатону одному в море—погибель. Потонет Поркатон.

Пашка сразу же вынырнул и завертел, отфыркиваясь, головой. Пес должен был барахтаться где-то недалеко. Если сразу не пошел ко дну.

Волна подхватила Пашку, посадила себе на круглую спину.

Он с высоты оглядел море и увидел впереди щенка.

Поркатон боролся изо всех сил.

Не хотелось ему тонуть. Особенно сейчас, когда он понял кое-что в жизни, разобрался кое в чем.

Он торчал черным столбиком в воде и молотил, как барабанщик, передними лапами.

Волны окатывали его, накрывали с головой, но он снова появлялся—маленький и упрямый.

Не хотел он тонуть и все тут.

У него еще было важное дело в жизни. Он еще должен был укунить это крикливое злобное существо на полосатых мешках.

Он боролся.

И только когда Пашка осторожно подхватил его под мягкое брюшко, прижал к груди, Поркатон обессилел и тихонько всхлипнул.

Но у него все же хватило сил как-то извернуться и лизнуть Пашку горячим языком в нос.

Потом Пашка кружился на месте, подскакивал на волнах, как поплавок, и ждал, пока дубок развернется и подойдет к ним.

Уж что-что, а плавать Пашка умел. Он, кажется, и ходить-то научился позже, чем плавать. Впрочем, как и все мальчишки рыбацкого поселка.

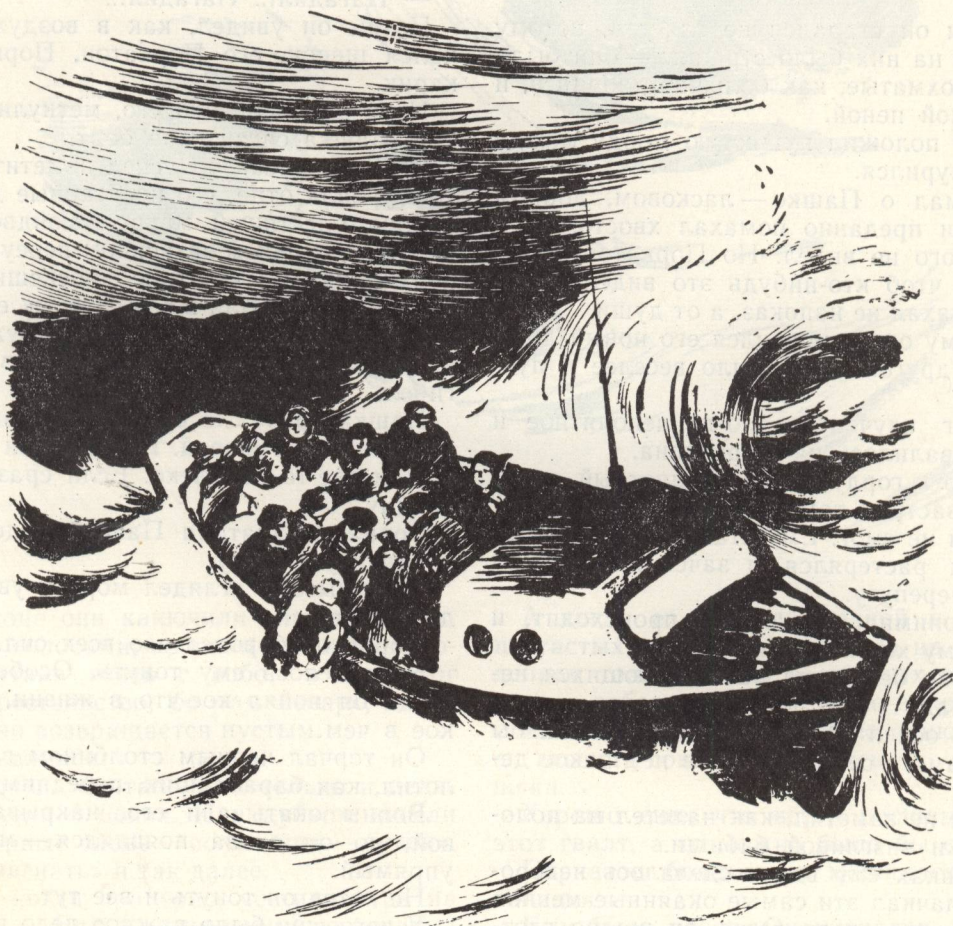
Дубок подошел к ним вплотную. Шершавые отцовы руки обхватили Пашку за плечи и одним рывком выдернули вместе с Поркатоном из воды, поставили на палубу.

Потом одна рука поднялась и увесисто треснула Пашку по затылку — хрясь!

Но Пашка не обиделся. Он осторожно по-

Видно, отец успел им сказать что-нибудь этакое. Отец, когда надо, умел сказать так, что у нехорошего человека от страха отваливалась челюсть.

А Поркатон лежал немножко, отдохнул, потом подошел к хозяйке полосатых мешков и деловито укусил ее за колено.

ложил Поркатона на палубу и улыбнулся отцу.

Отец помедлил малость, потом тоже улыбнулся и притиснул Пашку к своему горячему боку.

Но тут же смутился и легонько оттолкнул, шлепнув по спине. Не любил он разные телячьи нежности.

Мешочники молчали и перепуганно наблюдали за отцом и Пашкой.

Тетка зашипела, как раскаленная сковорода, и сползла с мешков на палубу.

Она вытянула руки с растопыренными загребущими пальцами и забормотала:

— Чур, тебя! Чур, бешеный! Все вы тут бешеные!

Поркатон постоял немного, глядя ей в глаза — Поркатон-победитель, потом повернулся, неторопливо протопал к Пашке и лег у его ног.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЗНАТОКОВ „КОСТРА“!

Фоторепортаж об устном выпуске нашего Стола Загадок

Когда наш фотокорреспондент Борис Ефимович Ритов делал верхний снимок, он, конечно, не мог предположить, что мальчик, случайно оказавшийся на фотографии крайним слева, станет победителем конкурса знатоков «Костра».

Это выяснилось позже, когда Леню Крышечкина, ученика 153-й ленинградской школы, сфотографировали уже в качестве победителя, с почетной грамотой Знатока «Костра» I степени в руках.

Второе место заняла Юля Климанова из 290-ой школы, а третье — Ира Яблочкина из 389-й.

Конкурс знатоков «Костра» проходил в Ленинградском Дворце пионеров на празднике XXX-летия «Костра».

Кстати, такой конкурс вы легко можете провести у себя в дружке, в отряде. Подберите в годовой подшивке «Костра» 15—20 интересных для отгадывания картинок, как цветных, так и черно-белых. Показывайте их по очереди на экране через школьный эпидиаскоп. На каждую картинку — одна минута. За это время все участники конкурса должны записать на листочках, герои какого произведения изображены на рисунке, как зовут героев и кто написал это произведение.

Можно выбрать «подсказчика»: во время демонстрации картинок он будет читать вслух небольшие отрывки из соответствующих произведений.

Итоги конкурса подводит жюри. Не забудьте только придумать веселые призы для победителей.

Проведете такой конкурс — напишите нам, как он прошел, кто оказался победителем.

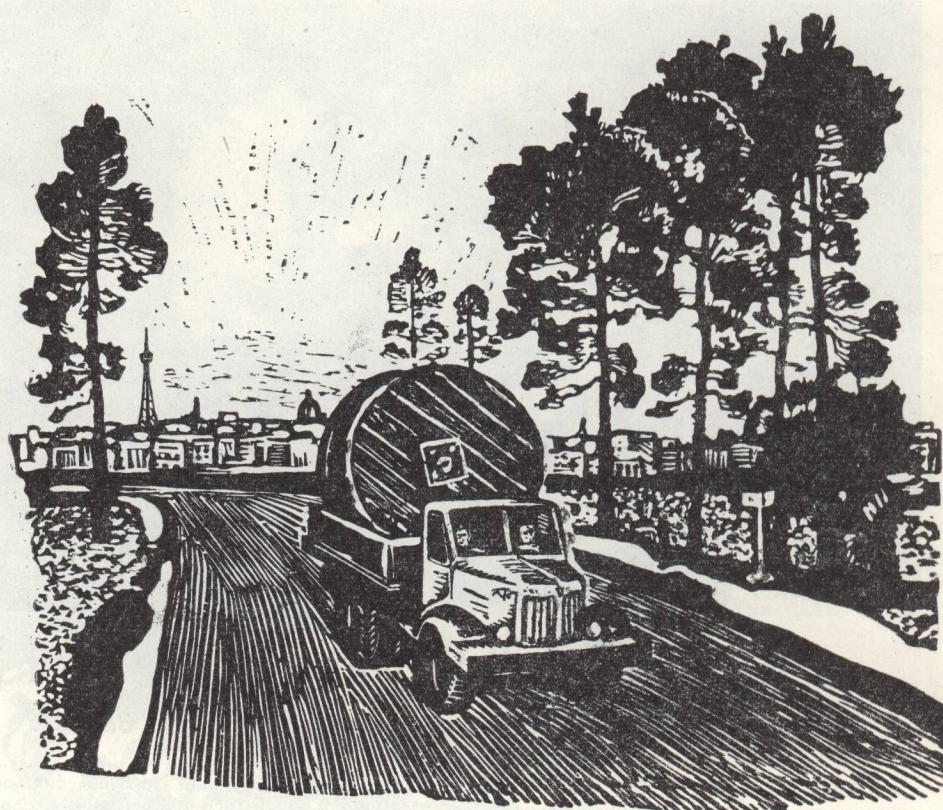
Крайняя справа — Юля Климанова. Слева — Ира Яблочкина.

СПРАВА ОТ РУЛЯ

Е. Рейн

Гравюры

А. Овсянникова

Я пришел на ленинградскую автобазу тяжеловозов рано утром.

В диспетчерской, за столом, девушка заполняла какие-то бланки. Водители ожидали наряда. Хлопнули двери. Вошли еще двое.

— А, Эдуард, вернулся!

Теперь куда?

— В Вильнюс и Клайпеду.

Я вздрагиваю. Вот, значит, мой водитель.

Зовут его Эдуард Линевский. Он широкоплеч, высок. Крупные черты лица, крупные волны прически. Сильные, широкие, плоские кисти рук, гаечный ключ в них кажется чайной ложкой.

Сейчас поедем. «МАЗ» уже нагружен. Груз — катушки кабеля.

* * *

Наш мотор работает с мощным грохотом, как будто это не мотор, а маленький заводик.

Еще бы, ведь он тащит тридцать тонн, некоторые каменные дома весят меньше этого.

Скорость не очень высокая, километров сорок-пятьдесят в час, а во время подъемов еще меньше. Но сила машины такова, что даже я, сидящий в кабине посторонний человек, чувствую себя гигантом, сдвигающим горы.

А Эдик это уже прямо Геркулес, который держит на плечах целый мир, как рассказывается в древнегреческом мифе.

Желваки у него на щеках округлились, мускулистые руки напряжены.

Совершенно неожиданно, без всякой подготовки, капли начинают барабанить по стеклу — мы въехали в дождь.

«Дворники» бешено мечутся, очищая стекло от струек, вокруг ни просвета, — свинцовый, низко нависший мрак. Но «МАЗ» старается, не жалея

сил, и вот на горизонте уже видна широкая полоса. Мы удрали от дождя. Мы шли с ним наперегонки и победили его.

Шоссе подсыхает, тут бы ехать и ехать, и вдруг бац, будто где-то под самым ухом пальнули из пушки.

Эдуард от обиды так хлопает по рулю, что пластмасса жалобно стонет.

Съезжаем с дороги, и дождик опять нагоняет нас. Если бы он мог смеяться, то в эту минуту, конечно, хохотал бы всю.

Промокшие до нитки, меняем колесо. То есть меняет, конечно, Эдуард, а я ему помогаю.

Ведь у «МАЗа» лопнула крышка левого внутреннего заднего колеса. И чтобы сменить ее, надо сначала снять верхнее колесо.

А дождь все идет и идет. И когда он превращается в на-

стоящий водопад и грозит смыть нас в придорожную канаву, как раз в эту минуту на колесе закрепляется последняя гайка.

— Это что, — говорит Эдуард, — ну, промочило дождем, в кабине быстро подсохнем, а вот зимой менять колесо и вправду несладко. Этой зимой под Горьким, морозец был градусов двадцать пять. У меня оба задних баллона вылетели, потом еще домкрат сломался...

И снова дорога, километры, шлабгаумы, леса, поля, люди, села.

Смеркается. Машины зажигают фары. Разрезая тьму пяттеркой ослепительных прожекторов, как линкоры по океану, проносятся автобусы-экспрессы. Мягко светят обгоняющие нас «Волги» и «Москвичи», и только братья-грузовики дышат тяжело где-то за плечами.

Их ждут во всех концах страны. Вильнюс ждет кабель из Ленинграда. Ленинград ждет лекарства из Тбилиси. Тбилиси ждет станки из Москвы. Москва — радиоприемники из Риги.

И поэтому бегут грузовики — день и ночь, в дождь и пургу, под солнцем пустыни, по обледенелым отрогам Памира. И в каждом водителе, такой же, как мой Эдик. Или не такой, но все равно чем-то похожий на него.

— Наконец-то она, — говорит Эдуард. И я догадываюсь: «она» — это заправочная станция.

И вот в наши баки льется бензин, слышно, как струя стучит о металл, потом шум стихает.

Лейся, лейся, бензин, заполняй наши баки до самого верха — у нас впереди длинная дорога! Если понадобится, мы поделимся тобой, бензин, с другими машинами. Есть такой крепкий закон: водитель всегда выручает товарища.

Когда край неба осветился слабым, как от карманного фонарика, светом, мы съехали с дороги у столба, на котором укреплен герб Латвийской Советской Социалистической республики. Значит, спать мы будем у себя, в России. А мыться — в том ручье, который течет уже в Латвии.

Эдик опускает голову на руль, я прислоняюсь к сиденью, и мы тотчас, словно загипнотизированные, засыпаем.

* * *

Мы умылись и позавтракали. Эдик нажал на стартер, «МАЗ» дернулся и... что такое? Мы стоим на месте, нет, мы даже съезжаем вниз немного, в сторону от шоссе. Эдик выскакивает из машины, и я за ним.

И вот мы видим. Эта проклятая обочина сделана была, наверно, совсем на днях, да еще из мягкого рыхлого песка. Колеса «МАЗа» вырыли в песке глубокие ямы и буксуют, зарываясь все глубже.

Кузов перекосялся. Он давит на правую сторону, и колеса все глубже уходят в песок. Упирая домкрат в шину, Эдик хочет приподнять кузов. Но груз слишком велик, домкрат срывается и приходится начинать сначала. Для устойчивости под домкрат подкладываем гаечный ключ. Вроде бы все хорошо, груз немного приподнялся.

И вдруг — трах... гаечный ключ разламывается пополам, домкрат летит в сторону, кузов снова опускается на колесо, а оно уходит в песок еще глубже прежнего.

А грузовик неуклонно сползает под откос, и по бледному лицу Эдуарда я вижу, что опасность нешуточная.

Разрываю лопатой песок у колес, Эдик включает мотор — грузовик дергается, колеса бешено вращаются и... ни с места.

Уже больше двух часов продолжается все это и никакого успеха. Пожалуй, даже наоборот, «МАЗ» метра на полтора подвинулся вниз по откосу. Что делать?

Нас может выручить другой «МАЗ», если он дернет наш грузовик. Он, может быть, вытащит его на шоссе. Но дорога пустынная.

— Трактор бы сюда, — говорит Эдик. — Трактор бы вытянул.

Мы прислушиваемся. Полная тишина. Поет в траве неизвестная мне птица, да поскрипывает песок под колесами нашего «МАЗа».

Замечаем в кювете какие-то старые доски, это остатки снегозаградительной зимней изгороди. Мы подкладываем их под колеса.

Эдик залезает в кабину, я стою рядом на земле, чтобы ориентировать его. Мотор ревет, как танковая армия в походе. Кажется, что он сейчас взорвется. И «МАЗ» начинает медленно двигаться, сантиметр, еще сантиметр, полметра и... ура! ура! ура!.. мы на шоссе.

Какое замечательное утро! Едем дальше!

* * *

— Неплохо бы подзаправиться, как насчет обеда?

Я отвечаю глубоким согласным кивком. И оба мы начинаем высматривать свою «заправочную станцию».

И вот мы сидим за столиком вместе с еще двумя водителями. Борщ проходит в молчании. Официантка, привыкшая к шоферским аппетитам, подносит новую буханку хлеба. Гремят отодвигаемые тарелки, и тут сидящий против меня рыжеватый паренек начинает разговор:

— Откуда?

Эдик отвечает. Рыжий оказывается одесситом. А второй наш сосед — с куйбышевских нефтепромыслов.

Через пять минут водители разговаривают так, как будто век знакомы.

— Тут дорога что, благодать. Я два раза в Тбилиси по Военно-Грузинской катал. Около Казбека есть участок метра в три шириной. И сразу обрыв полкилометра. Вдруг навстречу «скорая помощь» гудит — значит, с больным. Надо ей уступать, а как? Стал задний ход давать, выехал на самую кромку и камни из-под колес посыпались. Ну, думаю, минуты две простою, а там... А день как раз жаркий, пыльный, хоть, думаю, напоследок выкупаюсь в речке этой, Терек. Ну, ничего, в Тбилиси уже помылся, в серных банях.

— А я вот совсем недавно искупался, и где! Поехал в наш подшефный колхоз, дорога знакомая, смеркается, уже вечер. Вдруг знак — объезд,

шест, спустился к речке, пощупал — мелко! Въехал и, должно быть, метра два отступил от того места, где промерял. Поехал — вода до кабины. И смех и грех! А ведь двадцать лет за баранкой.

* * *

Одессит поглядел на часы. Прямо на циферблате были нарисованы волна и чайка.

— У меня была история с часами, — сказал Эдик. — Сломались часы на приборной доске. И стал я в кабине будильник возить, даже заводил его иногда. Однажды пришлось на концерт дрессированных собачек везти, восемь штук, целая труппа. Грузовик у меня тогда был с закрытым фургоном. Проехали мы полдороги, и зазвонил мой будильник. Вдруг слышу, в кузове

у меня еще было, я отъехал в сторону и посмотрел. Потрясающие собаки. Привожу их на концерт, а они совсем сонные. Решили, наверно, что рабочий день закончен и пора на боковую. Так и не выступали в тот вечер.

— Повезло, — сказал одессит, — а то еще, говорят, один банкир в Америке заставляет целую оперу для себя петь.

Мы вышли к машинам.

Снова наступил вечер, и снова желтые огни фар рассекли сумерки.

* * *

Мы ехали в одиночестве, редко-редко какая-нибудь легковая машина обгоняла нас, несколько секунд ее огонек маячил впереди и пропадал.

— Скоро и нам на обочину, — негромко бросил Эдик, когда в свете наших фар выступил рядом с дорогой контур грузовика «Колхида». Я даже успел разглядеть водителя: ладони он положил себе под левую щеку, кепку надвинул на глаза и спал, в этой самой, наверно, неудобной из всех поз, какие только можно выбрать для сна.

Как только свет наших фар скользил по обочине, он всякий раз вырывал из мрака то братишку «МАЗа», то «Татру», то старенький «ЗИЛ»...

Водители спали на обочине этой дороги, так же, как они спали в эту ночь на обеих обочинах всех дорог нашей большой страны, чтобы рано-рано, как говорят, ни свет ни заря, снова пуститься в дорогу.

мост через речушку переключают. А речушка-то, плюнуть жалко, курица вброд перейдет. Я и решил действовать по примеру этой курицы. Взял

что-то происходит. Гляжу в окошко — дают собаки представление. Они этот звонок за театральные приняли. Выложили всю программу. Время

ЛАДОГА НЕ ШУТИТ

Г. Усыскин

Рисунки И. Казаковой

Синюю обложку диплома пересекает гвардейская лента. Раскрываем диплом: «За активное участие во Всесоюзном туристском походе молодежи по местам боевой славы советского народа награждается первой премией Ленинградский Дворец пионеров». Внизу подпись: начальник центрального штаба похода маршал Советского Союза И. С. Конев.

А теперь читайте очерк о тех, кто награжден почетным дипломом.

Мы не нарушили законов и правил морского регистра, наш выход в Ладожское озеро был разрешен специальной маршрутной комиссией и начальником спасательной станции

«Все суда, предназначенные для плавания по внутренним водным путям нашей страны, делятся на три класса: «Р» — речные, «О» — озерного плавания и «М» — морские. По Ладожскому озеру разрешено ходить только судам класса «М».

Правила речного и морского регистра.

в Приозерске. И противоречия здесь никакого нет. Секрет заключался в том, что нашим лодкам разрешалось идти только вдоль берегов, по возможности двигаясь проливами, прикрываясь от ветра за островами.

Но есть и такие участки пути, где, хочешь не хочешь, километр, а то и больше, надо идти открытой водой. Вот тут и держи нос по ветру...

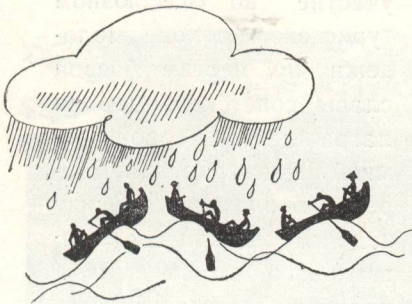
На второй день мы разбились ла-

герь на большом и красивом острове Кильпола у гранитной каменной стены. Палатки наши мы поставили рядом с туристами завода «Красный треугольник». От них узнали трагическую историю. Неделю назад недалеко отсюда волной захлестнуло катер, который вез туристам продукты. Двое сумели доплыть до ближайшего острова, а двое навсегда скрылись в пучине Ладоги.

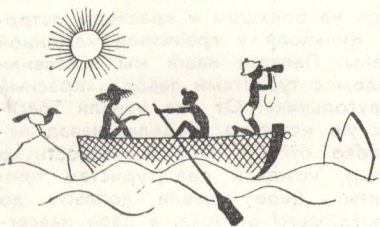

Кильпола — огромный остров, один из самых больших на Ладоге. Который час мы идем вдоль него, держа курс на север. Удивительное явление: откуда бы ни дул ветер, волны все равно бьют и бьют в гранитные берега. И если мы очень прижимаемся к острову, нас тоже тянет туда вместе с белыми гребешками. Так и разбить может.

Выгребая на большую воду. Качка усиливается. Надо отдать должное нашим судам — «стойчивость», как говорят моряки, у них хорошая,

В тот день Ладога еще раз испытала прочность наших судов и мастерство рулевых у маяка Курканими — Журавлиного мыса. Коварное это место — Курканими. Как будто и правда гигантский журавль сунул в воду каменный нос, облизанный волнами до блеска. И как продолжение его — гряды камней. Редкий день, когда возле мыса шти-

перевернуть их трудно. Вот если через борт попадет слишком много воды, тогда хорошего не жди.

Развернувшись «все вдруг», флотилия быстрее заработала веслами и укрылась в небольшой бухточке за камнем-островом. Тут и начались находки: остаток переборки катера с массивными заклепками, осколки

снарядов, гильзы, руль от баржи...

Володя Григорьев неожиданно наткнулся на винтовку, нашу трехлинейку. Она была зажата в камнях, как будто выросла туда и пустила корни. Все усилия вытащить ее оказались напрасными. Так она и осталась торчать между камнями, вроде флажка на корме корабля.

«Ладожское озеро отличается весьма сложным режимом волнений. Наиболее сильное волнение наблюдается осенью. В северной части озера развиваются обычно пологие волны длиной 23—25 метров и с наибольшей высотой около 4 м».

Лоция Ладожского озера.

левая погода. Чаше — ветер и волны, которые во что бы то ни стало стараются бросить лодки на камни, ударить о самый кончик журавлиного носа. Поэтому и стоит на самом гребне маяка, предупреждая мореходов об опасности.

Мы укрылись в бухточке рядом с мысом и ждали, когда ветер уймется. Как будто бы стало тихо, можно идти. Раздается команда: «Внимание! Надуть спасательные жилеты!» На веслах самые сильные, на руле самые опытные. В надутых оранжевых жилетах мы стали сразу похожи на космонавтов. Эти жилеты нам подарили летчики; жилеты входят в обязательный комплект вместе с парашютом. Держат на воде здо-

рого — сами проверяли: двое повиснут — и ничего. Но есть и некоторые неудобства. Движения скованы, подбородок подпирает острый угол, ремешок с защелкой попадает все время на сиденье. Но тут уж не до комфорта.

Вот и мыс, чуть дует в корму. Хорошо! И вдруг сразу, неожиданно — порыв ветра! Волны бьют со всей силой в правый борт.

— Навались!

Брызги летят в шлюпку. Гребем дружно, руль до упора, и вот уже Курканими остается позади, прикрывая нас от ветра. Все смотрят друг на друга с гордостью: туристы-школьники здесь еще не проходили

«Северный берег Ладожского озера на всем протяжении окаймлен шхерами, которые представляют собой скопление множества небольших скалистых островов, скал, рифов, простирающихся на расстоянии до 14 миль».

Лоция Ладожского озера.

Каждый день меняется штурманская направляющая лодка. Сегодня ведет нашу эскадру экипаж Коли Кузина. Кроме командира, на шлюп-

ке еще трое: Володя, Боря и Юра. По возрасту они самые младшие в отряде, да и ростом не очень вышли.

— Орлы, навались! — командует капитан.

Коля Кузин старше остальных всего года на два, но называют его «Папаша». Прозвище появилось год назад, когда собирались в Саяны.

— Ну, что, сынок, берешь с собой? — как-то шутя спросил Коля у Володи Григорьева.

Тот не понял шутки и обиделся.

— Также мне, «Папаша» нашелся...

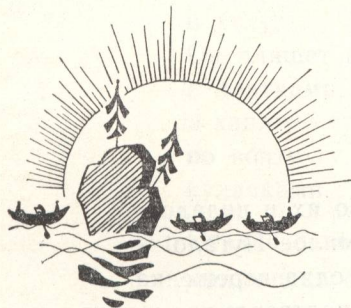
Трудно ориентироваться в шхерах, с непривычки даже голова болит от напряжения. Тут остров, там пролив,

а здесь вроде два острова соединились вместе, попробуй разбери. Только по карте и компасу идти можно. Чуть зазевался — и пошел гулять по лабиринту островов. Острова похожи, а опознавательных знаков нет.

Первая половина дня прошла хорошо. Побрызгал дождик немного. На коротком получасовом привале набрали полную лодку грибов на ужин. Здесь на островах настоящее грибное царство — собирать-то некому.

После привала двинулись дальше. Через некоторое время должен быть слева остров, а перед нами чистая вода и берегов не видно. Вот тебе и штурманы, сбились «орлы» с маршрута, где-то прозевали поворот. «Папаша» смущен, он пытается оправдываться, ведь как-никак, он входит в сборную юношескую команду Ленинграда по ориентированию...

На наше счастье Ладога сегодня спокойна, пойдем чистой водой, не возвращаться же назад.

Среди прочих судов нашей эскадры выделялась одна лодка, получившая громкое название «Сидящая на камнях» — по ассоциации с гринновской «Бегущей по волнам».

— Эй, на «Сидящей», чего отстае-те, опять на глубоком месте камень нашли? — кричит вахтенный командир, которому поручено сегодня замыкать кильватерную колонну.

Так и есть, лодка села на камень, и теперь члены команды спорят между собой, кому и куда толкать. На

судне трое рядовых — Леня, Валя, Вася — и командир Володя, самый рослый человек в нашем отряде. Все друг друга поучают, а делать никто ничего не хочет. Только и слышно:

— Я уже сорок пять минут гребу, а ты только полчаса!

— Так ведь привал был, ты это считаешь!

— Давай, давай! Крути веслами, опять отстаем!

Чуть привал — экипаж в кусты: Леня приглашает «подымить», чтобы никто не видел.

Все уже давно палатки поставили, на костре вода закипает, а Леня, Валя и Вася опять спор затеяли:

— Я два колышка забил, а ты только один...

— Зачем нам вереск под палатку собирать, и так переспим...

Каждый вечер на разборе доставалось им по первое число, ругали их, критиковали... Обещали исправиться.

Переполнил чашу терпения один случай.

Проверяли дежурные на ночь, как лодки привязаны, и видят — не хватает одной. Подняли тревогу. Оказалось, нет на месте «Сидящей на камнях».

Через два часа явились — оказывается, решили порыбачить ночью, без разрешения. Разговор был короткий: команду расформировать по другим лодкам, а заводилу Лению списать на берег к маме с папой, как только в Сортавала придем.

Так и сделали. А когда сменился экипаж лодки, сменили и название. Зачем старое вспоминать?..

«Командир отделения комендоров «МО-201» Ювелиан Иванович Вишневецкий сбил в бухте Рауталаhti вражеский самолет, прикрыл своим орудием отход 168 дивизии, а когда все отошли — прямой наводкой на глазах у противника расстрелял оставшуюся автомашину и потопил баржу. За проявленную смелость и героизм в этой операции представлен к награждению медалью «За боевые заслуги».

Выписка из наградного листа на Вишневецкого Ювелиана Ивановича.

Полуостров Рауталаhti... Какое совпадение: двадцать четыре года назад, в эти же дни, 16—20 августа на полуострове держала оборону 168 дивизия при поддержке Ладожской флотилии. Если взглядеться чуть пристальней, можно увидеть разбитые прямым попаданием скалы, лесные завалы, а под тонким ярко-зеленым ковром мха — сплошной слой осколков, гильз, пуль, как будто специально высеянных на потемневшем граните.

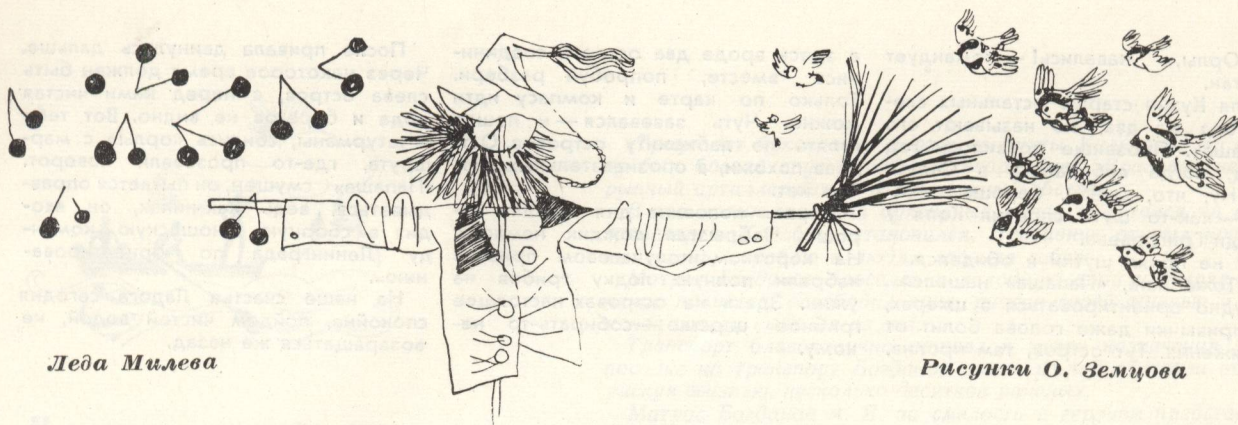
А вот еще находка — граната. Наша граната времен Отечественной войны, системы РГД. Лежит на скале, в небольшой выемке, как будто ее только что положили, чтобы при первой необходимости взять и бросить. Но этот «сувенир» слишком опасен, с собой брать его не будем. У нас достаточно боевых реликвий.

Мы возвращаемся домой. На

островах стоит глубокая тишина. Волны набегают на скалы, чуть поскрипывают сосны, и нет, кажется, спокойнее места на земле. Но где-то в глубине Ладоги нарастает гул. Он ширится, растет. Это подводные раскаты — брондиты, одно из любопытнейших явлений озера. Озеро словно салютует героям, отдавшим жизнь за свободу Родины.

Фото автора

Леда Милева

Рисунки О. Земцова

КРАСАВЕЦ

Черешни
обогрело солнце,
мыл дождь в иные дни,
а после вдруг они
на ветках
всей толпой веселой
надели алые камзолы.

ТОГДА ПРИШЛО ПУГАЛО.

Черешни
от смеха дрожат, —
урод заявился в наш сад:
на деревянной ноге,
в дырявом колпаке,
с раздерганной метелкой в руке.

И Пугало вздохнуло тяжко,
знало, что некрасиво,
бедняжка.

Как родилось, —
так все улюлюкали,
не заботился никто о Пугале.

К обеду
подоспели воробышки, —
больше сотни.

Ничего они не ели сегодня.

Зачирикали:

— Братцы, садимся!

Спелой черешней
наедемся!

А ТЕПЕРЬ?

Слова не говоря,
Пугало встало,
раздерганной метелкой замахало...
А воробы —
как от беды неминуемой,

в стороны
серой тучей,
только дерево их и видало!

— Какое милое Пугало! —
воскликнула одна черешенка.

— Верно! — подтвердила другая.

— Не Пугало, а юнак!

— А какой красивый колпак!

— А какая грозная метла!

— Я бы к нам его позвала!

— Иди!

— Отдохни на ветке!

Старое Пугало
деревянной ногой застучало,
словно сразу прибавилась сила,
и прямо на ветку
подскочило.

На самую высокую
ветку.

Там село

и сидит посейчас.

И ничего, что колпак его выгорает,
что ветер

из стороны в сторону

швыряет, —

хорошо ему

среди ребят веселых,
черешен в алых камзолах.

А самая маленькая черешенка,
хохотунья и неженка,
улыбнулась ему

вчера вечером:

— Вы красивы,

и стесняться вам нечего!

ЗОНТ

Зонт добрый и пыльный,
как старец бессильный,
тихо стоит в уголке
в тоске.

Но только лишь дождь
застучит
по стеклу —
и сразу зонту
не сидится
в углу.

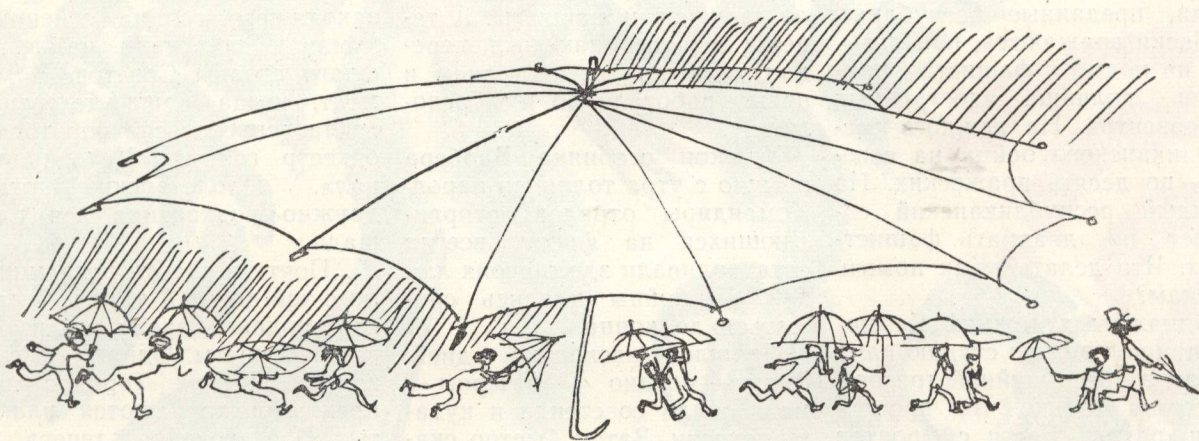
Он пляшет над шапками
и платками,
а капли — «тук-тук...»
по зонту
кулачками.

Отчаян и весел,
мальчишка смешной. —
он скачет

на тоненькой ножке одной,
пока не очистится
свод голубой.

Вновь люди забыли,
как в ливень
с ним
шли;
и вновь он лежит
в темноте и пыли.

И думает думу,
и снова молчит,
но молодо сердце бедняги стучит,
и только лишь ливня послышится
звон,
как мчится
мальчишкой
на улицу
зонт!

Известная болгарская поэтесса ЛЕДА МИЛЕВА уже несколько лет печатает стихи в нашем журнале. Недавно Леда Милева прислала редакции «Костра» новые стихотворения. Их перевел для вас ленинградский поэт Олег Шестинский.

ЕСЛИ БЫ ПЛАКАТ ЗАГОВОРИЛ...

«...Теперь я ленинградец. Мое местопребывание — Публичная библиотека. Там, на стеллажах отдела эстампов, я и мои собратья нашли радужный приют. А до этого? Где только до этого не пришлось побывать! Сколько пережить! Ведь родился-то я в Испании.

Да, это было в Испании, в Барселоне, в красавице Барселоне, с ее бульварами, всегда до краев наполненными шумной и веселой толпой. В ту пору однако барселонцам было не до веселья. Испания истекала кровью. Девять месяцев уже, с июля 1936 года, шла война.

Все ожесточеннее и кровопролитнее сражения. Фашисты начали наступление на севере, в Эускади. В этой области живут баски. Храбрые, упорные люди, преданные республике.

Баски сражаются, как львы. Но на подмогу фашистам прибыли полчища иностранных интервентов. На каждого республиканского бойца на севере — по десять вражеских. На каждый республиканский самолет по двадцать фашистских. Что делать? Как помочь баскам?

Однажды художник Кармона пришел в свою студию рано утром в чрезвычайной тревоге. Кармона только что прослушал радио. Вести с фронтов были очень неутешительны. Особенно с севера, из Эускади. И руки Кармоны сами потянулись к карандашу, к краскам.

Сначала Кармона вывел на листе крупным шрифтом: «Наступление на Эускади». Потом изобразил группу молодых каталонцев в стальных касках и с винтовками наперевес, отправляющихся на фронт. Потом — в самом центре, на фо-

не национального баскского флага — молодую каталонку, страстно призывающую помочь баскам. А по обе стороны — силуэтно, синим и черным по белому — набросал несколько боевых эпизодов: жаркие штыковые схватки, пальбу зениток, нападающие фашистские самолеты...

Тем временем в студию вошли товарищи Кармоны — члены барселонского Объединения художников-профессионалов во главе с коммунистом Марти Басом. «Хороший плакат!» — единодушно одобрили они. Эскиз тотчас был послан в типографию. А на следующий день я уже был выставлен в самом центре Барселоны, в одном из огромных окон особняка маркизы Барбера. До мятежа там плели свои козни фашисты. А теперь этот особняк был передан художникам. Они днем и ночью работали во имя революции.

У окон особняка Барбера обычно с утра толпился народ. Командиры отрядов, отправляющихся на фронт, всегда останавливали здесь своих людей. И бойцы клялись сражаться до конца.

Прошло несколько дней. Вдруг — поздно вечером — меня сняли со стенда и куда-то понесли. Затем быстро скатали в рулон — вместе с плакатами других художников. Вскоре все разъяснилось: едем в Советский Союз! Ура! Вместе с делегацией нас отправляют в СССР!

Вначале мы плыли на пароходе. Не прошло и часа, вдруг — фашистская подводная лодка! Мгновенная торпедная атака, — и наш пароход стал медленно погружаться. К счастью, до берега было

недалеко. Все спаслись. Спасли и нас. После этого было решено послать делегацию другим путем.

Теперь мы на автомобиле отправились до французской границы. От границы поезд быстро домчал нас до Парижа. Там пересели на рейсовый английский самолет. Не прошло и нескольких часов, как мы очутились в Англии, в Лондоне. А из Лондона в тот же день на советском теплоходе отплыли в Ленинград.

29 апреля 1937 года, вечером, «Феликс Дзержинский» медленно входил в ленинградский порт. Посланцев республиканской Испании пришли встречать тысячи людей — рабочие и работники, пионеры и комсомольцы. Гремели оркестры. Звенели песни. В лучах заходящего солнца огненным кумачом полыхали на ветру флаги страны Советов. В момент, когда наша делегация стала спускаться по трапу, оркестр грянул «Интернационал». Пролетарский гимн дружно подхватила вся площадь.

...Почти четверть века минуло с той поры. А там, на далекой родине, временно взяли верх фашисты. Однако на стенах испанских городов по-прежнему появляются плакаты. Они, конечно, теперь не такие большие, как я. Часто даже с почтовую открытку! Но фашисты всегда в ярости, когда видят их. Они срывают и топчут эти плакаты. Однако плакаты появляются все снова и снова.

Скоро в Испании вновь торжествует республика. Над Эускади вновь будет свободно реять баскский флаг... Нет! Не напрасно создал меня Кармона!»

*Рассказ плаката выслушал и записал
Е. Тепер*

OFENSIVA PARA EUZKADI

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ РАССКАЗ

Бранко Чопич

Рисунок С. Острова

Этот рассказ перенес землетрясение, поэтому в нем все перепутано. Попробуйте каждое слово вернуть на его прежнее место.

Как только холм выкатился из-за солнца, кровать соскочила с деда, надела ноги на лапти, нахлобучила голову на шапку и открыла дом двери:

— Глянь-ка, ночью земля хорошо полила дождь, — удивленно пробормотал ус, закручивая деда, и быстрым дворином потрусил по шагам, выпустил хлев из коровы и сказал:

— Ну, рогатый лужок, иди пасись на зеленую скотинку, а я пойду в дрова, принесу леса.

Дед положил плечо на топор и подмигнул бабкой глазу:

— Старуха, свари-ка в яйце четыре кастрюли к тому времени, когда работа возвратится с меня. Сегодня обед хочет съесть вкусного деда...

Дорога припустила по деду, поднимая своей широкой пылью облака лаптей. Увидев это, испугалась ехавшая навстречу телега, на всем скаку перевернула лошадей, а узда выпустила кучера и упала дорогой на спину.

Происшествие, перепуганное дедом, пустилось по полю быстрее леса, мчащегося к зайцу. Когда, наконец, он бросил себя перед взглядом, от зубов у него застучал страх и голова его поднялась на волосах: из близкого волка выглядывал кровожадный лес!

— Ой, ну и влипла же история в деда!

Охваченный сумасшедшим стариком, наш страх перескочил через штаны и разорвал колючий терн, а потом быстрее поля помчался через сверкающий метеор обратно.

Перед домашней бабкой ждал его верный порог.

— Клянусь волком, бог в лесу! — заорал голосина хриплым дедом.

Дом с перепугу вскочил в бабку и запер ключ дверями, а бедное дерево полезло на деда, на верхушке вцепилось ветками в руки, ожидая, что вот-вот двор прибежит на волка.

Перевела с сербского И. Боброва

МАТЯШ ЯНОШ

А. Ченуров

Рисунок

В. Бескаравайного

— Матяш Янош!

— Матяш Янош! — говорят...

Матяш Янош —

Человек и виноград.

Человек пришел домой

С большой войны —

К виноградникам

Венгерской стороны.

Много горечи

Испил он за войну.

А Дунай катил

Зеленую волну.

Лился солнечный поток

С вершин Карпат.

Улыбнулся Матяш Янош,

Говорят,

Улыбнулся

Первый раз

За столько лет

И почувствовал,

Как сердце

Тронул свет.

Эту радость,

Не щадя в работе сил,

Он из сердца

В виноград переселил.

Слышал я,

На Украине говорят:

— «Матяш Янош» —

Дуже добрый виноград!

ТЫ ПРИХОДИ К НАМ, ПРИХОДИ!

ПОВЕСТЬ

Виктор Голявкин

Рисунки автора

На сцену выбежал вожатый, взял Саню за руку и увел. Вожатый сейчас же вернулся и сказал:

— Дорогие гости, наш конференсье несколько превысил свои полномочия. Вместо того чтобы объявить номер «Танец матрешек» в исполнении сестер Трендафиловых, он спел песню...

Но тут зрители закричали, засмеялись, не дали вожатому говорить, требуя на сцену Саньку.

— Пусть прочтет! — кричали зрители.

Вожатый ушел, и опять вышел Санька.

— Я памятник себе воздвиг нерукотворный! — заорал он сразу.

— К нему не зарастет народная тропа!..

Он прочел все стихотворение, и все остались довольны. Все просили еще что-нибудь исполнить, а когда появился вожатый, некоторые зрители даже засвистели. Они ни за что не хотели Саньку отпускать, и он рассказывал сказку писателя Козлова в своем изложении. Опять все захлопали и не хотели его отпускать. Но тут опять на сцене появился вожатый и, не обращая внимания на недовольство зрителей, все-таки Саньку увел.

На сцену выбежали девчонки в костюмах матрешек.

Сзади шмыгали носом. Я обернулся и увидел того самого мальчишку-рыболова. Он меня тоже узнал и к губам палец приложил, чтобы тише. А рыбой от него пахло — жуть! Он ведь ее все время за пазуху пихал...

Матрешки поднимали клубы пыли, но, несмотря на это, еще сильнее застучали ногами, как будто хотели всю пыль выбить окончательно.

После номера матрешек зрители опять стали вызывать Саньку, а матрешки думали, их вызывают, радостные выбежали на сцену и еще раз сплясали. Третий раз они уже не стали плясать, наверное, поняли, что это не им аплодируют. Видно было из-за занавеса в глубине сцены, как вожатый спрашивает Саньку выступить, а он ломается. Наверное, обиделся, что ему вначале не дали выступить. Но в конце концов Санька вышел, оглядел всех, подмигнул кому-то (наверное, мне) и крикнул:

— Концерт пляски!

И стал плясать так, что первые ряды встали со своих мест и отошли в стороны к стенам, — он один поднял столько пыли, что даже двадцать сестер Трендафиловых не смогли бы этого сделать. Некоторые стали чихать и

кашлять. Способный все-таки Санька человек, — ничего не скажешь! Кончив плясать, он сразу, даже не отдышавшись, запел новую песню. Он, видимо, боялся, что ему не дадут еще раз спеть. Песня была о том, как любима-я провожала солдата, и когда доходило до слов: «Руку жала, провожала...» — Санька подбегал к самому краю сцены, даже казалось, он может свалиться вниз, и протягивал зрителям обе руки в крепком пожатии. В этом месте некоторые почему-то смеялись, но Санька на таких людей внимания не обращал (не такой он был человек!) и спел до конца всю песню.

Когда он кончил, раздался прямо гром аплодисментов. Санька подождал, когда все успокоится, и сказал:

— А сейчас я вам прочту стихи собственного сочинения, которые называются: «Да здравствует лето!»

*Да здравствует лето,
Да скроется тьма!
Да здравствует — это,
Но не зима!
Нет, лучше я буду купаться,
Чем с горки на лыжах кататься!
В траве лучше буду валяться,
Чем на морозе болтаться!
Послушайте, люди, меня,
Послушайте лучше поэта,
Своими стихами звеня,
Я славлю не зиму, а лето!
Но если попросят меня
Прославить не лето, а зиму,
То я, ничего не тая,
Своими стихами звеня...*

В этом месте Санька остановился и сказал:

— Тут у меня как бы обрывается...

Все засмеялись, захлопали, а Санька сказал:

— Я вам могу прочесть другое свое стихотворение, если вы не устали...

Зрители опять захлопали, давая этим понять, что они нисколько не устали, и Санька сказал:

— Тогда, пожалуйста! Только у меня названия пока нету, и я буду без названия, если можно...

— Можно! Можно! Мы не устали! — кричали зрители.

— Тогда я начну:

*Метет метель за окном,
Мать веником пол метет...
А я сижу за столом,
Пишу, что на ум придет...*

Санька вдруг тяжело вздохнул и сказал:

— В этом месте у меня тоже обрывается...

К нему шел вожатый.

А Санька вытащил из кармана два платка и стал ими махать в воздухе. Я сразу понял, что он собирается фокус показать, но другие, наверное, не поняли и продолжали хлопать. Вожатый подскочил к Саньке и стал ему что-то на ухо говорить. А Санька махал платками и не хотел слушать.

В конце концов он спрятал свои платки в карман и совершенно жутким, печальным голосом объявил следующий номер. После этого ушел со сцены, вызываясь покачиваясь.

Больше Санька со своими номерами не выступал, только выходил объявлять другие номера. Как только он появлялся, зрители оживлялись, смеялись и хлопали. Они его очень тепло, с большой радостью встречали.

После окончания зрители только и говорили о Саньке, какой он замечательный парнишка, забавный парнишка, симпатичный парнишка, удивительный парнишка, редчайший парнишка и еще какой-то там парнишка. Хотя я бы такие стихи тоже мог бы сочинить, и спеть мог бы (и не хуже), и Пушкина мог бы прочесть, даже лучше, и сказку писателя Козлова я тоже читал и мог бы ее пересказать. Я все это мог сделать не хуже, но я этого не сделал, а он взял да и сделал, вот и получается, что самое главное — сделать, а не подумать. Если ты ничего не сделал, никому не показал, то никто и знать не будет, что ты мог. Я твердо решил на каком-нибудь вечере в школе выступить с разными номерами, мне тоже захотелось стать замечательным, забавным, удивительным, редчайшим, симпатичным парнишкой... Только вот смогу ли я сплясать? Вот это неизвестно... но если потренироваться как следует перед зеркалом, то непременно смогу, а если не смогу — заменю пляску художественным свистом — слух у меня неплохой и свистеть умею...

Зрители долго еще хлопали, не уходили, а рыбак сзади мне в ухо носом шмыгал. Мы с ним вместе вышли.

— Пошли Саньку искать, — сказал я.

— Мне рыбу надо ловить, — сказал он.

— Ты уже простудился, — сказал я.

Он шмыгнул носом.

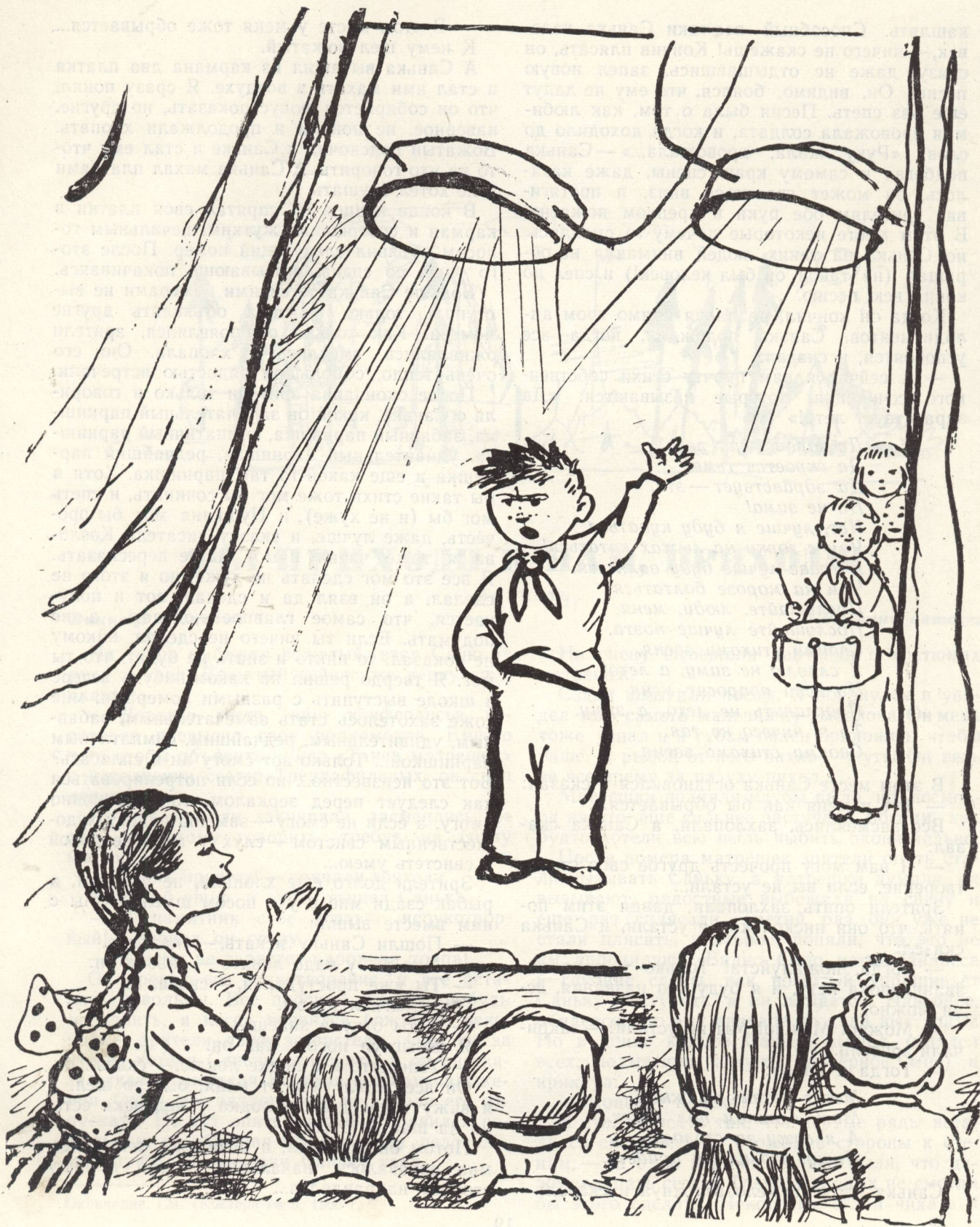
— А ты откуда знаешь?

Я шмыгнул носом, как он.

— Теперь-то я в лодке ловлю, — сказал он.

Он все хотел уйти от меня, быстро шел, а я вижу такое дело, — лодка у человека есть, ни на шаг не отстаю.

Потом он побежал, а я за ним, тем более, мне показалось, начальник лагеря в нашу сторону направлялся...

В ЛОДКЕ

Он остановился на дороге:

— Ну, чего ты бежишь за мной?

Мы с ним запыхались, стоим, друг на друга смотрим и дышим тяжело.

— Слушай, долго ты так за мной бежать будешь?

Я молчу.

— Если ты так за мной бежать будешь, я не знаю, что тебе сделаю!

Он повернулся и пошел. А я за ним. На таком расстоянии, чтобы он мне ничего не сделал.

Он опять остановился.

— Послушай, — кричит, — у меня там удочки спрятаны, не желаю я, чтобы все знали, где у меня удочки спрятаны!

— Я на твои удочки смотреть не буду, ты меня только в лодку возьми, зачем мне твои удочки!

Он кричит:

— А ты отвернись, раз тебе мои удочки не нужны!

— А ты в лодке меня покатаешь? — спрашиваю.

— Да черт с тобой, садись в лодку, только не гляди, куда я удочки прячу!

Я отвернулся, он свои удочки достал и говорит:

— Смотри, чтобы в лодке шум не производить!

Я ему обещал, что шума производить не буду, и мы в лодку влезли.

Как только немного отъехали, я говорю:

— А что, если на тот берег к нахимовцам катануть? Посмотрим, как там нахимовцы живут, и обратно.

— Больше мне делать нечего, как к нахимовцам ехать, чего это я там не видел! Ты сиди да шум не производи!

— А что, если, — говорю, — я за лодку уцеплюсь и буду плыть, а ты меня будешь везти?

— Да ты что, — говорит, — шутишь, что ли? Как же я тогда рыбу буду ловить? Ты лучше гляди, нет ли коров поблизости, они нам рыбы напугают...

Коров не было видно, и я сказал:

— Неплохо все-таки к нахимовцам катануть...

В это время он якорь бросил и мне не ответил. Я все смотрел на тот берег, а он удочки разматывал.

Он удочку забросил, а я хотел воду рукой зачерпнуть и чуть лодку не перевернул.

— Не производи шум! — заорал он.

Я встал, чтобы шум не производить, а лодка так закачалась, что я чуть в воду не свалился.

— Ну-ка, сядь! — орал он. — Ну-ка, сядь! Вот чурбан! Не смей мне шум производить!

Он стал вытаскивать якорь и все повторял, что в этом месте теперь нет смысла рыбу ловить, она вся ушла.

Мы уплыли в другое место, а я все думал, как бы на тот берег к нахимовцам попасть.

Он снова бросил якорь.

Я старался шума не производить и сидел не двигаясь.

Но рыба не ловилась.

— Что же это такое, — сказал я, — никакого шума нет и рыбы нет...

Он во все глаза на свой поплавок глазел, а мне надоело на него глазеть, раз ничего с ним не случается.

— Никакой тут рыбы нету, — сказал я, — все ясно...

Он глаз с поплавок не спускал и молчал.

— Да где же рыба! — говорю. — Нету никакой рыбы!

Он на меня посмотрел и спрашивает:

— А?

— Хорошо бы на тот берег, — говорю, — поехать, раз рыбы нет.

В это время его поплавок под воду шел, а он как раз со мной разговаривал. Он дернул, да поздно. Всего червяка рыба съела и ушла.

Он как закричит:

— Если ты мне еще про тот берег скажешь, я не знаю, что тебе сделаю!

Насадил он нового червяка, забросил и сидит, опять на свой поплавок смотрит. Только он в другую сторону забросил, и мне не видно стало поплавок, и я осторожно пополз, чтобы поплавок увидеть. И тут я рукой банку с червями задел, и она в воду бултыхнулась. Я не знал, что это за банка такая, и ползу себе дальше как ни в чем не бывало.

Он ко мне спиной сидел.

Повернулся и как заорет:

— Что ты наделал!

А я сразу не понял, что это банка с червями, и говорю:

— Какая-то коробочка упала...

— Немедленно, — кричит, — убирайся от меня! Уходи сейчас же! Тут же уходи! Сматывайся сию минуту! Сию секунду проваливай!

— Да как же я сию секунду уйду, если вокруг вода...

Он стал грести изо всех сил к берегу и все ругался, ругался, и кулаком мне грозил, и

себя ругал за то, что взял меня, а я только делал виноватое лицо — чего же я мог еще сделать!

Я ему даже «до свидания» не сказал, выпрыгнул из лодки и пошел.

А он мне вдогонку крикнул:

— Дурень несчастный, тунейдец, балбес!

Я повернулся и кулаком ему погрозил. Какое он имеет право меня разными словами обзывать!

РАЗГОВОР

Я и говорю Матвею Савельичу:

— Плохо все-таки, что у вас нет лодки.

— Плохо, что жены нет, — говорит Матвей Савельич.

— Возьмите да женитезъ, — говорю.

— Возьми лодку себе да и сколоти, — говорит Матвей Савельич.

— Как же я сколочу?

— Ты лодку себе сколотить не можешь, а я жизнь свою сколотить не умею. Вот и выходит, что мы с тобой никудышные в жизни люди...

— Да ну, — говорю, — подумаешь, лодка! Это вовсе не значит, что я никудышный.

— А я, по-твоему, никудышный? Если бы никудышный был, такого сада у меня не было бы. Никудышный человек, он куста посадить не может. А колодец? Видал мой колодец? Только с ямщиковским колодцем сравниться может! Сам рыл. Сам копал. А землю на тележке отвозил. А это ж работа. Это ж труд! Да если еще орден Славы заслуженный во внимание взять, то даже получается, что человек я славный, а не никудышный... нет, брат, боевой я человек да работающий...

— А я в этом году все пятерки получил, — сказал я.

— Вот и получается, — сказал Матвей Савельич, — что мы с тобой люди достой-

ные, славные. Только нам маленько не везет...

— Мне ужасно не везет, — сказал я.

— А если вникнуть, — сказал Матвей Савельич очень задумчиво, — то каждому человеку, по моему мнению, в чем-то не везет. Это если подумать. А кому больше везет, а кому меньше, это и понять-то невозможно. А те, кому кажется, будто им везет особенно, так они в этом ошибаются, потому что не подумали...

— Вот у нас в классе один мальчишка был, — говорю, — вот ему здорово везло! Что знает, то его учительница и спрашивает. Всегда пятерки получал. Только он в прошлом году в речке утонул...

Матвей Савельич так на меня посмотрел, — я сразу понял, что глупость сказал.

— Да он не совсем утонул, — говорю, — его потом откачали...

— Повезло человеку... — сказал Матвей Савельич.

Почесал он свою бороду и говорит:

— Вот оно что значит везенье, вещь такая спорная...

Еще бороду почесал и говорит:

— ...Вот погоди, управлюсь, сработаю тебе лодчонку, да такую, что сама без весел и паруса плыть будет...

СОБИРАЙСЯ СКОРЕЙ, СОБИРАЙСЯ!

Смотрю утром в окно, а у ворот наших Санька стоит и мне рукой машет. Я сразу во двор бегом, такая радость меня взяла!

— Вот это замечательно, — говорю, — что пришел! Как раз о тебе вспоминал!

— Погоди болтать, — говорит Санька, — времени осталось мало.

— Какого времени? — спрашиваю.

— Немедленно собирайся, если тебе интересно, и отправляйся с нами.

— Куда отправляться?

— Если ты узнаешь, куда отправляться, ты прямо до неба подпрыгнешь. Если тебе только интересно.

— Вот это красота! — говорю. — Только ты сначала скажи, куда мне отправляться, отку-

да я знаю, что мне интересно, а что не интересно, если я ничего не знаю?

— Узнаешь, — говорит Санька, — узнаешь, только ты скорей собирайся, ты еще до неба подпрыгнешь!

— А чего мне собирать? — спрашиваю.

— Да ничего не собирать, — говорит Санька, — ты только сам собирайся.

— Как мне собираться? — спрашиваю.

— Фуфайку, — говорит, — возьми и все.

— Фуфайку?

— Возьми, возьми, — говорит Санька, — фуфайку обязательно возьми!

— А еще чего взять?

Санька подумал и говорит:

— Фуфайку, пожалуй, брат не надо, ничего брат не надо...

— А чего брат?

— Чего-нибудь возьми.

Я уже хотел бежать чего-нибудь взять, но тут же понял, что никак не могу этого сделать, ведь для этого надо знать, чего брат.

Странная у него все-таки привычка все недосказывать!

— Еды у нас навалом, — говорит.

— Какой еды?

— ...В крайнем случае, товарищи тебя выручат.

— Какие товарищи?

— Да ты что, не проснулся? Что я тебе не товарищ, что ли?

— Ты-то? Конечно, товарищ, как же ты не товарищ!

— А раз я товарищ, значит, и другие товарищи, там-то тебя не посмеют гнать! Кто мо-

жет гнать из леса? Лес общий. Если тебя из леса погонят, вот потеха будет!

— Из какого леса?

— Да ты не рассуждай, а собирайся. Неужели ты понять не можешь (ну и голова у тебя!), что отправляемся мы сейчас всем отрядом в поход с ночевкой...

— А мать?

— Что мать?

— А как же мать?

— Вот фрукт! Если тебя мама в поход не пускает, тогда нам с тобой не о чем разговаривать...

— Кто сказал, что не пускает?

— Ты сказал.

— Когда?

— Сейчас.

— Никто не имеет права меня в поход не пускать! — крикнул я.

ПОХОД

Мы с Санькой договорились: сначала я сделаю буду идти, на почтительном расстоянии, чтобы меня не видели. А потом, когда в лес углубимся, я могу на глаза появиться. Тогда уже никто меня обратно не пошлет, и я могу вместе со всеми дальше идти. Правда, мы с ним не договорились, сколько времени мне на почтительном расстоянии идти. Один раз я их из виду потерял, побежал вперед и чуть на вожатого не налетел. Хорошо, он меня не заметил. Он обернулся, а я за куст спрятался. Потом Санька специально отстал, и мы с ним переговорили. Он советовал мне пока держаться на почтительном расстоянии, а мне надоело. Он стал уговаривать еще некоторое время не показываться, но в это время его позвали, и он убежал, чтобы не вызывать подозрений. Я еще немного продержался на почтительном расстоянии, а когда отряд на полянку вышел, я тоже к ним вышел. Санька стал мне знаками показывать, чтобы я обратно в лес уходил, а я и не подумал. Как ни в чем не бывало прошелся по полянке, и в сторонке сел.

Вожатый ко мне спиной стоял и дирижировал, а они пели:

*Летний денек,
Речка, песок,
Тихий лесной ручеек, ок, ок, ок!
Светлый лужок,
Синий дымок,
И над костром пионерский котелок, ок,
ок, ок!*

Так дружно пели! Особенно это «ок, ок, ок!» у них здорово получалось. Раз десять эту песню спели. Припев я запомнил и с ними пел. Никто на меня никакого внимания не обращал, не считая Саньки. Он все продолжал мне разные знаки делать, что-то на пальцах показывать — надоело ужасно! Не для того я в поход собрался, чтобы на почтительном расстоянии плестись. Никто не может мне запретить на полянке сидеть!

Все встали и пошли, а я за ними. Иду себе сзади, и никто меня даже не спрашивает, зачем и куда я иду. Вожатый обернулся и на меня посмотрел, а потом еще раз обернулся и говорит:

— Что это ты, мальчик, за нами увязался? Не вздумай с нами идти, мне за тебя отвечать нет никакого желания.

Я остановился и говорю:

— Да что вы! За меня отвечать совершенно не нужно!

— Гуляй сам по себе, — говорит вожатый, — а к нам не пристраивайся!

Я обиделся и говорю:

— Если я с вами песню спел, это не значит, что я к вам пристраиваюсь.

Санька говорит:

— Пусть он с нами идет, он хороший парень.

И ребята говорят:

— Да пусть идет, нам жалко, что ли.

Вожатый говорит:

— Никаких хороших парней! Чтобы я больше не слышал этих слов! Пока не поздно, возвращайся к своей маме!

Санька говорит:

— С ним теперь уже ничего не сделаешь, он никуда не пойдет...

— Как это не пойдет? — говорит вожатый.

— Никуда я не пойду, — говорю я.

Вожатый говорит:

— Отстань от нас, я тебя предупреждаю.

— Не отстану, — говорю.

— Неужели ты не понимаешь, мальчик, что ты нам нежелателен? Ну, что ты пристал к нам, зачем? Разве можно так поступать? Тебе ведь не разрешают с нами идти, а ты идешь. Ну, разве это хорошо?

Санька говорит:

— Ему одному скучно живется, он на все пойдет.

— Как это на все пойдет? — спрашивает вожатый.

— Я все равно за вами пойду, — говорю.

Ребята говорят:

— Он теперь дорогу обратно не найдет.

Санька говорит:

— Он, наверное, дорогу обратно забыл, как же он теперь вернется?

Вожатый так разнервничался!

— Не валяйте дурака! — кричит. — Мы совсем мало прошли! Кого вы из меня хотите сделать?!

Санька ко мне подскочил и на ухо мне шепчет:

— Ему все кажется, из него хотят простофилю сделать... говорят, у него печень больная...

Я сразу задом к лесу попятился.

— Не смей за нами идти! — крикнул мне вслед вожатый.

Я за дерево спрятался. Они постояли, в мою сторону посмотрели и пошли.

Я подождал, пока они подальше отойдут, и за ними пополз. Потом их потерял.

Вскочил, за ними побежал.

Бежал, бежал, а они мне навстречу идут. Выходит, я вперед их забежал.

Я обратно бежать. Ребята смеются, а вожатый вслед мне кричит, чтобы я домой возвращался.

Некоторое расстояние пробежал, остановился, чтобы дух перевести.

Постоял, отдышался и забыл, откуда я бежал. И в какую сторону мне теперь бежать. Это я, значит, на месте крутился и все стороны перепутал.

Стал бегать по лесу, их звать.

То в одну сторону побегу, то в другую, то в третью, а то в четвертую.

— Кто здесь?! — кричу. — Кто здесь?!!

Сел на пенек, слезы у меня из глаз каплют.

А если я дорогу обратно не найду, только одни кости мои в лесу найдут? Поплачут родители над моими костями... Простят, что школу пропускал... Если бы они знали, что от меня одни кости останутся, они бы меня ни за что на свете, никогда, ни за что не ругали бы...

Вдруг слышу:

— ...ок, ок, ок!..

Они!

Ура!

Куда теперь бежать? К ним или от них?

Если я к ним побегу, вожатый опять меня гнать начнет, но, в то же время, если я от них все время бегать буду, — тоже не дело. Не для того я, в конце концов, в поход собрался, чтобы вокруг них по лесу бегать!

Вдруг песня прекратилась. Опять их потерял.

Тогда я слезы вытер и пошел вперед наперекор всему. И чего это вожатому кажется, будто из него хотят простофилю сделать?.. С чего это он взял! У меня такой мысли вовсе не было, как бы ему объяснить, что у меня такой мысли никогда в жизни не было...

Я их издали увидел.

Почему-то вдруг испугался идти наперекор всему и за куст лег. Из своего укрытия наблюдаю, как они рассаживаются, вынимают бутерброды из рюкзаков и едят.

Мне так есть захотелось! Хоть ложись да помирай. Вовсю себя ругаю за то, что утром поесть не успел, а теперь, после этой бестолковой беготни, в желудке, наверное, ничего не осталось.

Я к ним направился из своего укрытия. Вид у меня был что надо! Заплаканный и весь в земле.

Навстречу мне Санька выбежал. Он меня первый заметил. Я на него умоляюще посмотрел и говорю:

— Дай мне кусок бутерброда, тогда я опять в лес уйду...

А ребята кричат:

— Смотрите, смотрите, он опять идет!

Санька говорит:

— Пусть человек идет с нами, куда он теперь обратно пойдет, вы посмотрите, какой он голодный и усталый...

Он дает мне бутерброд, и я его моментально весь целиком запихиваю в рот.

Вожатый говорит:

— Я никакого морального права не имею брать тебя с собой.

Санька говорит:

— Человек ведь пропадает, голодный и заблудший...

Ребята говорят:
— Дайте ему бутерброд съесть, а потом ругайте...
Вожатый говорит:
— Дайте ему еще бутерброд в таком случае...

Ребята вокруг меня столпились и сразу мне несколько бутербродов дали.

— Пусть он ест, — кричат, — дайте ему поесть! Не мешайте ему есть!

Вожатый подождал, пока я наемся, и говорит:

— Почему ты все время за нами шел, негодный мальчишка!

— Это я его позвал, — говорит Санька.

— Твои выходки ни с чем не сравнимы, — говорит вожатый, — никто нам права не давал брать с собой посторонних.

— Какой же он посторонний, — говорит Санька, — если он наш сосед.

— Сосед — это еще не значит, что не посторонний, — говорит вожатый.

— Соседи должны быть друзьями, — говорит Санька.

— Ты все-таки, может быть, найдешь обратную дорогу, мальчик? — спрашивает вожатый.

— Да как же я ее найду? — говорю. — Вы что?

— Неужели не найдешь?

Я с радостью говорю:

— Ни за что не найду, честное пионерское!

После бутербродов мне как-то легче на душе стало.

— А ты, Саня, будешь держать ответ перед начальником лагеря, — говорит вожатый.

Ребята кричат:

— Пусть, пусть идет! Тем более, он наш сосед!

Вожатый вздохнул и говорит:

— Иди сюда.

— А вы меня не ударите? — спрашиваю.

— Да ты с ума сошел! — говорит вожатый. — Откуда у тебя такие представления о воспитателях! Не хватает мне еще с тобой драться! Этого мне еще не хватает! Кого вы из меня хотите сделать?

Ребята говорят:

— Ты не бойся, он никогда никого не бьет. Тогда я к нему подошел.

— Будешь вести себя образцово? — спрашивает.

Санька говорит:

— Если хотите, я за него поручиться могу.

— Кому это надо, твое поручительство, — говорит вожатый, — когда ты сам за себя поручиться не можешь.

Вожатый взял меня за плечи и так, стоя передо мной и глядя мне в глаза, сказал:

— Коллектив — это большая сила. Что знаешь ты без коллектива? Без друзей? Вне общества? Ты — ноль! Да, да. И я понимаю тебя. Хотя я не имею права брать тебя с собой, но мы все-таки тебя возьмем, тем более, тебя уже обратно не пошлешь. Но ты дорогой от нас не отставай и, пожалуйста, не теряйся, я тебя очень прошу, потому что с этой минуты я несу за тебя полную ответственность, представь себе...

Он улыбался, когда все это говорил, и таким симпатичным мне показался — дальше ехать некуда!

— Теперь-то уж я не потеряюсь, — сказал я.

— Это будет очень благородно с твоей стороны.

— И с вашей стороны благородно, что вы меня с собой берете, — сказал я.

— Вперед, — сказал вожатый, — а то мы так до реки еще не скоро доберемся.

Все надели рюкзаки и отправились дальше.

Санька со мной рядом шел и про вожатого рассказывал:

— Его однажды ребята подвели. Он с нами договорился, что мы будем спать в тихий час, а он в соседний лагерь сходит по делу. Мы ему обещали, что будем спать, и он может спокойно уходить. А когда он ушел, мы говорим: «Айда на озеро, ребята, искупнемся и обратно, пока Виктора Александровича нет». Мы с кроватей повскакали и на озеро со всех ног. Вода еще холодная была, но мы все равно разделись и купнулись. Тут нас начальник лагеря и поймал. После этого Виктор Александрович нам все время говорит, что мы из него простофилю хотим сделать, а мы, ты же сам понимаешь, никакого простофилю из него делать не собирались... Мы хотели быстро возвратиться, откуда мы знали, что нас начальник лагеря поймает... Так что ты на него не особенно-то обижайся...

— Да я и не обижаюсь... Вот только нечестно вы с ним поступили...

— А я говорю честно, что ли? Факт, нечестно...

— Зачем же вы так поступили?

— Да мы же нечаянно поступили, вот чудак! Откуда мы знали, что нас начальник лагеря поймает...

— Но вы же знали, что нечестно поступаете?

— Вот пристал! — сказал Санька. — Откуда мы знали, ничего мы не знали!

— Как же не знали?

— Не знали и все!

Хороший у него был характер, веселый такой, он так и не мог понять, что все-таки он нечестно поступил. Он к этому так просто отнесся, как будто ничего и не было. Удивительный у него все-таки характер! Я бы сказал: нет, ребята, не надо, что вы, зачем и всякое такое. А ему это, наверное, даже и в голову не пришло, когда он отправился купаться на это озеро. Он ведь не один пошел купаться, вот что странно...

— Не растягивайтесь! Подтягивайтесь! — кричал вожатый.

Мы с Санькой немного отстали и побежали догонять.

— Мы на тихом часу вообще всегда духа-римся, — рассказывал Санька на бегу, — весе-

лимся, подушками кидаемся, а Виктор Александрович из-за этого себе нервы треплет, а по-моему, не стоит, подумаешь, там, подушками лупим друг друга — и все. Ужасно ведь весело, правда?

Я согласился с Санькой, что действительно это весело, сам не знаю почему.

Этот поход Санька описал в дневнике замечательно:

«Привал у нас был через полтора километра. Это был первый привал. Мы все хором спели нашу любимую песню «ок, ок, ок!» Мы с таким удовольствием ее спели, что решили еще спеть ее десять раз. После этого мы прошли еще километр, сели на привал и стали есть бутерброды. В это время оказалось, что нас преследует Валька-дачник, которому я сказал, чтобы он нас преследовал. Он к нам присоединился, и дальше мы уже отправились уже в гораздо большем количестве. К следующему привалу мы подошли со следующими вопросами: «Скоро ли придем?» и «Скоро ли обед?» Но нам не пришлось мирно отдохнуть. Заметили лесной пожар и стали тушить. Но вот пожар потушен. Надо сказать, что перед тем как тушить пожар, мы, по приказу Виктора Александровича, залезли на деревья, чтобы выяснить, откуда дым. Правда, Виктор Александрович сказал, чтобы кто-нибудь один лез, а мы все сразу полезли, кроме девчонок. А Валька-дачник не полез, потому что он обещал Виктору Александровичу образцово себя вести. Потом мы добрались до пожара и засыпали огонь землей и затоптали ногами. Но вот, как я уже сказал, пожар потушен.

После пожара нам не терпелось скорее обедать, хотя другие говорили, что они еще не хотят обедать, но я был с ними не согласен. Виктор Александрович просил нас потерпеть до речки. И вот мы дошли до речки. Я сразу залез в воду и стоял в воде. Все тоже захотели залезть в воду, но Виктор Александрович их не пустил, а меня вывел из воды за руку. Но вот все взялись за дело. Кипит работа. Некоторые уже поставили палатки и отдыхают. Я тоже лег отдыхать в поставленную палатку. В это время наш министр внутренних дел Пенькова, не теряя времени, ходит, слушает и записывает. На вечернем костре вся тайна раскрывается: она записывала всех нарушителей по совету Виктора Александровича. Я тоже попал в этот список, так как стоял в реке. Все нарушители исполнили свои художественные номера. Я исполнил несколько номеров, в том числе номер — подражание паровозу. Я показал, как паровоз пыхтит, гудит, мчит и как подходит к станции. Этот номер всем понравился, и я показал, как стреляют тяжелые орудия и крупнокалиберные пулеметы. После этого меня попросили больше не исполнять, и я согласился. Перед костром, как я забыл сказать, мы ели вкусный суп из тушенки и очень вкусное второе, только я забыл, как оно называется, хотя съел его две порции. Ночью мы спали, а утром пошли обратно, предварительно позавтракав. Мы были счастливые и довольные. В лагерь мы вошли с песней. Побольше бы таких походов и полезных дел, как тушение пожара!

*Председатель совета отряда
Саня Буртиков».*

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ДЕТИ

Вожатый Виктор Александрович мне на прощание сказал, что я вполне могу время от времени в лагере появляться. Только вот почему время от времени — это мне не понятно. И вообще было непонятно, что это значит — время от времени? Сейчас, например, могу я там появиться или нет? А завтра могу? А если сегодня и завтра не могу, то когда могу? В конце концов, если я с ними в поход ходил, значит, и в лагерь могу пойти...

И я через забор перелез, ведь еще неизвестно, как часовые отнесутся к этому моему рассуждению.

Нервы у меня были напряжены. Я, сколько себя помню, всегда по этой лагерной территории с напряженными нервами ходил.

И вот с такими напряженными нервами встречаю я возле кухни Саньку. Он как меня

увидел, сразу стал мне котлету совать, можно подумать, он только и делает, что эти котлеты ест. Я как раз о том думал, что не только он может плясать, петь и все такое... И ничего сложного нету показывать, как пыхтит паровоз и стреляют крупнокалиберные пулеметы...

— Убери, — говорю, — свою котлету.

Он ее сейчас же в рот убрал. Жует и улыбается.

Съел котлету и говорит:

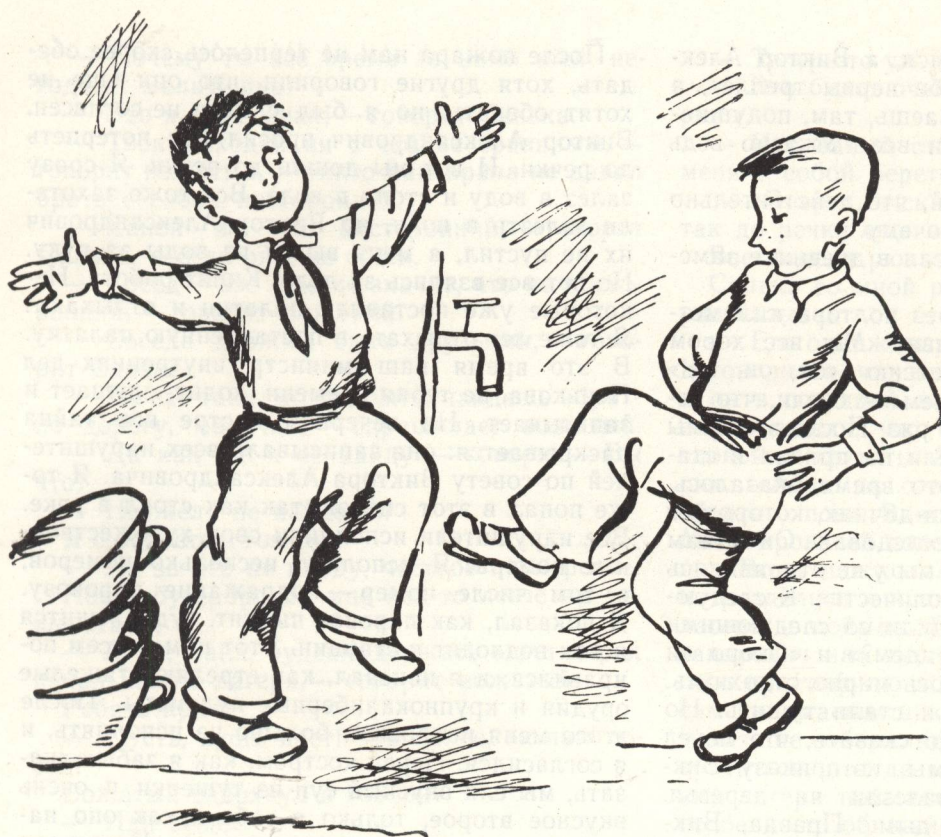
— Вот фрукт! Котлету не хочет.

— Знаешь что, — говорю, — я не хуже тебя умею разные штучки выкидывать, разные там пляски, песни разные там...

— Ну и что? — говорит.

— А то, — говорю, — что я не хуже тебя плясать умею!

Он, представьте себе, обрадовался.

— Серьезно умеешь? Чего же ты мне раньше об этом не сказал?

Мне вдруг неудобно стало, вроде я ему завижусь.

— Что же, по-твоему, я должен ходить и всем докладывать, так, что ли?

— Зачем же всем! Другу-то своему мог сказать? Зачем же от друзей свои способности скрывать! Вот фрукт!

Мне эти его усмешки и разное такое кривляние ух как надоело!

— Если ты еще раз меня этим фруктом называешь, — говорю, — я с тобой разговаривать не буду...

— Так это же у меня привычка такая!

Он подпрыгнул, в ладоши хлопнул и как заорет:

— Вот фрукт!

Я даже не знал, обижаться на него или нет, и решил не обижаться. Тем более, он у меня тоже привычку нашел, не буду говорить какую.

После всех этих разговоров мы с ним соревноваться пошли. Кто дольше спляшет.

Я думал, мы на сцену в клуб пойдем, а мы в баню пошли. Пыли, говорит, там нету и пол дощатый. Тихо и спокойно. Пляши себе, сколько твоей душе угодно. Подходящее он все-таки место нашел для соревнования. Мне бы никогда такая идея насчет бани в голову не пришла. Нет, он, конечно, способный чело-

век, что там и говорить! Зря все-таки я полез с ним соревноваться... И чего это меня дернуло хвалиться, что я плясать умею! Как раз я плясать не умею. Спляшу, как могу. И все.

Главное, на дыхание напирать, чтобы его переплясать. В конце концов, он не какой-нибудь там знаменитый плясун из Грузинской республики...

Пришли мы в баню, а там топится. А он это не заметил, что ли, говорит:

— Ну, давай, начнем!

— Жара-то, — говорю, — какая! Как же мы здесь плясать будем?

— Зато пыли нет, — говорит.

— Ведь пару, — говорю, — полно...

— Пока мы тут разговаривать будем, пару еще больше будет, давай начнем.

— А дышать?

— Да давай начнем, а там видно будет.

— Ну, нет, — говорю, — я здесь плясать не буду, сдохнуть можно!

— Ага, — говорит, — испугался!

— Нисколько, просто мне здесь жарко.

— А мне не жарко? Мы с тобой, по-моему, в одинаковых условиях находимся. Спляшем и уйдем. Давай начнем, пока еще жарче не стало, нечего пустыми разговорами заниматься! Ты просто, я вижу, увливаешь, вот и все!

Я не на шутку разозлился и говорю:

— Давай, пожалуйста, начнем!

Мы встали рядышком, друг на друга покоились, не знали, как начать, а после он крикнул:

— Концерт пляски!

В бане голос раздался глухо и как-то странно.

И мы заплясали. Я два раза поскользнулся, — пол был мокрый, — но быстро вскакивал, как будто и не падал. Тем более, он тоже поскользнулся. Оказалось, уж не так-то трудно с ним соревноваться, нужно было только начать, а там пошло, а когда он выкрикивал «оп-ля!», я тоже выкрикивал «оп-ля!», ничего в этом такого сложного не было.

Он не останавливался, и я тоже не останавливался, зачем же мне останавливаться, если он не останавливается. Я на него только косился все время, чтобы его из поля зрения не упускать.

Мы вовсю плясали, когда дверь отворилась и вошел начальник лагеря.

— Что там за стук? Что происходит? — спрашивает.

Когда он зашел, мы не видели, только когда он спросил, мы услышали. Он громко так сказал, во весь голос. А сквозь пар его не было видно.

Мы остановились, из пара вышли, чтоб он нас видел, и Санька говорит:

— Мы репетируем.

Он удивленно так спрашивает:

— Чего репетируете?

— Художественную самодеятельность, — говорит Санька.

— Да вы что, — говорит, — в своем уме?

— В своем, — говорит Санька, — мы с ним соревнуемся.

Начальник лагеря одной рукой взялся за голову и говорит:

— Здесь?!

— А здесь пыли нет, — говорит Санька.

— Пыли нет? — говорит начальник. — Какой пыли?

— Нету пыли и все! — говорит Санька.

Тогда начальник лагеря спокойно так, тихо говорит:

— Вы, ребята, мне вот что скажите: вот здесь сейчас вы плясали или нет?

— Плясали, — говорит Санька.

— Ведь здесь же стоять невозможно, не то что плясать...

— Отчего же невозможно, — говорит Санька, — вы же стоите.

Начальник лагеря развел руками и говорит:

— Удивительные дети!

Он посторонился, а мы с Санькой вышли.

Он даже меня не узнал, вот что удивительно!

* * *

— Здорово ты все-таки тогда в бане сплясал, — сказал Санька, — я был так удивлен, что всю ночь не спал.

А ТЫ ПОСТАРАЙСЯ!

Я стоял возле автобуса, а Санька из окошка выглядывал.

— Имей в виду, — говорил он, — завтра все участники похода в городе встречаются, а потом все в кино пойдем, на какую-нибудь новую картину...

— Мне за этот поход так влетело... — говорит.

— ...все участники похода пойдут на новую картину, — твердил Санька, — такая у нас традиция...

— Эх, жалко, мне нельзя!..

Автобусы двинулись к воротам, и я за Санькиным автобусом побежал.

Санька весь из автобуса высунулся и кричит:

— В двенадцать часов встречаемся в Таврическом саду!

Я рядом бегу и кричу:

— Как же я могу, Саня, я ведь никак не могу!..

— А ты постарайся!

— Как же мне стараться, никак мне нельзя стараться!

Санька долго махал мне рукой.

А я ему махал.

Автобусы свернули, и я перестал махать.

Об этом последнем лагерном дне Санька очень выразительно написал в дневнике:

«Больше уже никаких дней в лагере не предвиделось. Мы все ходили печальные, окидывали взглядами лагерь, и у всех щемило сердце. У Кати Карапузовой так защемило сердце, что ей стало плохо. Ей дали два стакана компота, и ей стало лучше. Но вот мы отправились прощаться с озером. Мы долго стояли и прощались с озером и лагерным солнцем. Один мальчишка стоял в воде и ловил рыбу. Мы его уже, наверное, сто раз видели. Но в этот раз он нам показался каким-то другим и родным. И мы поняли, что больше его не увидим. Мы его позвали, но он нам не откликнулся. Ну и пусть! Он вообще никого никогда не замечает, кроме рыбы. Но вот мы вернулись в лагерь. И вот мы спели несколько песен, поели борщ и второе: курицу со свежим огурцом. А на третье было мороженое. Но вот все съедено, и, о горе! — уже въезжают в лагерь автобусы. Они въезжают один за другим, как танки на параде. Нам захотелось домой, но уезжать нам не хотелось. И вот нам вручают подарки. Некоторые тут же едят подарки, а некоторые везут их домой. На этом я обрываю запись, потому что мне тоже пора садиться в автобус.

*Старшина по отправке своего отряда домой
Саня Буртиков».*

ТИШИНА

Тишина была такая в лагере, как будто все умерло. Впечатление жуткое было. Никого не слышно и не видно. Кошмар какой-то! Такая тишина — тоска одна. Я и не собирался в лагерь, чего мне там делать, раз все уехали, а потом взял да пошел, и сам не знаю зачем. Дай, думаю, похожу по лагерю, поброжу. Как-никак когда-то меня оттуда вовсю гнали, а тут можно ходить себе сколько угодно. Да толку нету. Чего ж ходить, раз никого нет.

Утро было теплое, спокойное, ветра не было. Зверская была тишина.

Я и не знал, что в лагере есть кто-нибудь, я думал, все уехали, а там, оказывается, еще какой-то персонал остался. Они, видимо, после вчерашних хлопот отдыхали.

Хожу я среди тишины и вспоминаю, какая здесь веселая обстановка была.

Первым я повара увидел.

Он как следует зевнул и говорит:

— Здравствуй, не хочешь ли кочерыжку?

Я от кочерыжки отказался, тогда он еще раз зевнул:

— Не хочешь и не надо.

Стоит и зеваает.

— Дикая скука какая! С Васькой в город, что ли, уехать? Или не уезжать?

— С каким Васькой? — спрашиваю.

— Да вон...

Гляжу вокруг, никакого Васьки нету. Только крытая такая продуктовая машина стоит, я сразу ее даже не заметил.

А повар говорит:

— ...так вот я и думаю, может, мне на ней поехать да время даром не терять. Одно дело сотни ребят накормишь, а другое дело себя самого накормишь. Одно дело — ходят вокруг тебя ребята, довольные, веселые, и говорят: «Вкусно, товарищ повар!» А другое дело самому себе говорить: «Вкусно, товарищ повар!» Это вещи разные, противоположные...

Я дверцы кузова открыл и внутрь заглянул. Темно. Сплошная пустота. Только тряпка в углу. А пахнет не то мясом, не то луком, не го сыром.

А повар продолжал:

— ...Васька поедет, когда проснется, ему без руля здесь тоже делать нечего. Ему также мучительно тут сидеть без всякого дела. Так вот я и считаю, что вполне стоит мне вместе с ним отправиться. На какое-нибудь культурно-массовое мероприятие в городе сходить. А утречком сюда на электричке возвратиться. А как некоторые, там, на солнышке лежат пухом кверху, так мне эта затея так же мучительна, как ничего не делать. Помылся в озере да и

вышел. А чего лежать-то? Как некоторые завалятся с утра и лежат, лежат, словно померли. Да они и есть помершие, раз лежат. Живой человек лежать не будет. Он двигаться будет. Он будет действовать. Кашу варить. А полежать, браток, еще время придет. Так что я против этого. Кочерыжку хочешь?

Я опять от кочерыжки отказался, а он продолжал:

— Вот ты, к примеру, какое призвание имеешь? К чему у тебя душа лежит? К какому такому делу?

— К шахматам, — говорю.

— Шахматы — это хорошо!

Он задумался.

— Никогда в шахматы не играл. В домино играл. Ну, это игры, спорт. А еще к чему у тебя душа лежит?

— К математике.

— Хорошо! Отлично! Бухгалтером, значит, будешь?

— Может, и бухгалтером, а может, и ученым.

— Ишь ты, хватанул!

Он посмотрел на меня как-то внимательно, серьезно и сказал:

— Это хорошо! Хочешь кочерыжку?

Вздыхнул и опять начал рассуждать, поговаривать он, видно, здорово любил.

— ...вот, к примеру, ты математик, а я повар. Сколько ты не считай да не высчитывай, а если без обеда тебя оставить, каши-маши тебе не сварить, то и гроб всей твоей математике, ага! Как это у вашего поэта там сказано: повара всякие нужны, повара всякие важны! Так?

Я поддакивал да головой кивал.

— ...а я люблю детей, которые едят крепко. Вот у нас тут такой Санька был, — да ты с ним приходил, — во ел! Все добавки просил. Так я ему с таким удовольствием, с такой радостью добавки отпускал, ты ж понимаешь! — давай, милый, ешь, поправляйся да Александра Васильевича вспоминай. Я к этому делу творчески подхожу. Я тому человеку, кто ест крепко, специально, особо нажарю, особо наварю, вот так! А кто мало ест — не хорошо.

— Ем-то я хорошо, — сказал я, — только мне не везет...

— Если будешь есть хорошо, то и повезет. Это я тебе верно говорю. Ты меня послушай и есть продолжай, и увидишь. Только в чем же это тебе не везет, если не секрет?

— Ребята все уехали, а я остался...

— Другие приедут.

Нет, он меня не поймет. Он меня никогда не поймет...

— А вот почему, — спрашиваю, — некоторые люди не женятся до самой старости?

— Чудаки, значит.

Я его и спросил:

— А вы не чудак?

— Это отчего же? — спрашивает.

— А оттого, что вы всем кочерыжки предлагаете...

— Ну, малец! — говорит. — Голова! Математик! Теперь-то я вижу, что ты математик да еще шахматист!

Мне неприятно стало, что он так меня называет, и я его спрашиваю:

— Когда же Вася придет?

— Да вон он идет!

Вася-шофер подошел к машине, а повар ему:

— Ну, Вася, этот малец уморил меня, суший цирк, ты бы, вместо того чтобы спать, пораньше явился этого математика послушать. Уличил меня, значит, что я всем кочерыжки предлагаю...

Он смеялся, а шофер, весь заспанный, видать, не умылся еще, посмотрел на него удивленно да и к машине пошел. В кабину залез и тут же вылез.

Я ПОСТАРАЛСЯ

«А ты постарайся!» — вот так Санька мне и кричал, когда уезжал...

А ты постарайся...

Я возле машины стоял, а вокруг никого.

Я в кузов влез.

Дверцы плохо закрывались, и я все возил-ся, чтобы они получше закрылись. Но с моей стороны ручки не было, и щель оставалась.

Я в угол пополз.

Сел на тряпку в углу. И на щель смотрю.

Я представил себе: приезжаю... мы с Санькой обнимаемся и вспоминаем про поход... потом я обнимаюсь с другими ребятами и, может быть, даже со Светланой Савельевой... Эх, в кино вместе сходим... Из кино вместе выйдем... По улицам пойдем... к кому-нибудь зайдем... может быть, к Светлане Савельевой зайдем... а там нас чаем угостят... с пирожными... а может быть, с вареньем... ее мама будет хлопотать вокруг и приговаривать: «Ах, ах, ах, так, значит, вы вместе с моей дочкой были? Вместе в поход ходили? Друзья, значит?.. Господи ты боже мой, радость-то какая!.. Чем бы вас еще угостить... пейте, закусывайте, не стесняйтесь, ах вы мои милые, усталые, не налить ли вам еще?.. Вместе, значит, были, — ах, как хорошо!...» Света дует на чай и на меня смотрит, а я смотрю на нее и тоже дую на чай...

Я все это так хорошо представил, как вдруг что-то щелкнуло и такая темнота стала, какой я никогда в жизни не видывал.

Это щелкнула дверь. И не стало щели.

Машина поехала, и ничего, — подумаешь, темнота, — ничего в этом нет такого!

Я даже песенку запел, а слова там такие были: «Еду, еду я по свету»... а дальше какие слова, я забыл.

Я все вспомнить хотел и не мог.

Дальше, кажется: «телеграммы развожу»...

«еду, еду я по свету, телеграммы развожу»... нет: «письма развожу»... а может быть, не письма?

Вспоминаю, что там развозят, как вдруг (этого я никак не ожидал!) меня с места сорвало и в сторону дверей бросило.

«Дорога, наверное, плохая», — подумал я.

Пополз я обратно в свой угол.

Сел там, схватился за тряпку, но, несмотря на это, меня вместе с тряпкой в другой угол бросило.

Ну, так и есть, плохая дорога, совершенно ясно!

Лучше уж буду в этом углу сидеть, не все ли равно, в каком углу сидеть!

Не успел я об этом подумать, как меня в прежний угол швырнуло, туда, где я раньше сидел, а тряпка осталась.

Какая-то безобразная дорога!

Ползу к тряпке. Кругом темнота. Ведь, кроме как на этой тряпке, мне сидеть совершенно не на чем. А пол железный. Не хватает еще на железе сидеть! Мне мама строго-настрого наказывала ни в коем случае на железе и на камне не сидеть.

Ползал, ползал, пока эту тряпку не нашел.

«У прохожих на виду...» — вот какие там были слова, а вовсе не «телеграммы развожу», как это мне сначала показалось.

«...еду, еду я по свету у прохожих на виду...» — меня к потолку подняло, и я понял, что потолок тоже обит железом, так же, как пол.

А когда меня бросило в стену, я даже удивился, как раньше не заметил, что стена тоже обита железом.

Нет, петь мне уже не хотелось.

Меня все швыряло.

Я встал, руками уперся в потолок, а ноги расставил как можно шире.

Меня тут же сшибло. И я покатился.

Запутался в тряпке.

От тряпки пахло всем.

«У прохожих на виду», — нелепо мелькнуло в голове.

«Ну, а если не доеду, все равно пешком дойду», — вот какие там были дальше слова!

«Лучше бы пешком дошел», — подумал я.

Я вылез из тряпки, нет, по-моему, это был какой-то мешок.

Я стал думать, мешок это или не мешок. Похоже, что мешок. А может, не мешок. Может, это только кажется, что мешок, а на самом деле просто тряпка. А если это тряпка, почему же я тогда из нее с трудом вылез?

Трясти перестало. Это, значит, на асфальтовую дорогу выехали, а если на асфальтовую дорогу выехали, значит, скоро в город приедем.

Всю эту асфальтовую дорогу я о Свете Савельевой думал.

— Эх, Света, Света, — сказал я.

Машина резко затормозила, и я уже приготовился вылезать, но дверь не открывали, и я стал барабанить кулаками, чтобы открыли. Я долго еще барабанил ногами, но дверь так и не открыли, и... дальше поехали. Тогда я догадался, что, наверное, шлагбаум был, а это значит — скоро город будет.

Опять стало швырять.

Я сразу догадался, что мы с асфальтовой дороги съехали на неасфальтовую.

Едем долго.

Кошмар!

Наконец мы останавливаемся и стоим.

Я изо всей силы, с разбегу наваливаюсь на эту дверь и вываливаюсь на землю.

Встаю. Сразу ничего не могу разглядеть на таком свете.

В каком направлении мне бежать к Таврическому саду?

Я жмурюсь. Но вижу уже мачту, кухню, забор... вижу лагерь...(?!)... начальника лагеря... Он хочет, кажется, что-то спросить у меня, иначе зачем же он идет ко мне?..

Я больше не жмурюсь.

Смотрю на все широко раскрытыми глазами и ничего понять не могу — честное пионерское!

Что получается?

И как все понимать?

Я мчусь к забору, в два счета через него перепрыгиваю и бегу дальше.

Вбегаю во двор, налетаю на Матвея Савельича, он обнимает меня и говорит:

— Я тебе лодку начал делать, а ты пропал...

НОВЫЙ ДЕНЬ

Автобусы въезжали в лагерь. Новые ребята в автобусах так галдели, как будто грачи прилетели со всего света. Я этот галдеж еще издали услышал и выбежал навстречу.

Я стоял в пыли, а они мимо меня проезжали.

Последний автобус остановился, один мальчишка высунулся из окошка и стал мне махать панамкой, как будто он мне знакомый. И чего это он мне машет, если я его первый раз вижу! Но все-таки я ему тоже помахал на всякий случай.

Этот автобус все стоял, а другие уже в лагерь въехали.

Я поближе подошел, а мальчишка меня спрашивает:

— Как здесь, ничего?

— Чего же плохого, — говорю, — конечно, ничего.

— Ну и как?

— Что как?

— Комары не кусают?

— Какие там комары, — говорю, — никаких здесь комаров нет.

— Это хорошо, что здесь комаров нет, а то я их ненавижу.

— Да кто их любит, — говорю, — никто их не любит.

— Некоторые их терпят, — говорит, — а я их просто терпеть не могу. Если здесь комары есть, я сейчас же обратно поеду.

Я сам не знаю, почему-то испугался, что он вдруг обратно поедет, и говорю:

— Да что ты, что ты, ни одного комарика здесь нету...

— Ну, если нет, — говорит, — тогда другое дело...

Он спросил, как меня зовут, и я чуть было не сказал, что меня Лялькой зовут, но потом вспомнил и сказал свое новое имя. А он сказал, что его зовут Вальдемаром и что ему это имя не очень-то нравится.

Автобус тронулся, и он мне крикнул, чтобы я непременно к нему в лагерь приходил.

А я ему головой кивнул, мол, непременно приду, а как же иначе!

ИМЕНИ ЗНАМЕНИТЫХ БРАТЬЕВ

Нашему отряду присвоено имя выдающихся советских бегунов братьев Знаменских. Вот уже второй год десять мальчиков из нашего класса занимаются легкой атлетикой. Тренируемся мы все вместе 3-4 раза в неделю: играем в баскетбол, бегаем, прыгаем, занимаемся со штангой. Мы готовимся защищать честь школы в соревнованиях по пионерскому четырехборью и поэтому хотели бы в первую очередь научиться хорошо бегать. Думаем, что советы школы «Спринт» помогут нам.

*Ромуальд ТАУТАВИЧУС, староста группы
6-в класс 48-й средней школы г. Риги*

ЮНЫЕ СПРИНТЕРЫ ПРЕДЛАГАЮТ

ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

Дорогая редакция!

У меня много друзей, которые хотят заниматься в школе «Спринт». Но вот беда — им по 9 лет... В «Костре» напечатано, что в вашу школу принимают с десяти лет. А нельзя ли сделать так: устроить класс для ребят с 7 до 10 лет и высылать им упражнения, только упрощенные. Пусть занимаются. Толк будет. За это я ручаюсь.

*Саша ЕГОРОВ
Ленинград*

Ребят до десяти лет мы тоже принимаем в нашу школу. Они могут заниматься по планам для 11-летних бегунов, но должны выполнять лишь половину рекомендуемых упражнений. Младшеклассникам мы советуем больше играть в лапту, пятнашки, «кошки-мышки», жмурки и другие подвижные игры. Но для них совершенно обязательно правило: ежедневно делать зарядку!

ОБЪЯВЛЯЕМ КОНКУРС

Почему ученики нашей школы не имеют своего значка? Особенно те, кто уже научился бегать быстро и кто сумел организовать ячейки школы «Спринт»?

*Дима ПОРОХОВ
г. Нижний Тагил Свердловской области*

ЗУБАСТЫЙ РЕКОРДСМЕН

В маленьком французском городке Пье установлен новый мировой рекорд в поднимании тя-

жестей... зубами. Некто Морис Жуанино оторвал от земли штангу весом 254 килограмма.

ПРИМЕРНЫЙ СЕМЬЯНИН

Американский шестовик Фред Хансен трижды улучшал рекорд мира. Высоту 5 м 20 см он преодолел в день рождения своей жены. Результатом 5 м 23 см отметил собственный день рождения. И, наконец, 5 м 28 см взял в день рождения отца.

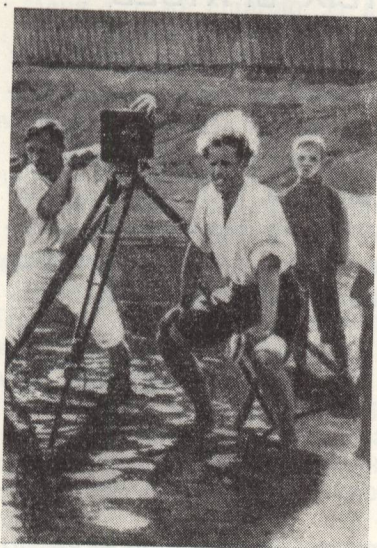
Мы согласны с Димой — значок юного спринтера необходим. Предлагаем всем нашим ученикам обсудить, кому и за какие заслуги вручать такой значок. Присылайте нам эскизы этого значка.

БУДУТ И КИНОГРАММЫ

Нам, спринтерам-заочникам, особенно трудно без помощи тренера овладеть правильной техникой старта, стартового разгона и бега по дистанции. Хорошо, если бы в журнале, кроме фотографий сильнейших спринтеров, печатались кинограммы их бега.

*Витя СЕНЬКОВ
г. Челябинск*

В осенних номерах «Костра» мы напечатаем такие кинограммы.

Ф
И
Л
Ь
М

К
О
Т
О
Р
Ы
Й

Н
Е
У
М
И
Р
А
Е
Т

В Большом театре шло торжественное заседание, посвященное двадцатилетнему юбилею русской революции 1905 года.

Когда окончилось первое отделение, во всю ширину огромной сцены театра натянули белое полотно. И объявили: после перерыва будет показан кинофильм «Броненосец Потемкин», сценарий Нины Агаджановой, постановка Сергея Эйзенштейна.

В зале зашумели.

Кино считалось тогда искусством второго, даже третьего сорта: так, что-то вроде балагана.

И показывать «кинофильму» в Большом театре?!

Антракт затягивался. Уже на своих местах сидели оркестранты. По фойе нервно прохаживался дирижер.

Через каждые пять минут ведущий бегал на бельэтаж, в киновудку.

— Ждем Александрова, — сказал Эйзенштейн, — сейчас он придет и начнем.

Время шло. В зале шумели. Дальше ждать было нелезя.

И Эйзенштейн, тряхнув своей огромной шевелюрой, привычно, как на съемке, скомандовал: «Начали».

После вступительных тактов оркестра пошли первые кадры.

Раскатистый вал Черного моря вздыбился и обрушился на парапет одесской набережной.

Спит город. Спят львы на набережной, положив на лапы свои мохнатые головы.

Спит на рейде броненосец «Потемкин-Таврический».

Спят в его кубриках.

Впрочем, не все спят. В углу бодрствует группа матросов.

Среди них выделяется Вакулинчук, человек с сильным, энергичным жестом мускулистой руки.

— Так продолжаться не может, — убеждает он товарищей...

Фильм немой. Но все, что происходит на экране, — понятно. Иногда только появляются дополнительные надписи.

... — В чем дело? — кричит дежурный офицер Гиляровский. Зовут судового врача. Появляется хилый старичок с козлиной бородкой. Смотрит на мясо. Через пенсне видны огромные черви.

— Это личинки, — заявляет он, — их можно смыть рассолом.

Гул негодования растет. На шум сбегаются офицеры.

Приходит командир броненосца: человек с тяжелой походкой и злыми глазами.

Матросы поспешно строятся.

— Кто будет есть борщ? — в упор глядя на шеренгу матросов, спрашивает командир.

Шаг вперед делают несколько боцманов. Остальная часть шеренги угрюмо молчит.

В зале Большого театра — сосредоточенная тишина.

У проекционного аппарата, бледный от волнения, сидит режиссер — Сергей Эйзенштейн.

Совсем недавно, на днях, один ответственный товарищ так отозвался о фильме:

— Что ж, годится для иллюстрации к докладу, где-нибудь на клубной сцене, не больше...

Но давайте вернемся на три месяца назад.

Сценаристка Нина Фердинандовна Агаджанова (Нунэ — ласково называл ее Эйзенштейн) к двадцатилетию первой русской революции написала киносценарий «1905 год». Действие сценария происходило во всех концах России: на Украине, на Кавказе, в Москве, в Петербурге.

Стали думать, кому поручить постановку фильма по этому сценарию. Остановились на Эйзенштейне.

Незадолго до этого вышел его фильм «Стачка», фильм, вызвавший много споров, разногласий, но талантливость его не вызвала сомнений.

Не вызвала сомнений и творческая энергия Эйзенштейна. А «1905 год» нужно было снять в необычайно короткий срок, в три месяца.

Эйзенштейн собрал группу своих товарищей-единомышленников и начал

снимать. Скоро стало ясно: даже при самой бешеной работе поставить фильм по сценарию, в котором более двухсот страниц, невозможно.

В сценарии был эпизод, занимавший всего две страницы, — о броненосце «Потемкин-Таврический». Решили снимать только его.

Вблизи севастопольского порта стояло заброшенное судно — собственно, уже не судно, а то, что от него осталось. Когда-то это был боевой корабль, броненосец «Двадцать апостолов». Теперь его верхнюю часть снесли, а корпус во время гражданской войны превратили в склад мин.

Вот уже несколько лет он стоял неприступным минным кладбищем, но однажды покой его был нарушен.

Засветились прожекторы, зазвучала отрывистая команда. Обеспокоенные чайки с недоуменным криком летали над кораблем, который давно привыкли считать неподвижной скалой.

Это Эйзенштейн облюбовал старый корабль для съемок восстания: дело в том, что настоящий «Потемкин», до этого не единожды переименованный, год назад был разобран и переплавлен: страна нуждалась в металле...

Работать было опасно. Мины решили не выгружать. Берегли время.

Впоследствии Эйзенштейн вспоминал:

«Курить нельзя. Бегать нельзя. Даже быть на палубе без особой нужды нельзя. Попробуйте в таких условиях снять восстание».

Наступил декабрь. А нужно снимать, как офицеров бросают за борт. Исполнители ролей офицеров отказались прыгать в ледяную воду.

Но «железная пятерка» — так называла себя группа ассистентов Эйзенштейна — не знала невыполнимых заданий. Ассистенты режиссера Левшин и Александров, по многу раз перегримировавшись и переодеваясь, прыгают в воду за всех.

На экране «драма на Тендре» (так называл сцены восстания Эйзенштейн) происходит так:

«Всех перестреляю!» — остервенело кричит командир. Кулак во всю величину экрана.

Группу матросов оттесняют к главному орудию.

— Принести брезент!

Матросов накрывают брезентом. Они кажутся уже обреченными.

Звучит команда: «Огоны!!!»

Винтовки еще молчат, но сейчас грянет залп.

На лицах матросов крупный пот.

— Братцы, не стреляйте! — кричит с орудийной башни Вакулинчук.

Дрогнули винтовки, еще секунда — и винтовки направлены уже против офицеров. В страшном, стремительном темпе закипела схватка между матросами и офицерами. Офицеров разоружают. Теснят к борту. Швыряют в море.

Вот руки высоко подняли командира, и он, охнув, полетел за борт.

Кубарем скатился по лестнице священник. Прикрыл руками кудлатую голову: «Господи, помилуй...»

А на палубе настоящее сражение. Схватили и потащили к борту судового врача. Подняли и швырнули в море. На тросе осталось висеть пенсне. Через него, как бы вспомнив, мы вновь видим огромных ползающих по мясу червей, которыми хотели накормить матросов.

Броненосец в руках восставших. Кое-где, как тараканы в щели, затаились офицеры.

Вот на палубе с винтовкой в руках крадется Гиляровский.

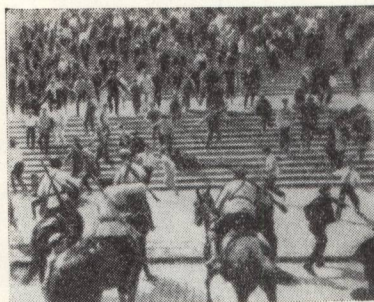
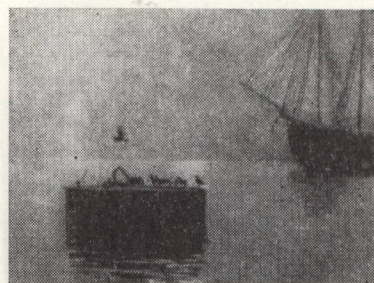
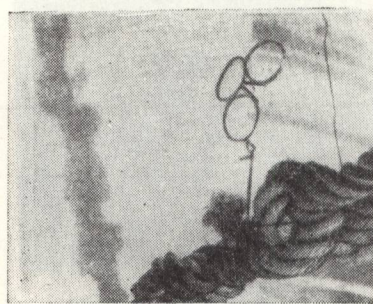
Увидел Вакулинчука. Вакулинчук без оружия. Выстрел...

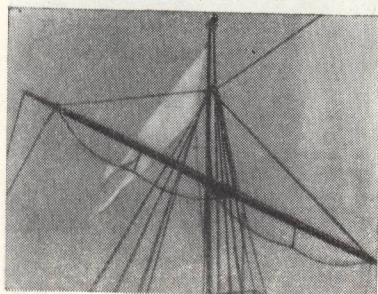
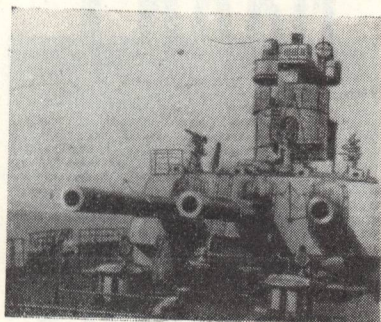
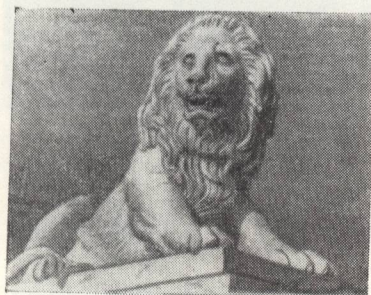
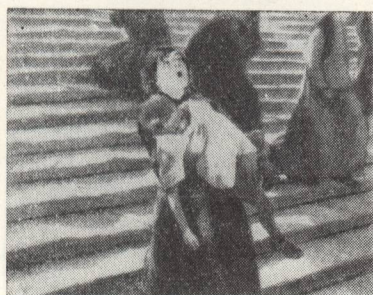
Интересно, как сжатые сроки и трудные условия съемок рождали порой находки, которые теперь помещены во все киноклассификации мира.

В декабре даже на юге погода портится. На севастопольский порт чаще стал опускаться густой туман. Возникли непредвиденные «простои» — дни, когда всей группе было нечего делать.

В один из таких «простойных» дней Сергей Эйзенштейн, Григорий Александров и Тиссэ взяли за три рубля на причале лодку и поехали кататься.

Весь порт залит непроницаемым, как молоко, туманом. Лодка скользит среди едва различимых силуэтов кораблей. Неожиданно Тиссэ вскинул

камеру и начал снимать. Удивленно посмотрел на него Эйзенштейн, откровенно хохотал сидевший в соседней лодке другой оператор: «Чудаки! Где это видано, чтобы снимали туманы... Ведь туман снимать нельзя, ничего не получится...»

Но Эйзенштейн уже все понял. Он и Тиссэ вообще понимали друг друга без слов. Что ж, — иные правила не грех и нарушить: в искусстве вообще нет несокрушимых правил!

Умер Вакулинчук. Траурным саваном окутал город туман.

Кажется, все замерло в скорбном молчании.

Еле теплится свеча в сложенных руках Вакулинчука.

К гробу павшего героя стекаются люди.

О расстреле демонстрации в сценарии только упоминалось. А родилась знаменитая сцена, по признанию самого Эйзенштейна, от одного взгляда на бегущую вверх от порта к городу одесскую лестницу.

Техника кино тогда еще была очень примитивной.

Вдоль лестницы построили рельсы. На них поставили вагонетку, на которой сидели оператор и режиссер. Вагонетку подтягивали вверх на веревке рабочие. Потом медленно — быстро опускать нельзя, горят руки — опускали вниз. А когда нужно было снять стремительную «панораму» (длинный непрерывный кадр), веревку отпускали, помощники держали режиссера, оператора и аппарат, и вагонетка неслась вниз.

Залп! Люди ахнули и подались назад. И вот бегут вниз, падая и поднимаясь, наталкиваясь друг на друга.

«Звери! Остановитесь!» — кричит пожилая женщина в разбитом пенсне.

Залп! Скачет на костылях калека.

Упал мальчик. К нему подбежала мать. Не верит, что мертв. Подняла его на руки и пошла навстречу шагающему строю.

«— Моему мальчику очень плохо», — шепчет она

Залп!

Из рук матери вырвалась коляска с грудным ребенком.

Залп!

Коляска скачет вниз по лестнице.

Залп!

Коляска натывается на чей-то труп.

Залп!

Коляска подскакивает и переворачивается.

Трупами устлана одесская лестница.

По трупам шагают солдаты. Тупой, механический шаг.

...И тогда броненосец дал залп по штабу карателей.

Вздрогнул город.

Каменный лев вскочил, ошетинился и зарычал.

Была уже середина декабря, когда закончились съемки и отснятые материалы привезли в Москву. До дня показа оставалось две недели. А еще предстоял очень трудный, кропотливый, во многом решающий этап работы — монтаж фильма.

Монтаж часто называют языком кинорежиссера.

Есть груда отснятой пленки, длинные кадры, дубли — варианты сцен.

Нужно отобрать лучший дубль, соединить кадры в монтажную «фразу», фразы — в часть. Так вырастает фильм.

Сейчас Эйзенштейн во всем мире признан крупнейшим мастером киномонтажа. Но ведь тогда еще по существу все только начиналось.

Вариант за вариантом летит в корзину. Рвутся склейки, пленка вновь возвращается на монтажный стол.

Эйзенштейн просматривает варианты последней части. Что-то его явно не устраивает. Он хмурится, недовольно хмыкает.

Но вот глаза его озорно вспыхнули. Это еще один невероятный и смелый шаг: флаг, поднятый броненосцем «Потемкиным», должен быть на экране красным. Но погодите, скажете вы, до появления цвета в кино еще как минимум десять лет...

Тонкие кисточки обмакиваются в красные чернила, и флаг закрашивается от руки. Кадр за кадром флаг на мачте мятежного корабля наливается красным, как кровь погибших за революцию, цветом.

Вечер, когда фильм уже нужно было везти в Большой театр, застал всех участников за работой.

Взяв коробки с первыми частями, Эйзенштейн поехал в театр, за ним уехал Тиссэ. У монтажного стола остался Григорий Александров.

Когда часть была демонтирована, Александров взглянул на часы и ахнул. Показ уже начался!

Он вскочил на мотоцикл и на полной скорости рванул к Большому театру. По пути мотоцикл отказал, тогда, схватив коробки с лентами подмышку, он бросился бегом. Александров был хорошим спортсменом, и все-таки, когда он прибежал, шла уже середина фильма. В зале царил тишина. Лица товарищей в свете проектора казались бледными и осунувшимися. Он перегнулся через барьер и посмотрел в зал. В это время внизу вспыхнул бешеный шквал аплодисментов.

Восставший корабль окружен адмиральской эскадрой. Плотное кольцо. Не вырвешься. Вот-вот из наведенных на броненосец жерл грянет залп.

Стопились у поручней матросы. В такт сердцам матросов, глухо и тревожно стучит машина.

На мачте «Потемкина» взвизывает сигнал: «Не стреляйте, братья!»...

И вот кольцо постепенно размыкается. Путь свободен.

Броненосец «Потемкин» поднимает красный флаг.

На всех кораблях адмиральской эскадры раздается «ура!»

Матросы столпились у борта. Машут бескозырками.

«Ура!», «ура!»...

Развернувшись, броненосец «Потемкин», с развевающимся на мачте красным флагом, уходит в открытое море.

Трудно передать, что происходило в зале Большого театра. Казалось, театр рухнет от той бури аплодисментов, которая разразилась в зале.

В январе 1926 года кинотеатры Москвы запестрели киноплакатами — «Броненосец «Потемкин» вышел на экраны страны.

Полгода продолжался праздник. Полгода у кинотеатров Москвы толпились очереди. По улицам шагали колонны демонстрантов с флагами и оркестрами — это рабочие, служащие, студенты шли смотреть фильм.

Перед началом сеансов на площадь выходили горнисты, одетые во флотскую форму.

Зрителей встречал персонал кинотеатров, тоже одетый по-флотски.

Каждый просмотр повторял триумф в Большом театре.

Прошло немного времени, и «Броненосец «Потемкин» пересек границы советской республики и отправился в плаванье по зарубежным экранам.

Много встреч было на пути этого фильма.

Когда в Америку приехал Эйзенштейн, американские фашисты — ку-клукс-клановцы требовали изгнать «красного режиссера», который «опаснее дивизии красноармейцев».

Когда в Мексике правительство запретило показывать «большевистский» фильм в городских кинотеатрах, огромный экран был установлен на арене для боя быков. Фильм крутили всю ночь напролет, под непрекращающиеся аплодисменты шестидесяти тысяч темпераментных мексиканских зрителей.

За границей русские эмигранты, посмотрев советский фильм, отправлялись в посольство с просьбой вернуть их на Родину.

В Голливуде — столице американской кинематографии — фильм увидел маленький человек с печальными глазами, знаменитый Чарли Чаплин. Когда в зале зажегся свет и его обступили корреспонденты, он сказал: «Я видел лучший фильм мира».

Особую встречу советскому фильму устроили в Германии.

В Германии над «Броненосцем «Потемкиным» был устроен суд. Настоящий суд с прокурором и судебными заседателями. Судили фильм, «способствующий государственному перевороту». Это было тоже впервые в истории...

На голландском военном корабле «Семь провинций» после просмотра фильма «Броненосец «Потемкин» матросы подняли восстание.

Фильм изгоняли из одной страны, он появлялся в другой. О фильме писали сотни научных трудов, ему посвящали песни, стихи, скульптуры.

И это победное шествие продолжается сорок лет.

В 1950 году фильм, озвученный музыкой, был вновь выпущен на экраны.

И в какой бы стране ни появлялся ушедший в дальнее плаванье «Броненосец «Потемкин», люди встают, потрясенные великой правдой идей социалистической революции и гениальным мастерством советского кинорежиссера Сергея Эйзенштейна.

А. Кельберг

ОСТРОВ ДЕЛЬФИНОВ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Артур Кларк

Рисунки А. Сколзубова

Брови сиделки поднялись.

— Гм, — сказала она скептически, — в таком случае придется сразу отправить вас в сонное царство.

— Минутку, — взмолился Джонни. — Скажите мне, пожалуйста, где я? Это Австралия?

Сиделка ответила не сразу, потому что отмеряла мензуркой бесцветную жидкость.

— И да, и нет, — сказала она. — Это австралийская территория, хотя до материка добрая сотня миль. Вы находитесь на одном из островов Большого барьерного рифа. Вам очень повезло, что вы до него добрались. Ну-ка, проглотите это — оно не очень противное.

Джонни сделал гримасу, но лекарство и правда оказалось не противным.

— А как называется этот остров?

Огромная сиделка захихикала, и Джонни показалось, что он услышал раскаты грома.

— Вы-то должны это знать, — ответила она.

Лекарство, видимо, действовало очень быстро, потому что Джонни еле расслышал последние слова: «Мы называем его Островом Дельфинов». — И провалился в сон.

Проснувшись, он почувствовал только легкую ломоту в теле, но боли от ожогов не было.

Сиделка, — она сказала, что зовут ее Тесси и что родом она с островов Тонга, — с удовольствием смотрела, как он уплетал яйца, консервированное мясо и тропические фрукты. Подкрепившись, Джонни почувствовал себя как нельзя лучше и захотел немедленно приступить к исследованию острова.

— Не будьте таким нетерпеливым, — сказала сестра Тесси, — времени у вас хватит.

Она порылась в ворохе одежды, выбирая шорты и рубашку, которые пришлись бы впору Джонни.

— Примерьте-ка вот эти. И шляпу тоже возьмите. Избегайте солнца, пока кожа не покроется загаром. А не послушаетесь — попадете к нам опять, и тогда я очень рассержусь.

— Я буду осторожен, — обещал Джонни, решив, что сердить сиделку не следует ни в коем случае.

Она вложила в рот два пальца и издала оглушительный свист. Почти тотчас появилась маленькая девочка.

— Вот тебе твой дельфиний мальчик, Анни, — сказала сиделка. — Отведи его в контору — доктор уже ждет.

Джонни последовал за ребенком. Они шли по дорожкам, усыпанным крупным коралловым песком, ослепительно белым под палящими лучами солнца. Большие тенистые деревья, росшие вдоль дорожек, напоминали дубы, но листья их были в несколько раз больше. Джонни испытывал некоторое разочарование:

он всегда думал, что тропические острова сплошь покрыты пальмами.

Вскоре узенькая дорожка вывела их на просторную поляну, и Джонни увидел несколько одноэтажных бетонных строений, соединенных крытыми переходами.

Продолжение. См. «Костер» № 6, 1966 г.

Джонни поднялся вслед за своим маленьким проводником по ступенькам, ведущим в главное здание. Он заметил, что люди из окон глядели на него с любопытством. Ничего удивительного: ведь они, конечно, знали, как попал сюда Джонни. Иногда ему самому приходило в голову, что все это странное плавание слишком фантастично, чтобы быть правдой. И неужели это место действительно называется Островом Дельфинов, как сказала сестра Тесси?

Проводница, не проронившая ни звука, исчезла, как только довела Джонни до двери с надписью «Доктор Кейс — помощник директора». Джонни постучал, услышал «войдите» и вступил в большой кабинет. Жара сразу сменилась бодрящей свежестью, — тут действовала установка искусственного климата.

Доктору Кейсу, казалось, за сорок. Хотя ученый сидел за своим письменным столом, Джонни разглядел, что он высокий, даже долговязый; кроме того, это был первый белый, которого он видел на острове.

Доктор указал Джонни на стул, сказав при этом слегка в нос: «Садись, сынок».

Джонни не понравилось, что его называют «сынком», как не понравился и австралийский акцент доктора. Однако он очень вежливо ответил «спасибо» и уселся.

— Прежде всего расскажи-ка, — сказал доктор Кейс, — что случилось с тобой после гибели «Санта Анны».

Джонни разинул рот от удивления — его планы рухнули. Правда, планы эти еще неотчетливо сформировались в его голове. Он надеялся, что, по крайней мере, какое-то время сможет выдавать себя за юнгу, потерпевшего кораблекрушение и потерявшего память. Но если они знают, каким способом он путешествовал, то для них не секрет и откуда он прибыл; несомненно, его сразу отошлют домой.

Он решил не сдаваться без боя.

— Никогда не слышал про «Санту» или как там ее зовут, — с невинным видом ответил он.

— Не считай нас дураками, сынок. Когда ты достиг суши столь необычным манером, мы естественно связались по радио с береговой охраной, чтобы выяснить, не было ли где-нибудь кораблекрушения. Нам сообщили, что команда «Санта Анны», грузового судна на воздушной подушке, прибыла в Брисбен и сообщила, что судно пошло ко дну примерно в ста милях к востоку. Однако она сообщила также, что спаслись все находившиеся на борту, даже судовой кот.

На первый взгляд, «Санта Анна» не подходила, но потом нас осенила догадка, мы решили, что ты заяц. Ну, а дальше осталось только связаться с полицией вдоль трассы, пройденной «Санта Анной».

Доктор сделал паузу, вынул из своего письменного стола трубку, вырезанную из корня эрики, и принялся изучать ее с таким вниманием, словно никогда раньше не видел. Тут Джонни решил, что доктор Кейс просто разыгрывает его и антипатия, которую он сразу почувствовал к этому доктору, поднялась, как температура, еще на несколько градусов.

— Ты бы удивился, если б узнал, сколько ребят бежит из дома в наше время, — продолжал противный

голос. — Потребовалось несколько часов, чтобы установить, кто ты. Должен признаться, когда мы наконец дозвонились до твоей тети Марты, она не рассыпалась в благодарностях. Право, я не осуждаю тебя за то, что ты сбежал.

«А вдруг доктор Кейс не так уж плох, как кажется?»

— Что вы думаете со мной делать, раз уж я здесь? — спросил Джонни. Он с тревогой почувствовал, что голос его дрожит, а из глаз вот-вот хлынут слезы отчаяния.

— В ближайшее время мы ничего не можем, — сказал доктор, и настроение Джонни сразу улучшилось. — Наше судно ушло на материк и вернется только завтра. Снова в плавание оно отправится не раньше чем через неделю, так что рассчитывай дней на семь.

Семь дней! Удача еще не отвернулась от него.

Потом Джонни рассказал обо всем, что случилось с ним после гибели судна, а доктор Кейс задавал вопросы и что-то записывал. Он ничему не удивлялся и, когда Джонни кончил свой рассказ, вытащил из ящика стола пачку фотографий. На них были сняты дельфины. Джонни даже не представлял себе, что все они такие разные.

— Ты можешь указать своих друзей? — спросил доктор.

— Постараюсь, — сказал Джонни, перебирая снимки. Он быстро отложил в сторону все фотографии, кроме пяти.

Отбор, видимо, вполне удовлетворил доктора Кейса.

— Так, — сказал он, — среди этих снимков находится именно тот, который нам нужен.

Затем он задал Джонни очень странный вопрос:

— Кто-нибудь из них говорил с тобой?

Сначала Джонни решил, что это шутка. Но затем понял — доктор Кейс говорит совершенно серьезно.

— Они издавали всякие звуки, вроде бы писк, свист или лай, но я ничего не мог понять.

— Ты, кажется, удивлен? — усмехнулся доктор. — Разве ты не слышал, что дельфины могут научиться говорить?

Джонни покачал головой.

— Ну, так вот, уже целое столетие мы знаем, что у них имеется свой, достаточно сложный язык. Мы стараемся овладеть им и в свою очередь обучаем их «бейзик инглишу». * Благодаря методам, разработанным профессором Казаном, мы уже порядком продвинулись вперед. Ты познакомишься с профессором, как только он вернется с материка: ему очень хочется послушать твой рассказ.

Доктор Кейс нажал рычаг селектора и из аппарата сразу же послышалось:

— Говорит школа.

— Кто-нибудь из старших мальчиков сейчас свободен?

— Можете взять Мика, мы будем только рады.

— Хорошо. Пошлите его в контору.

Джонни вздохнул. Даже на таком маленьком и далеком острове нельзя, видно, избавиться от школы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мик Науру в качестве гида имел только один недостаток — склонность к преувеличениям. Его рассказы были столь невероятны, что их невозможно было принимать всерьез, но иногда Джонни все же одолевали сомнения. Верно ли, к примеру, что сестра Тесси — двухтонная Тесси — уехала из дому, с островов Тонга потому, что ее извели насмешками: допекали малень-

ким ростом и называли не иначе как Малышка, — столь велики люди ее племени. Джонни не мог себе этого представить, но Мик уверял, что именно так и было.

* Система обучения английскому языку, основанная на искусственном ограничении его словарного состава (до 850 слов).

— Спроси ее, если не веришь, — его мордашка под нависшей шапкой густых, курчавых волос светилась лукавством.

Хорошо еще, что когда речь шла о вещах действительно важных, он относился к делу серьезно. Как только доктор Кейс поручил Джонни заботам Мика, тот немедленно отправился показывать ему остров.

Однако лишь через несколько дней Джонни научился ориентироваться, потому что на этом маленьком клочке суши умещалось много всякой всячины. Прежде всего он узнал, что жители Острова Дельфинов делятся на две группы: на сотрудников исследовательской станции — ученых и техников — и на рыбаков, которые жили дарами моря и обслуживали экспедиционные суда. Люди из рыбачьей общины работали также на силовой и водопроводной установках, в столовой, прачечной и на маленькой молочной ферме, где содержалось десять холеных коров.

— Ты здесь давно? — спросил Джонни. — Родился тут?

— О нет, мои родители с острова Дарнлей в Торресовом проливе. Они приехали пять лет назад, когда мне было двенадцать. Плата хорошая, да и работа обещала быть интересной.

— Она и верно интересная?

— Еще бы. Я ни за что не вернулся бы на Дарнлей. Даже на материк бы не поехал. Вот подожди, увидишь риф, тогда поймешь почему.

Они свернули с расчищенных тропинок и пошли напрямик через лес, покрывавший большую часть острова. Деревья росли густо, но оказалось, что по лесу можно идти, не опасаясь колючек и ползучих растений.

Джонни показалось, что многие деревья держатся на подпорках, но потом он понял: каждая такая подпорка — часть самого растения. Словно не доверяя мягкой почве, в которой они росли, деревья выпустили над землей дополнительные корни, служившие им опорой.

— Это панданусы. Их иногда зовут хлебными деревьями, потому что из плодов можно испечь нечто вроде хлеба. Я как-то попробовал — ужасно невкусно. Эй, берегись!

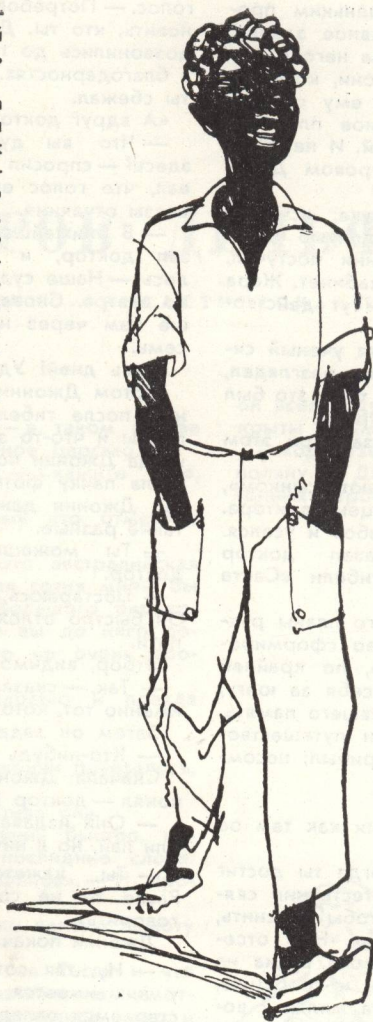
Но было поздно. Правая нога Джонни вдруг провалилась в пустоту по самое колено, а когда он попытался вытащить ее, то провалилась левая, еще глубже.

— Вот досада, — сказал Мик. — Надо было предупредить тебя. Тут целая колония больших буреветников — они роют себе гнезда в земле, как кролики.

— Спасибо за объяснение, — саркастически произнес Джонни, когда, наконец, выбрался из ловушки и принялся счищать с себя землю.

Еще два-три фазы норы клинхохвостых буреветников доставили ему неприятности, но тут лес кончился и они вышли на песчаный берег с восточной стороны острова. Перед ними распахнулась великая пустота открытого океана.

Нигде ни признака жизни! Можно подумать, что они единственные обитатели острова. С востока на берег обрушивались сезонные бури, а потому строения и

причалы находились на противоположной стороне. Ствол огромного дерева, выброшенный на песок и выцветший добела под лучами солнца, служил молчаливым памятником какому-то урагану. Рядом возвышались многотонные глыбы мертвых кораллов. Но сейчас все выглядело очень мирно.

Ребята пошли дальше по извилистому берегу, обогнули северную оконечность острова, а затем и западную и вернулись в поселок. Перед самым поселком находился большой бассейн, каналом соединяющийся с морем. Прилив уже кончился, и канал был заперт воротами шлюза.

— Ну вот и все, — сказал Мик. — Больше на острове ничего нет.

В бассейне кувыркались два дельфина, точно так, как тогда, в океане. Джонни хотелось подойти к ним поближе, но бассейн был огражден проволочной сеткой. А на сетке надписи крупными красными буквами: «Соблюдайте тишину — гидрофоны в действии».

Мальчики на цыпочках прошли мимо.

— Профессор не любит, когда кто-нибудь разговаривает поблизости, — объяснил Мик, — это может сбить дельфинов с толку.

— Что за человек этот профессор? — спросил Джонни.

— Отличный человек, только не в субботу вечером.

— А что?

— В субботу утром всегда звонит его старуха и уговаривает приехать домой. Ну, а он не соглашается — говорит, что не выносит московского климата — летом слишком жарко, а зимой слишком холодно. Из-за этого между ними происходят ожесточенные сражения, но примерно раз в полгода оба идут на уступки и встречаются в месте, которое называется Ялтой.

Джонни задумался.

— А он в самом деле умеет говорить по-дельфиньи? — спросил Джонни. — Никогда не могу себе представить, чтобы кто-то сумел подражать этим странным звукам.

— Сам он может произнести всего несколько слов, но с помощью счетно-решающих устройств переводит магнитофонные записи их разговоров. А потом делает какие-то новые ленты и как бы отвечает им. Ужасно сложно, но что-то выходит...

Джонни всегда хотелось разобраться: что, почему и откуда, но как подступиться к изучению языка дельфинов, он и вообразить не мог.

— А ты сам-то как научился говорить? — спросил Мик, когда Джонни поделился с ним своим недоумением.

— Вероятно, повторяя слова матери, — сказал Джонни грустно: он едва помнил свою мать.

— Ну вот, и профессор взял дельфинью маму с детенышем, поместил их вдвоем в бассейн. И с самого начала слушал все их разговоры, учился дельфиньему языку.

— Так это же совсем просто! — воскликнул Джонни.

— Но на это ушли целые годы. Теперь, правда, он располагает словарем в тысячу слов и даже начал писать историю дельфинов.

— Историю?

— Да, знаешь, у них нет книг, и поэтому замеча-

тельно развилась память. Они могут рассказать о том, что произошло в море много веков назад. По крайней мере, так говорит профессор. Ну да ведь и людям, прежде чем они изобрели письменность, приходилось держать все в голове. Так и у дельфинов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Летучая рыба», катер на подводных крыльях, стремительно мчался к острову с запада на скорости пятьдесят узлов. У рифа, опоясывавшего Остров Дельфинов, он вобрал в себя огромные крылья и превратился в обыкновенное судно.

Джонни узнал о появлении катера, когда все население острова двинулось к пристани. Он, конечно, пошел вместе со всеми и наблюдал, как белый катер осторожно пробирается по каналу.

Профессор Казан, в белоснежном тропическом костюме и широкополой шляпе, первым сошел на берег.

Оказалось, что если уж ты пришел на берег встречать «Летучую рыбу», ты должен помочь разгрузить ее. Внушительный поток посылок и ящиков устремился с судна на склад. Через час, когда работа была закончена и Джонни с наслаждением утолял жажду прохладительным напитком, его, по громкоговорителю, пригласили в Дом техники.

Профессор Казан и доктор Кейс сидели у замысловатой приборной доски и не обратили на гостя никакого внимания. Но Джонни не обиделся: ему тут было интересно.

Из репродуктора неслись звуки, повторявшиеся снова и снова. Они показались Джонни знакомыми, ну да — он слышал их от дельфинов в ту памятную встречу. Похожие, и все же другие.

Прослушав одно и то же раз десять, он понял, в чем дело: запись пускали на замедленной скорости, чтобы человеческое ухо могло воспринять речь дельфинов во всех деталях.

Но это еще не все. Всякий раз, когда динамик разносил по комнате серию звуков, они тотчас отображались на большом телевизионном экране игрой света и тени.

Наконец профессор заметил Джонни, отключил звук и повернулся к нему. Но телевизор он не выключил и изображение продолжало бесшумно и ритмично возникать на экране с таким гипнотическим постоянством, что Джонни все время косился в ту сторону.

У профессора Казана, плотного седого мужичины лет шестидесяти, было ласковое, но несколько отсутствующее выражение лица — он словно прислушивался к некоему внутреннему голосу.

— Садись, Джонни, — начал он. — Доктор Кейс радовался о тебе, когда я находился на материке. Ты, вероятно, понимаешь, что тебе повезло?

— Да, сэр, — с чувством ответил Джонни.

— Уже много веков известны случаи, когда дельфины помогали людям достичь берега. Легенды двухтысячелетней давности донесли до нас рассказы об этом, хотя до недавнего времени никто не принимал их всерьез. Но тебя не просто вытолкнули на берег, тебя влекли по морю больше сотни миль. К тому же тебя доставили непосредственно к нам. Но зачем? Как ты думаешь?

Вопрос польстил Джонни.

— Что же, — медленно ответил он, — вероятно, им известно, что вы работаете с дельфинами, хотя я не могу представить себе, каким образом они это узнали.

— Ну, это нетрудно, — вмешался доктор Кейс. — Им, наверно, сказали дельфины, которых мы выпустили в

море. Вспомните, ведь Джонни узнал пятерых на тех фотографиях, что я показал ему.

Профессор Казан кивнул.

— Да, это ценная информация. Выходит, что дельфины прибрежной породы, с которыми мы работаем, и их глубоководные родичи говорят на одном языке.

— Но все же, что именно заставило их поступить подобным образом? — сказал доктор Кейс. — Если дикие дельфины, никогда не имевшие никакого контакта с людьми, взяли на себя столько хлопот, значит, им что-то нужно от нас, очень нужно.

— Весьма правдоподобно, — согласился профессор Казан. — Но есть только один способ узнать, чего хотят друзья Джонни: это спросить у них самих.

— Если мы сумеем их отыскать.

— Коль скоро им действительно что-то нужно, их не придется искать далеко.

Профессор повернул рычажок, и комната снова наполнилась звуками. Это была невероятная смесь шипения, треска и рокота. Слышалось что-то напоминавшее щебет птиц, далекие слабые стоны да приглушенный шум волн.

Потом профессор повернул другой рычажок.

— Это был западный гидрофон, — пояснил он Джонни. — Теперь испробуем восточный. Он погружен глубоко в воду, у самого края рифа.

Звуковая картина изменилась. Шум волн ослабел, но зато стоны и скрипучие звуки стали гораздо громче. Профессор послушал несколько минут, затем переключился на север и на юг.

— Пропустите, пожалуйста, магнитофонную ленту через анализатор, — попросил он доктора Кейса. — Но я и без этого готов биться об заклад, что по крайней мере в двадцати милях от нас нет большой стаи дельфинов.

— В таком случае моя гипотеза никуда не годится.

— Как сказать, двадцать миль для дельфинов ничто.

Профессор поднялся:

— Так займитесь, пожалуйста, анализом. А мне пора к бассейну. Идем, Джонни. Я хочу познакомить тебя с моими друзьями.

По дороге к бассейну профессор молчал, словно погрузившись в грезы. И вдруг неожиданно засвистал на разные лады.

Заметив удивление Джонни, он засмеялся.

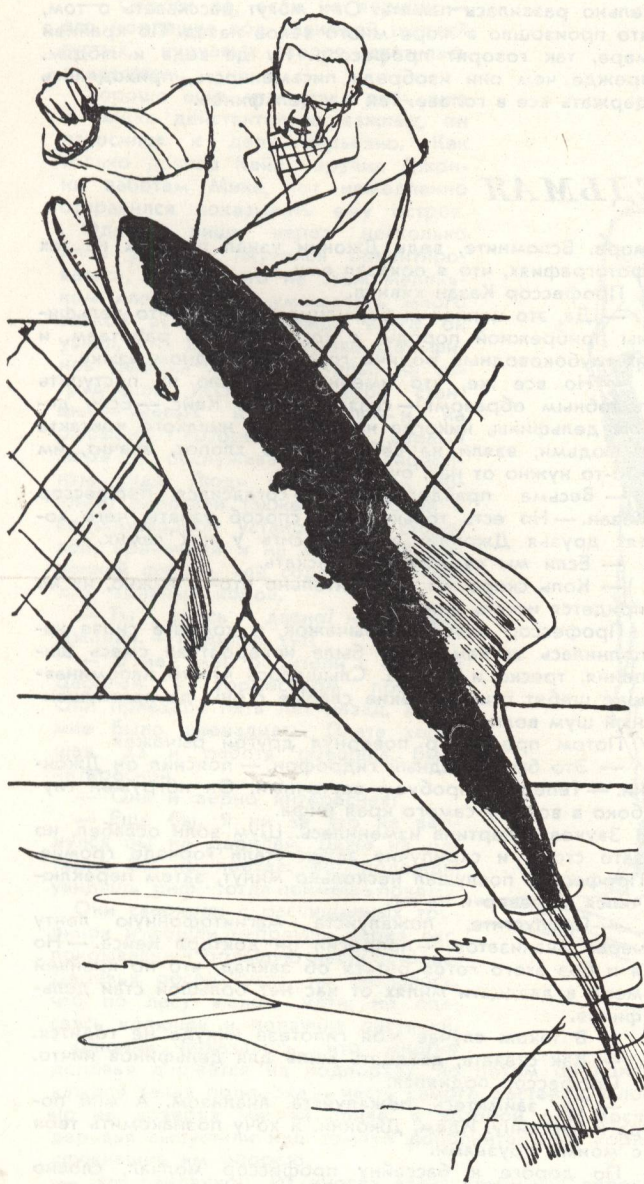
— Ни один человек не сможет научиться свободно говорить по-дельфиньи, — сказал он, — но я довольно точно воспроизвожу с десятка общеупотребительных фраз. Боюсь, что произношение у меня все-таки ужасное. Только хорошо знакомые со мной дельфины могут разобрать, что я хочу сказать. Или они просто притворяются, из вежливости.

Профессор открыл калитку и тут же тщательно запер ее за собой.

— Каждому хочется поиграть с Сузи и Спутником, но нельзя этого позволить, — объяснил он. — По крайней мере, пока я стараюсь научить их английскому языку.

Сузи оказалась лоснящейся, нервной матроной весом в полторы сотни килограммов. Завидев гостей, она наполовину высунулась из воды. Ее девятимесячный

Жанна

сын Спутник был поспокойнее или, может быть, застенчивее. Он все норовил устроиться так, чтобы между ним и посетителями непременно оказалась мать.

— Привет, Сузи, — сказал профессор отчетливо. — Привет, Спутник.

Затем он вытянул губы и издал сложный свист. Однако, что-то у него не получилось и, выбравшись вполголоса, он начал все сначала.

Сузи нашла это очень забавным. Она расхохоталась по-дельфиньи, затем пустила в сторону посетителей струю воды, но так, чтобы не окатить их. Потом подплыла ближе. Профессор полез в карман и вытащил пластиковый мешочек с гостинцами.

Достав лакомый кусок, он поднял его высоко над головой, а Сузи, отплыв назад, вылетела из воды, как ракета, ловко схватила кусок из рук профессора

и почти без всплеска нырнула обратно в бассейн. Затем она появилась снова и отчетливо произнесла: «Спасибо, профессор».

Ей явно хотелось еще, но профессор Казан покачал головой.

— Нет, Сузи, — сказал он, похлопав ее по спине. — Это все. Скоро обед.

Она фыркнула и принялась кружить по бассейну, как моторная лодка, очевидно, чтобы покрасоваться. Спутник следовал за ней.

— Не удастся ли тебе покормить его? Мне он не доверяет, — шепнул профессор.

Джонни осторожно взял кусок дельфиньего лакомства, разившего рыбой, растительным маслом и какими-то химикалиями, опустил на колени у края бассейна.

— Спутник! — поманил он. — Спутник, сюда!

Дельфинчик высунулся из воды и недоверчиво посмотрел на него, потом на мать, потом на профессора и снова на Джонни. Лакомство соблазняло, но дельфин только фыркнул, поспешно нырнул в воду и начал кружить по бассейну. Он вел себя как человек, который, не в силах принять твердое решение, мечется из стороны в сторону.

«Может быть, боится профессора?» — предположил Джонни. Он отошел от профессора метров на пятьдесят и снова позвал Спутника.

Действительно, дельфин, оценив создавшееся положение, медленно поплыл к Джонни. Видно, у него еще оставались кое-какие сомнения, однако он высунулся из воды и разинул пасть, усеянную маленькими, но острыми, как иголки, зубами. Джонни облегченно вздохнул, когда дельфин проглотил свою награду, не откусив ему пальцев.

Дельфинчик задержался у края бассейна, явно рассчитывая получить еще что-нибудь.

— Нет, Спутник, — сказал Джонни, вспомнив слова профессора, обращенные к Сузи. — Нет, скоро обед.

Дельфин держался совсем рядом, и Джонни протянул руку, чтобы его погладить. Спутник немножко отодвинулся, но не отпрянул и позволил погладить свою спину. Джонни удивился — кожа животного была мягкой и эластичной, как резина. Совсем не рыба чешуя.

Джонни хотелось поиграть со Спутником, но профессор поманил его к себе. Когда они отошли от бассейна, ученый шуточно воскликнул:

— Я оскорблен в лучших чувствах. Спутник меня и близко не подпускал, а тебе это удалось с первого раза. Ты раньше держал ручных животных?

— Нет, сэр, — сказал Джонни. — Разве что головастики.

У входа в Дом техники профессор вдруг, усмехнувшись, заметил:

— Насколько я понимаю, ты не слишком жаждешь скорее вернуться домой?

У Джонни екнуло сердце.

— Да, сэр, — горячо сказал он. — Я хочу остаться здесь как можно дольше, чтобы узнать побольше о ваших дельфинах.

— Не моих, — твердо поправил его профессор. — Каждый дельфин это самостоятельное существо, личность. Они никому не принадлежат и, надеюсь, никогда не будут принадлежать. Я хочу помочь им не только ради науки, но и потому, что это приносит мне радость. Никогда не считай их зверями. На своем языке они зовут себя Морским народом и лучшего названия не придумаешь.

Джонни в первый раз видел профессора таким взволнованным, и чувства ученого были ему понятны. Ибо он сам был обязан Морскому народу жизнью.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Вы правы, профессор, — сказал доктор Кейс, — но, черт подери, как вы об этом догадались? В радиусе действия наших гидрофонов нет ни одной стаи дельфинов.

— Тогда поищем их с помощью «Летучей рыбы».

— Но они могут оказаться в пределах двадцати пяти тысяч квадратных километров.

— А для чего искусственные спутники? Вызовите контрольную станцию Вумера и попросите провести фотосъемки моря вокруг острова в радиусе восьмидесяти километров. Завтра как раз на восходе солнца один из спутников пройдет над нами.

— Но почему именно на восходе? — спросил Кейс. — А, понимаю, длинные тени помогут обнаружить цель.

Джонни услышал о проекте, когда его вызвали для участия в разведке. Бильдаппарат принял двадцать пять фотографий, каждая из которых охватывала огромный квадрат.

Поиски увенчались успехом: стаю обнаружили примерно в ста километрах к юго-востоку от острова. Ошибка невозможна: видно было, как поверхность океана рассекали десятки темных тел; некоторых объектов запечатлел в тот момент, когда они выпрыгивали из воды. Двузубые вилки следов на воде показывали, что дельфины направляются на запад.

Профессор Казан с удовлетворением рассмотрел фотографию.

— Они приближаются, — сказал он. — И если не свернут, мы сможем встретиться с ними через час. «Летучая рыба» готова?

— Принимает топливо. Выйти в море можно через тридцать минут.

Профессор взглянул на часы.

— Хорошо, — отрывисто сказал я. — Через двадцать минут всем быть на пристани.

Джонни явился через пять. Только его успели согнать с капитанского мостика, как на борт поднялся профессор в яркой гавайской рубашке, с фотоаппаратом, биноклем и портфелем. Он курил огромную сигару.

— Пошли? — сказал профессор.

«Летучая рыба» отчалила.

Выйдя из канала, она снова остановилась у края рифа.

— Чего мы ждем? — спросил Джонни у Мика, который, перегнувшись через поручни, глядел вместе с ним на удалявшийся остров.

— Не знаю точно, — ответил Мик. — А, вот и они. Профессор, наверно, вызвал их через подводные громкоговорители.

К «Летучей рыбе» приближались два дельфина, они высоко подпрыгивали над водой, словно желая привлечь к себе внимание. Животные подплыли к самому судну и, к удивлению Джонни, их немедленно приняли

на борт. С помощью лебедки на воду спустили парусиновый кошель, один из дельфинов заплыл в него и кошель подняли на палубу. Дельфина выпустили в ящик с водой, расположенный на корме. То же проделали и со вторым. В маленьком аквариуме едва хватало места для двух животных, но, видимо, они чувствовали себя превосходно. Ясно, что все это было им не в новинку.

— Эйнар и Пегги, — сказал Мик. — Самые умные из всех дельфинов, какие у нас бывали. Профессор выпустил их в море несколько лет назад, но они никогда не уплывают слишком далеко.

«Летучая рыба» набирала ход. От ветра спирало дыхание, и Джонни укрылся за мостиком, глядя, как тает вдали Остров Дельфинов. Сперва остров плыл по морю, словно плот из белого песка, покрытый зеленью, потом превратился в узкую полосу и, наконец, совсем исчез у горизонта.

Вдруг «Летучая рыба» замедлила ход, осела в воду, а затем и совсем остановилась.

— Тише, пожалуйста! — закричал шкипер. — Профессор хочет немного послушать!

Слушал профессор недолго. Минут через пять он вышел из каюты, видимо, очень довольный.

— Мы напали на след, — сказал он. — Дельфины в пяти милях от нас и орут во всю глотку.

«Летучая рыба» снова пустилась в путь, отклонившись на несколько румбов к западу. Через десять минут судно уже окружили дельфины.

Когда «Летучая рыба» остановилась, они собрались вокруг, словно ждали этого визита.

Эйнара с помощью лебедки спустили за борт.

Пегги была глубоко возмущена, однако ничего не могла поделать, разве что окатывала водой всякого, кто неосторожно приближался к ней.

«Это одно из самых странных совещаний, какие происходили когда-либо на свете, — думал Джонни. Он стоял с Миком на передней палубе и, свесившись через борт, рассматривал лоснящиеся темно-серые тела, теснившиеся вокруг Эйнара. — Что они говорят? Понимает ли Эйнар язык своих глубоководных родичей и поймет ли самого Эйнара профессор?»

Через полчаса Эйнар снова был поднят на борт к большому облегчению Пегги, а также и профессора.

— Будем надеяться, что они всласть поболтали, — сказал профессор. — А нам, чтобы понять беседу, которая длилась у дельфинов тридцать минут, понадобится неделя напряженной работы.

Под палубой взревели ожившие двигатели, и судно опять не спеша поднялось из воды. Дельфины плыли следом несколько сот метров, но вскоре безнадежно отстали. Это были единственные гонки, в которых они не могли рассчитывать на победу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Профессор Казан, вообще-то человек мягкий, иногда проявлял завидную твердость; пользуясь своим влиянием, он позаботился о Джонни, нажав на все кнопки. После заполнения бесконечных анкет Джонни был официально зачислен в штат островной станции. Его тетя согласилась на это с величайшей готовностью.

В жизни его открылась новая глава. Ему казалось, что раньше он только существовал, а не жил по-настоящему.

Здесь чуть не каждый вечер люди собирались на берегу, чтобы потанцевать, посмотреть кинофильм или поужинать всем вместе. Ну, а если лил дождь — все сидели у телевизора. Благодаря спутникам связи, островитяне видели все, что мог предложить мир.

Разумеется, Джонни не только развлекался. Как и все юные островитяне, он должен был ежедневно проводить несколько часов в школе.

Все счетно-решающие устройства на острове были

соединены с ОСКАРОМ — большой кибернетической машиной. ОСКАР делал для профессора переводы, выполнял канцелярскую и бухгалтерскую работы, а иногда участвовал и в шахматных чемпионатах. ОСКАР тщательно проэкзаменовал Джонни, чтобы установить уровень знаний, затем подготовил соответствующие магнитофонные ленты для самообучения и отпечатал программу занятий. Джонни ежедневно проводил не менее трех часов за клавиатурой обучающей машины, печатая ответы на вопросы, возникающие на экране. Джонни мог сам выбирать время для занятий, но у него хватало ума не пропускать их. А если такое случилось, ОСКАР немедленно сообщал профессору или — еще хуже — доктору Кейсу.

Впрочем, обоих ученых занимали сейчас куда более важные дела. Проработав целые сутки, профессор Казан перевел послание, доставленное Эйнарсом, и... угорил в тупик.

Он пристально смотрел на текст, отпечатанный ОСКАРОМ, словно надеясь, что тот исчезнет.

— Ну, профессор, — спросил, склонившись над контрольным устройством, усталый и небритый доктор Кейс, — что мы теперь будем делать?

— Не имею ни малейшего представления, — сказал профессор Казан. Подобно большинству талантливых ученых и очень немногим бесталанным, он никогда не скрывал, что чем-либо озадачен.

— А что вы предлагаете?

— Мне кажется, это как раз тот случай, когда следует обратиться к нашему Консультативному комитету. Почему бы не потолковать?

— Неплохая идея, — сказал профессор. — Посмотрим, с кем можно связаться в это время суток.

Он вынул из ящика стола список имен и стал водить пальцем по столбцам.

— С американцами нельзя — они все спят. То же относится и к большинству европейцев. Остаются — посмотрим — Саха в Дели, Гирш в Тель-Авиве, Абдаллах в ...

— Вполне достаточно, — прервал его доктор Кейс. — Не припомню случая, чтобы совещание принесло хоть какую-нибудь пользу, если в нем участвовало больше пяти человек.

Четверть часа спустя пять человек, разбросанных по всему земному шару, беседовали между собой, как если бы находились в одной комнате.

— Господа, — начал профессор Казан после обычных приветствий, — перед нами возникла проблема. Вскоре она будет передана на рассмотрение всего комитета, а может быть, куда более высоких инстанций. Но сначала мне хотелось бы узнать ваше мнение неофициально.

Профессор вкратце описал события, предшествовавшие появлению Джонни на острове. Они были уже известны его слушателям, ибо весть о чудесном спасении мальчика разнеслась по всему миру. Затем профессор рассказал о дальнейшем — о рейсе «Летучей рыбы» и о переговорах Эйнара с глубоководными дельфинами.

— Итак, судите сами. Они обратились к нам в поисках защиты от самых беспощадных своих врагов. Это их родители — косатки Orcinus Orca. Не будет особенным преувеличением, если мы назовем этого гигантского дельфина каннибалом. Длина его достигает порой десяти метров, случалось ловить косаток, в брюхе которых находили остатки двадцати дельфинов. Представляете аппетит! Неудивительно, что дельфины просят нашей помощи. Они знают, что мы обладаем недоступными для них возможностями — ведь наши суда бороздят моря уже много столетий. Быть может, на протяжении всех этих веков их дружелюбное отношение к нам было попыткой установить контакт, обра-

титься к нам за помощью в их бесконечной войне — и лишь теперь у нас хватило ума понять их.

— Минутку, профессор, — вмешался индийский физиолог доктор Саха. — Все это очень интересно, но вполне ли вы уверены, что ваше толкование правильное? Не сердитесь, но нам известно ваше пристрастие к дельфинам и большинство из нас разделяет эти симпатии. Вы уверены, что не вложили в их уста собственные мысли?

— Сомнений нет, — ответил профессор Казан. — Спросите Кейса.

— Это точно, — подтвердил доктор Кейс. — Я, разумеется, перевожу с дельфиньего хуже, чем профессор, но тут я готов поставить на карту свою репутацию.

— Во всяком случае, — продолжал профессор Казан, — следующий пункт моего выступления покажет, что я не такой уж безоглядный сторонник дельфинов, как бы я их ни любил. Я не зоолог, но знаю кое-что о равновесии в природе. Даже если мы в состоянии им помочь, должны ли мы это делать? Доктор Гирш, что вы думаете?

Директор Тель-Авивского зоопарка ответил не сразу. Он, видимо, еще не совсем проснулся — в Израиле еще не наступил рассвет.

— Вы сунули нам в ладони горячую картошку, — проворчал он. — И сомневаюсь, что вы подумали об осложнениях. На воле все животные имеют врагов, а если б не имели, это обернулось бы для них катастрофой. Взгляните, например, на Африку, где в одной местности обитают львы и антилопы. Предположим, что вы перестреляете всех львов — что из этого получится? Я скажу вам: антилопы размножатся настолько, что уничтожат весь растительный покров, им не хватит пищи и они перемрут с голоду.

— В данном случае подобной аналогии нет, — запротестовал профессор Казан. — Мы имеем дело не с дикими животными, а с разумными существами. Это не народ в человеческом понимании слова, но тем не менее народ. Этот народ можно было бы сравнить, скажем, с племенем мирных земледельцев, постоянно подвергающихся опустошительным набегам людоедов. Возьметесь ли вы утверждать, что людоеды полезны земледельцам или попытаетесь перевоспитать их?

Гирш усмехнулся.

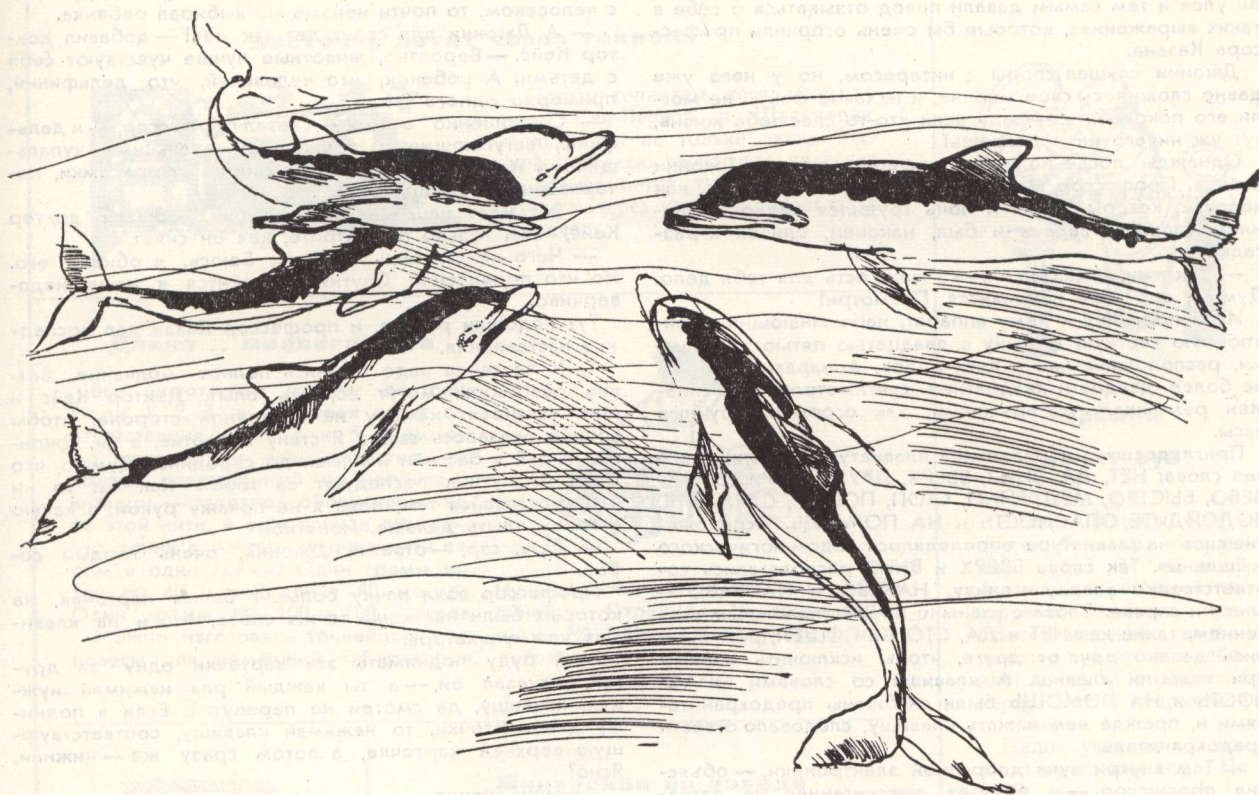
— Сказано недурно, хотя я не представляю себе, как вы намерены перевоспитывать косаток.

— Постойте, — вмешался доктор Абдаллах из Пакистана. — Вы вторглись в область, лежащую за пределами моих знаний. Скажите, насколько сообразительны косатки? Если они не столь умны, как дельфины, аналогия с людскими племенами повисает в воздухе и никакой моральной проблемы тут существовать не может.

— О, они достаточно умны, — с горечью заметил профессор Казан.

— Вы слышали знаменитую историю о косатках, пытавшихся настичь полярников в Антарктике? — спросил доктор Гирш. — Это случилось еще в начале прошлого столетия во время одной из первых экспедиций к Южному полюсу, кажется, под командованием Скотта. Несколько исследователей стояли на краю ледяного поля и наблюдали за поведением косаток в воде. Им и в голову не приходила мысль об опасности. И вдруг лед под ними затрещал. Животные таранили его снизу, и когда он в конце концов проломился, полярники едва успели перебежать на безопасное место. Кстати, толщина льда превышала девяносто сантиметров.

— Так что если дать им волю, они примутся жрать людей, — сказал кто-то. — Я голосую против них.

— Существует, видите ли, мнение, что они приняли одетых в меха исследователей за пингвинов, но мне не хотелось бы проверять эту теорию на себе. Во всяком случае, достоверно известно, что они пожирали ныряльщиков.

Наступила короткая пауза. Затем доктор Саха снова прервал молчание.

— Очевидно, чтобы принять какое-либо решение, нам нужно больше фактов. Придется поймать несколько косаток и тщательно изучить их. Как ты думаешь, Николай, удастся установить с ними контакт?

— Вероятно, удастся, хотя на это могут уйти целые годы.

— Мы отклоняемся от темы, — нетерпеливо сказал доктор Гирш. — Боюсь, что существует еще один чертовски важный аргумент в пользу косаток. Значительный процент нашей пищи мы получаем из моря — около ста миллионов тонн рыбы в год. Дельфины —

наши непосредственные конкуренты. Вы говорите, что между косатками и дельфинами идет война, но война идет также между рыбаками и дельфинами, которые рвут рыбацьи сети и воруют улов. В этой войне косатки наши союзники. Если бы они не ограничивали прирост дельфиньего населения, мы остались бы без рыбы.

Как ни странно, это соображение, видимо, не обескуражило профессора.

— Спасибо, Мордухай, — сказал он, — ты сыграл мне на руку, напомнив о рыбаках. Ведь тебе должны быть известны и другие случаи, когда дельфины загоняли в неводы целые косяки рыб и рыбаки делились с ними уловом. Так бывало с аборигенами здесь, в Квинсленде, лет двести назад.

Благодарю вас, господа, очень признателен. Как только мне удастся провести несколько опытов, все члены комитета получат от меня докладную записку и мы соберем пленарное заседание.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Недели через две жители острова увидели, как претворяются в жизнь первоначальные идеи профессора. Всякие толки, разумеется, ходили и раньше, а когда стало известно, о чем просят дельфины, у каждого появилось собственное мнение, как надо действовать.

Ученые с исследовательской станции, понятно, держали сторону дельфинов. Доктор Кейс как-то заметил:

— Даже если косатки окажутся умнее, я ставлю на дельфинов. Они куда симпатичнее.

Мнения рыбаков были противоречивы. Они неплохо

относились к дельфинам, но ведь именно рыбаки испытывали на своей шкуре то, о чем говорил доктор Гирш. Случалось, и не раз, что дельфины рвали сети, расхищали улов и тем самым давали повод отзываться о себе в таких выражениях, которые бы очень огорчили профессора Казана.

Джонни слушал споры с интересом, но у него уже давно сложилось свое мнение, и никакие факты не могли его поколебать, — ведь если кто-то спас тебе жизнь, тут уж ничего не поделаешь!

Однажды после полудня профессор вызвал Джонни к себе. Профессор выглядел усталым, но веселым, как человек, который день и ночь трудился над разрешением сложной задачи и был, наконец, близок к разгадке.

— Джонни, — сказал он, — у меня есть для тебя дело. Думаю, оно тебе понравится. Посмотри!

И он подвинул к нему аппарат, напоминающий миниатюрную счетную машину с двадцатью пятью клавишами, расположенными в пять рядов. Аппарат размером не более двадцати квадратных сантиметров был снабжен ремешками с пряжками, как огромные ручные часы.

Приглядевшись к маленькой клавиатуре, Джонни прочел слова: **НЕТ, ДА, ВНИЗ, ВВЕРХ, ДРУГ, НАПРАВО, НАЛЕВО, БЫСТРО, МЕДЛЕННО, СТОП, ПОШЕЛ, СЛЕДУЙТЕ, ПОДОЙДИТЕ, ОПАСНОСТЬ И НА ПОМОЩЬ.** Расположение слов на клавиатуре определялось ходом логического мышления. Так слова **ВВЕРХ** и **ВНИЗ** располагались соответственно вверх и вниз, **НАЛЕВО** и **НАПРАВО** — слева и справа. Слова с взаимно противоположным значением, такие как **НЕТ** и **ДА**, **СТОП** и **ПОШЕЛ**, размещались далеко друг от друга, чтобы исключить ошибку при нажатии клавиш. А клавиши со словами **ОПАСНОСТЬ** и **НА ПОМОЩЬ** были снабжены предохранителями и, прежде чем нажать клавишу, следовало отвести предохранитель.

— Там внутри куча добротной электроники, — объяснил профессор, — и батарея, рассчитанная на пятнадцать часов. Человек, нажавший одну из этих кнопок, услышит лишь слабое гудение. Дельфин же должен услышать слово, обозначенное на клавише, только естественно, на своем языке, — по крайней мере, мы надеемся, что будет так.

Вероятно, тебе не понятно назначение пустых клавиш. Мы просто держим их про запас. Ну, возьми эту штуковину — назовем ее Коммуникатор образца номер один — и попрактикуйся. Плавай и ныряй с ним, пока он не станет как бы частью тебя самого. Запомни — ты должен находить нужную клавишу с закрытыми глазами. Потом мы приступим к нашему новому опыту.

Все это было необычайно увлекательно. Джонни просидел почти всю ночь, нажимая на клавиши, чтобы запомнить их расположение. Сразу после завтрака он был уже у профессора. Ученый встретил его приветливо, без удивления.

— Захвати свои ласты и маску, встретимся у бассейна, — сказал он.

— А можно взять Мика? — спросил Джонни.

— Конечно, если только он будет вести себя тихо.

Профессор Казан и доктор Кейс, нагруженные аппаратурой, направились к бассейну.

— Отношение Спутника к Джонни меня не удивляет, — задумчиво сказал профессор. — Во всех случаях, описанных в литературе, если уж дельфин сдружился с человеком, то почти неизменно выбирал ребенка.

— А Джонни для своих лет так мал! — добавил доктор Кейс. — Вероятно, животные лучше чувствуют себя с детьми. А ребенок, что человеческий, что дельфиний, примерно одного роста.

— Совершенно верно, — сказал профессор, — и дельфины, вступающие в дружбу с маленькими купальщиками на морских курортах, скорее всего самки, потерявшие детенышей...

— Вот идет наш мальчик-дельфин, — сказал доктор Кейс, — вы только посмотрите, как он сияет.

— Чего не скажешь о Мике. Боюсь, я обидел его. Но что поделаешь! Спутник относится к нему недоверчиво.

Тут подошли ребята, и профессор Казан дал последние наставления.

— У бассейна надо хранить полное молчание. Все разговоры могут сорвать опыт. Доктор Кейс и Мик установят камеру на восточной стороне, чтобы солнце оказалось сзади. Я стану напротив, а ты, Джонни, ныряй в бассейн и плыви до середины. Думаю, что Сузи и Спутник последуют за тобой. Как бы то ни было, оставайся там, пока я не покажу рукой, в какую сторону плыть дальше. Понятно?

— Есть, сэр, — ответил Джонни, очень гордый собой.

Профессор взял пачку больших белых карточек, на которых были написаны те же слова, что и на клавишах коммуникатора.

— Я буду поднимать эти карточки одну за другой, — сказал он, — а ты каждый раз нажимай нужную клавишу, да смотри не перепутай. Если я подниму две карточки, то нажимай клавишу, соответствующую верхней карточке, а потом сразу же — нижней. Ясно?

Джонни кивнул.

— В самом конце мы сделаем решительный ход. Ты дашь сигнал: «ОПАСНОСТЬ!» и через несколько мгновений: «НА ПОМОЩЬ!» При этом ты должен биться в воде, как утопающий, а потом медленно пойти ко дну.

Они подошли к проволоке, огораживавшей бассейн. Тут всякие разговоры прекратились. Разговоры, но не шум, потому что Сузи и Спутник встретили их громким визгом и всплесками.

Профессор Казан, как обычно, угостил Сузи порцией лакомства, но Спутник держался в отдалении и не дал себя соблазнить. Тогда Джонни соскользнул в воду и медленно поплыл к центру бассейна.

Оба дельфина следовали за ним, держась на расстоянии метров шести. Приподняв голову над водой, Джонни оглянулся и впервые смог оценить грацию, с которой изгибались их эластичные тела.

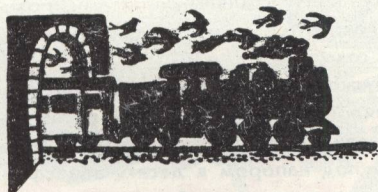
Первой оказалась карточка со словом «ДРУГ».

Дельфины, без сомнения, услышали это слово — они взволновались.

«ДРУГ» — снова просигналил профессор, и Джонни опять нажал клавишу. На этот раз, к восторгу мальчишки, оба дельфина двинулись к нему. Они остановились всего в полутора метрах, глядя своими темными умными глазами.

(Продолжение следует)

Ласточки летят через тоннель

Новым тоннелем, построенным в горе Сен-Бернар в Швейцарии, пользуются не только люди. Весной и осенью через него на север и на юг летят тысячи ласточек. Дорога через тоннель делает путь короче.

Длина... миллиграмма

Все знают, что монеты достоинством 1, 2, 3 и 5 копеек весят соответственно 1, 2, 3 и 5 граммов. Но, конечно, не всем известно, что номер, поставленный на катушке с нитками, — условное обозначение веса этой нити, а еще точнее говоря — это длина в метрах кусочка нити весом в один грамм. Один грамм ниток № 40 имеет длину 40 метров. Один грамм № 100 — 100 метров. Можно изготовить точнейшие разновесы для домашней лаборатории.

Нужны нитки и простая масштабная линейка. Отрежьте 10 сантиметров нитки № 100, и вы получите 1 миллиграмм.

Все для пассажиров

В итальянских железнодорожных вагонах возле окон, куда вставлено упрочненное стекло, висит молоток. Если во время аварии пассажиру надо выпрыгнуть из окна, пусть разобьет стекло — и прыгает.

Микроскоп на заводе

Составить новые красители для новых видов тканей удастся только тогда, когда имеешь дело с мельчайшими красящими частицами, диаметр которых не превосходит десятых долей микрона. Но как определить величину частиц, если не помогает обычный микроскоп? Теперь это не составляет труда: на завод привезли совершенный электронный прибор — микроскоп „ЭМ-7“. Он увеличивает в сто тысяч раз, на раз то, что нужно заводской лаборатории.

Четвероногие фармацевты

Фармацевты — это значит аптекари. Почему же тогда — четвероногие? Речь идет не о людях, а о животных. Человек подсмотрел, чем лечатся домашние и дикие животные, и стал использовать различные травы и корни, чтобы бороться со своими болезнями. Даже сейчас, когда химия всемогуща, около двух пятых всех лекарств — растительного происхождения.

Есть растение под названием белена. Белена ядовита, ею могут отравиться и люди и животные.

Существует даже выражение: «Ты что, белены объелся?» Так говорят о людях, действия и слова которых непонятны.

И вот эту ядовитую траву иногда ест свинья. Она своего рода первооткрыватель лечебных свойств белены. Ученые даже назвали белену «хиоциамус», что буквально значит: «растение, поедаемое свиньей».

Сейчас белену разводят на плантациях, это ценное сырье для лекарственной промышленности.

Турбина лечит зуб

Знаете, почему чувствуется боль при сверлении зуба? У обычной бормашины режущий инструмент — бор — вращается медленно, возникающее при этом колебание по зубу передается нерву. Вот и неприятное ощущение.

Надо увеличить скорость вращения бора. Но как?

...Зубоврачебная турбинка так мала, что помещается в наконечнике бормашины. Вращение — 300 000 оборотов в минуту — достигается сжатым воздухом. Он поступает по шлангу.

Лечение зуба стало безболезненным и гораздо более быстрым.

Родина чудесной машины — Чехословакия.

„Водяная“ пила

Когда древесину пилят стальными пилами, получается много опилок, которые не превратить в доски. Как избежать отходов?

Ученые Мичиганского университета предложили пилить водяной пилой. Что это такое? В узкое отверстие — щель, невидимую простым глазом, подается струя воды под напором в десять атмосфер. Она-то и распиливает толстенное бревно на доски. Причем поверхность среза — как полированная. Отходов нет, и доски не требуются полировать.

Геракл-астроном

Две монеты. Одна чеканена в Александрии египетской во II веке новой эры, а другая — столетием позднее во фракийском городе Адрианополе.

В центре александрийской монеты — портреты Солнца и Луны, как их представляли себе древние греки, а по кругу 12 месяцев, изображенных в виде животных. Середину адрианопольской монеты занимает легендарный Геракл, по кругу — сцены совершенных им 12-и подвигов. С этой монетой «перекликаются» замечательные часы, изготовленные в пятом веке неизвестным мастером из финикийского города Газа. Над статуей Геракла, вооруженного, как всегда, палицей и луком, — створки, которые периодически открывались в течение 12 часов и демонстрировали один за другим 12 подвигов Геракла.

Опять 12! Греки были твердо убеждены, что подвиги Геракла связаны если не со всеми месяцами года, то уж со всеми часами дня и ночи. Отсюда возникло представление, что прославленный силач не был чужд... астрономии.

Пленка из лавсана

Из синтетического материала лавсана научились делать не только немнущиеся ткани, он годится и для создания основы негорючей киноплёнки.

При проверке кольцо обычной плёнки выдержало 1150 прогонов, лавсановое и после 3000 прогонов не обнаружило заметных признаков износа. Раз лавсановая плёнка гораздо прочнее обыкновенной, ее можно сделать более тонкой, а значит, уменьшить вес и зарядить в кассету киноаппарата не 300 метров, как раньше, а 450.

Лавсановая основа идет и на изготовление магнитной ленты для видеомagnetофона.

Диковинки тайги

В дремучей тайге Приморского края нашли две диковинки: в старом пне с трухлявой сердцевинной вырос кедр. А рядом, на корявом и толстом суку старой березы, нашла свой дом трехметровая ель и висит над землей, впиваясь корнями в «кормилицу»-березу.

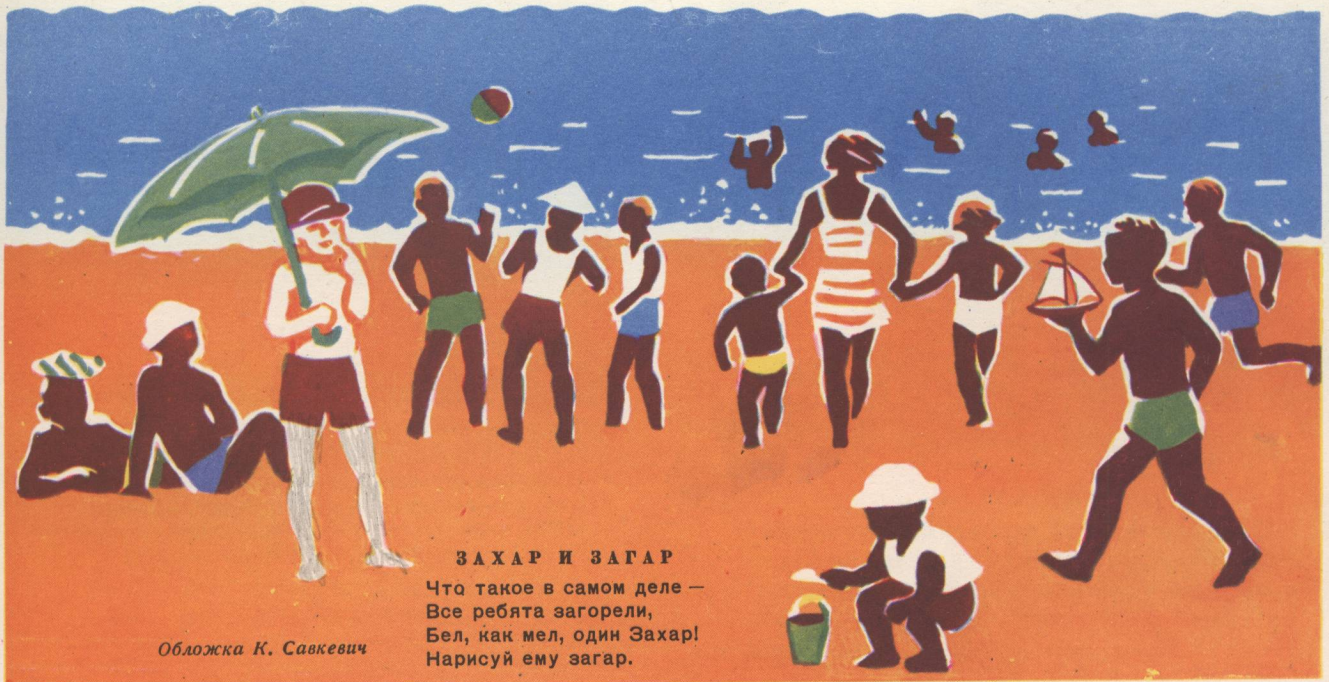

Медвежонок на корабле

Мишка удивляет матросов понятливостью. Стоит кому-нибудь полезть в карман, он — весь внимание. Как будто из кармана можно достать только сахар!

И на задних лапах медвежонок ходит с самым серьезным выражением своей умной мордочки.

Фото В. Радченко

ЗАХАР И ЗАГАР

Что такое в самом деле —
Все ребята загорели,
Бел, как мел, один Захар!
Нарисуй ему загар.

Обложка К. Савкевич

М. Рачко

НЕ ПОВЕЗЛО

Рисунок
Н. Муратова

Мне и маме с зоосадам
В этот раз не повезло:
Шимпанзе сидели задом,
Тигры спали, как назло,
Лев зевал и ждал еды,
Морж не вылез из воды,
Ревматизм лечили пуме,
Бегемот как будто умер.
У слона сломалась клетка:
Может, он вообще сбежал.
Молодняк просил конфетку,
Но следили сторожа.
И во избежанье штрафа
Мы ушли и битый час
Все смотрели на жирафа,
А жираф смотрел на нас.

Рисунок И. Ризнича

ЛИСА И КУРОПАТКА

— Все меня, Куропатку, обидеть норовят: в лесу
Волк серый, в поле Хорек бурый, в воздухе Ястреб
пестрый. Хоть бы ты меня, Лиса, пожалела!
— А я что — рыжая, что ли?..

Н. Сладков

БАРАШЕК

Однажды весной отправился стриженный баран на гору травы пощипать. До половины горы залез, замерз бедняга и просит он гору: „Дай мне, горушка, шубки“.

Продолжение на странице 8

Е. Руженцев

Рисунок Н. Муратова

Надо, надо Луковицу
Показать врачам:
Стала наша Луковица
Плакать по ночам.

И во сне ворочаться,
И бубнить под нос:
— Мне людей не хочется
Доводить до слез!

КАПИТАН

Н. Слепакова

КАПИТАН

С английского

Веду кораблик сквозь туман
и вижу, проплывая:
с другого судна капитан
сигналит, проплывая.

В свою подозрную трубу
глядит он, проплывая,
и в разговорную трубу
кричит он, проплывая.

И звонкий крик его вдали
я слышу, проплывая:
— Эй, где тут путь
вокруг Земли?!
кричит он, проплывая.

Рисунок Г. Когенчука

ЛИСА И ЗАЯЦ
Н. Сладков

— Отчего это, Зайнышка, у тебя ушки такие длинные? Отчего это, серенький, у тебя ножки такие быстрые?

— Все оттого, Лисонька, что у тебя шаги тихие, все оттого, что у тебя зубы острые...

Рисунок И. Ризнича

БАРАШЕК

(См. цветной рисунок)

на правый и левый бочок». Дала ему гора шубки, сама еще больше зазеленела.

Забрался баран на вершину, не страшен мороз ни правому боку, ни левому, а только хвост мерзнет. Просит он гору: «Дай мне, горушка, шубки на хвостик». Дала ему гора шубки и на хвост.

Красуется гора без шубы зеленая, а баран в белой шубе щеголяет. Гулял баран на горе, травы пощипал, домой собрался.

Спустился до половины горы и говорит: «Спасибо тебе, горушка, выручила ты меня из беды, возьми свою шубку с правого бочка, укройся». Скинул баран шубу с правого бока — полгоры снегом укрыл. Спустился еще и говорит: «Возьми и с левого бочка». Скинул шубу с левого бока — другую половину снегом укрыл. Спустился баран к подножью, остался у горы не закрытый маленький клочочек. Тряхнул баран хвостом: «Бери уж и с хвостика!»

Одел баран гору в белую шубу и себя не обидел. Смотрят люди и удивляются: стоят две горы, не разберешь, где гора, а где баран.

Б. Сергуненков
Рисунок Е. Захарова

8

ПОДЪЕМ

Идут гуськом богатыри,
Они проснулись до зари.
Богатыри спешат опять
В квартиру номер сорок пять.
А там Сережа скован сном,
Богатыри кричат:
— Подъем!
Бьет барабан, труба поет,
А он и глазом не моргнет.
Засучили силачи рукава:

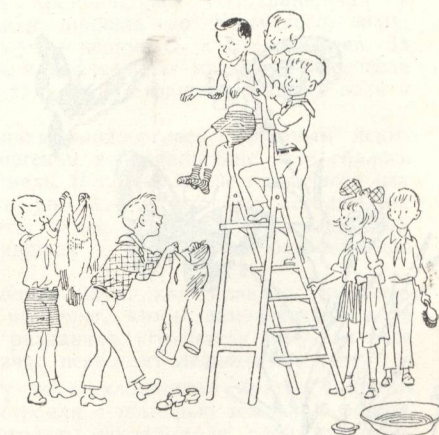
4

Уголёк № 7

июль

Скорей бегите все сюда!
Никто из вас не знает:
Стряслась с подсолнухом беда,
Подсолнух умирает!
Лежит он, скорчившись, в траве,
С ним сто врагов сражалось,
В его шершавой голове
Пять семечек осталось.
Топтал его какой-то зверь,
Потом клевали птицы . . .
Нам не спасти его теперь,
Не вылечить в больнице.
Но все равно не обойдем
Подсолнух стороною,
С собой мы семечки возьмем,
Посеем их весной.
И прорастут они в тепле,
И станут ввысь тянуться,
И друг за дружкой на земле
Пять солнышек зажгутся!

Е. Руженцев
Рисунок А. Кора

Раз-два!
Раз-два!
Все ребята заняты:
Кто за руки, кто за ноги,
А двое встали по бокам,
Несут торжественно под кран.
Словно слуги,
Словно свита,
Надевают брюки,
Свитер . . .
Чтоб звено он не подвел,
Каждый день такой подъем.

Я. Пишумов
Рисунки Б. Семенова

5

2

ГУСЕНИЦА

— Я не хищная совсем,
Я совсем не строгая,
Никого, друзья, не ем,
Никого не трогаю.
Не кусаю всех подряд,
Даже не толкаю ...
А ребята говорят:
«Страшная какая!»
Значит, я похожа с виду
На страшил-чучелку?
Не могу стерпеть обиду,
Превращаюсь в куколку!
Стану куколкой чудной,
Куколкой особой,
И, пожалуйста, со мной
Ты играть не пробуй!
Полежу я, полежу,
Вылезу из кожицы,
Вот тогда и погляжу
Я на ваши рожицы!
Крикнут дети что есть силы:
«Мамочка!
До чего она красива,
Бабочка!»

Е. Серова

Рисунок А. Кора

7

РАЗГОВОР МОЕГО ДЕДУШКИ С БЛОХОЙ

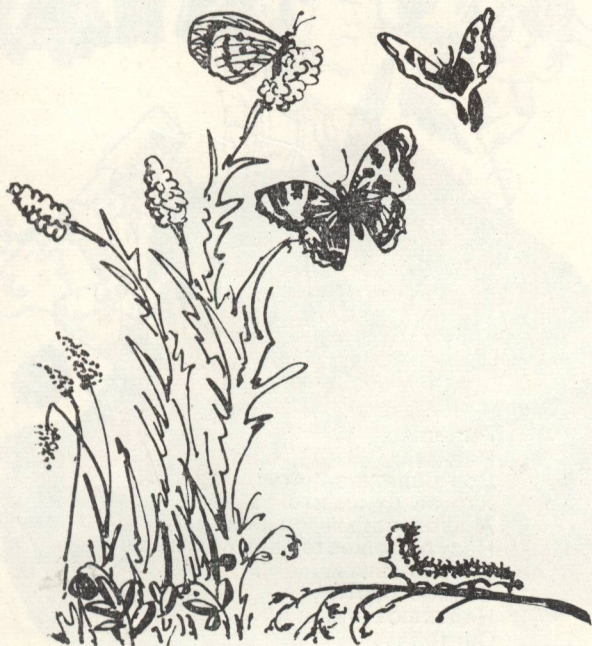
Ш. Дриз

— Я вижу, блоха,
Что ты прыгать мастак.
Скажи мне, с чего ты
Распрыгалась так?
— Вчера я простыла,
Валяясь на мху.
И вздумала греться
В медвежьем меху.
Как вдруг, караул!
Среди белого дня
Подходит охотник
И целит в меня.
По счастью, охотник
Неважно стрелял:
Он метил в меня,
А в медведя попал!

Рисунок А. Гальбы

Перевела с еврейского

Э. Паперная

6

3

НОВОЕ ПЛАТЬЕ КОРАБЛЯ

С. Линко

Во что одевались корабли прежде?

Археологи обнаружили на дне Черного моря останки древнего маленького корабля. Это судно было обшито листами из свинца. Их крепили к корпусу бронзовыми гвоздями.

Но такая одежда была известна не везде. В старину у многих народов корабли одевались в кожу. Киль древних кораблей русских и бриттов изготовляли из цельного бревна, а бока оплетали прутьями и обшивали кожами. Эти суда напоминали корзины, огромные короба, покрытые снаружи кожей. Отсюда и слово обшивка, которое дошло до наших дней.

А знаете, почему деревянные суда уступили место металлическим? Главным образом, для большей прочности, для долговечности.

Деревянными судам очень досаждали морские паразиты. Тысячи микроскопических улиток-торедо прогрызают в древесине многочисленные ходы и лабиринты. Торедо способны вытягиваться в длину до метра. Представьте себе, что могут сделать за год такие «безразмерные» улитки, если не бороться с ними.

Видимо, на том древнем корабле свинцовая обшивка и была сделана для предохранения от древоточцев.

Но и стальная обшивка недостаточно надежно защищала корпус. Металл разъедает ржавчина. Кроме того, десятки тысяч мелких и крупных морских жителей присасываются к днищу корабля, образуя камнеобразный нарос, уничтожая защитную окраску. Постепенно сквозь нарос пробиваются водоросли, вырастает «борода». Да еще какая! Иногда весом в сто тонн. Этот бесполезный груз корабль-работяга вынужден таскать по морям-океанам. А металл под ним оказывается изъеденным, как от осы.

В судостроении стали искать иные материалы, такие, которые не ржавели бы от воды, не боялись бы древоточца, были бы прочнее и дешевле металла.

НА ВЫРУЧКУ ПРИХОДИТ СТЕКЛО

Если бы не хрупкость, стекло могло бы во многих случаях поспорить с металлом. Оно не горит, ничуть не уступает стали по твердости, не ржавеет и при этом дешевле металла. Но как переделать хрупкую природу стекла?

В цирке такие фокусы показывали давно. От удара молотка стекло только позванивает, не разбивается. «Фокусник» нашелся и в жизни. Он взял палочку-смакелочку, и стекло стало гибким и прочным. Для этого оказалось достаточно превратить стекло в нити. Из нитей стали делать шнуры, ткани. Жгут диаметром в один сантиметр выдерживает груз в десять тонн. Это больше, чем прочность стального троса такой же толщины.

Стекловолокно прочно, но одно оно не годится для обшивки корабля; вода просочится в отверстия между волокнами. Обшивку формуют из стекловолокна, смешан-

ного с пластмассой, или делают из стеклоткани, залитой полиэфирными смолами. Смесь стекловолокна и пластмассы после затвердения и есть стеклопластик — новый в судостроении материал: не боится ни древоточцев, ни огня.

Суда из стеклопластика еще очень малы. Самому старому едва ли 15 лет. Но уже сейчас в нашей стране из стеклопластика строят не только мелкие суда. Несколько теплоходов, одетых в стекло, бороздят реки и озера.

„НОВИНКА“ И ЕЕ ПОТОМКИ

На тонкой пластинке, положенной на края табуреток, стоит человек. Пластика лишь слегка прогнулась. Еще недавно считалось, что при такой толщине выдержать большой груз может только стальная пластинка. А эта изготовлена из цемента и стекло-

волокна. Цемент — благодаря стеклянным нитям — приобретает ценные свойства пластмассы и, сохраняя прочность, становится упругим.

Три года подряд совершает путешествие по Днепру и Черному морю красавица яхта «Новинка», корпус и палуба ее сделаны из стеклоцемента. Это первая в мире стеклоцементная морская яхта. Построили ее братья Дмитрий, Константин и Юрий Бирюковичи.

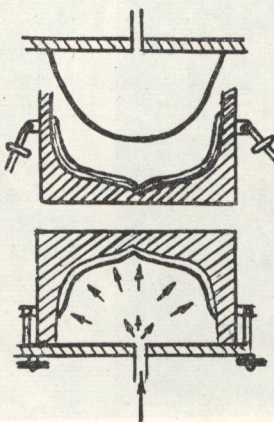
Трудно поверить, что судно, с бортами толщиной в 9—11 миллиметров, способно выдержать удары морских волн. Но «Новинка» дважды одолела беспокойные Каховское и Кременчугское водохранилища и озеро имени Ленина, прошла до Крымского полуострова и благополучно вернулась в родной Киев. За две недели плавания в открытом море она перенесла шторм у мыса Тарханкут, не страшась суровых волн и ветра.

В походе «Новинка» подверглась серьезным испытаниям: в Кременчугском водохранилище яхта сбилась с курса и села на мель. В продолжение пяти часов она ударялась килем о дно и пни, которые остались на месте бывшего леса, и все же не получила серьезных повреждений. Снявшись с мели, яхта благополучно продолжала путь.

Обычные яхты, как правило, вытаскивают на берег, чтобы замерзающая вода их не раздавила. «Новинка» зимует в воде и отлично переносит ледяные объятия.

Яхту из стеклоцемента братья Бирюковичи строили с помощью земляной формы, на которую накладывали слой стекловолокна и пропитывали его цементным раствором. Эти операции повторяли до тех пор, пока корпус будущей яхты не достиг нужной толщины. Затем, когда цемент окончательно затвердел, «скорлупу»-корпус сняли.

У «Новинки» уже много родственников: катера, шлюпки, маленькие лодки-«тузики». И у всех новое стеклоцементное платье.

Поляна сказок

...За густыми зарослями орешника поднимается голубоватый дымок. Над низеньким столиком, вкопанным в землю, склонились пионеры-артековцы. Павел Павлович Безруков помогает им овладеть резьбой по дереву. Тут же рядом дымит и пофыркивает старинный тульский самовар, над угасающим костром — закопченный котелок, а чуть выше, на пригорке, — удивительный материал скульптора.

Еще несколько шагов, и вдруг, словно в сказке, предстают перед нами необычные обитатели поляны. Вон там, у валуна, деревянный кот на цепи, а немного поодаль — огромная голова витязя, вырубленная из корневища гигантского дерева.

И деревья, и кусты, и камни на поляне искусно дополнены деревянными скульптурами. Здесь мы встречаем знакомых героев сказок, былин, повестей и поэм. Вот «Тарас Бульба», «Бандурист», «Черномор», «Водяной», «Русалка». За ними на диком мшистом камне «Орел и змея», а в болотных зарослях «Голубая цапля», устремившая к небу свой длинный клюв.

А вот и «Избушка на курьих ножках». Настоящая, рубленая, с затейливыми резными украшениями. Здесь живет сам автор чудесных произведений Павел Павлович Безруков. Живет непритязательно, по-спартански. Ворох ароматного сена, одеяло, жесткая подушка. На стене соломенная шляпа, ручная пила и блестящий топорик. Даже осенью и зимой, когда сильно дуют с гор холодные ветры, хозяин поляны не расстается со своим волшебным царством.

Если вам посчастливится побывать в Крыму, обязательно поезжайте в гости к Павлу Павловичу Безрукову. Поляна сказок находится в семи километрах от Ялты у подножья горы Ставрикая.

Фото и текст А. Манакина

Возможно ли, чтобы птица говорила? Мне часто приходилось слышать от скептиков, что, вероятно, это только хозяин понимает разговор своей птицы, также, как, например, мать понимает лепет своего ребенка. Желая проучить такого скептика, я как-то подстроил ему разговор по телефону с говорящей майной. Мой знакомый категорически отказывался верить, что говорил с птицей. Он даже утверждал, что узнал мой голос.

Какие же птицы обладают такой интересной способностью? В первую очередь, это, конечно, попугаи, а их 326 видов и, по-видимому, любой попугай, выращенный человеком из птенца, может стать говорящим. Говорят скворцы, майны, сороки, галки, грачи, вороны, сойки и новозеландский поп.

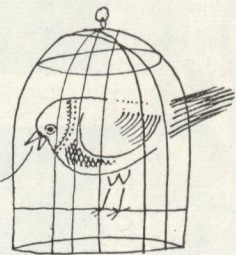
Но этим списком не исчерпываются все говорящие птицы. Брэм рассказывает о слав-

ке-черноголовке, говорившей «мое милое дитяtko» (ми нино чикиритито — исп.) и называет ее «маленькое чудо». «Весь город знал эту замечательную черноголовку и не мог надиться, что маленькая певчая птичка выучилась говорить», — замечает Брэм. Но так как больше подобных случаев не наблюдалось, то многие отно-

Поднимаюсь на четвертый этаж. В двух клетках сидят канарейки. Самец Пинчи и самочка Брики. Говорит Пинчи. Он — самая обыкновенная желтая птичка, каких тысячи, но я смотрел на него, как смотрят на какую-нибудь знаменитость: неужели он говорит, действительно говорит, или издаваемые им звуки толь-

говорящие
птицы

сились к факту, описанному Брэмом, с сомнением. Признаюсь, что и мне трудно было представить себе говорящую славку, и вот недавно меня пригласили послушать говорящую канарейку! Я знал десятки говорящих птиц, но о говорящих канарейках даже никогда не слыхал. Канарейка одомашнена уже около 500 лет. Она известна как хорошая певчая птичка. И вдруг, говорящая канарейка! Не скрою, я сильно волновался, когда ехал слушать это «чудо XX века». Но вот и Большая Московская.

ко напоминают слова. Мне не терпелось скорее убедиться в феноменальной способности птицы.

Пришел я неудачно: Пинчи дремал, не подозревая о вызываемом им интересе. Мы пробовали всячески вызвать его на разговор: включали радио, звонили в звоночек — все напрасно. Выручила электробритва. Услышав знакомое жужжание, канар вспорхнул на жердочку и высоким звонким голосом затараторил: «Пинчи, Пинчи, Брики, Брики, вот какие маленькие птички, маленькие

ТАМАРИН ЗООПАРК

Тамара Виноградова пять лет занималась в зоокружке Дзержинского Дома пионеров, которым руководит Андрей Михайлович Батуев, автор рассказа о говорящих птицах. Сейчас она учится в одиннадцатом классе и часто посещать кружок у нее нет времени. Но у Тамары дома свой зверинец.

— Здравствуй! Здравствуй! — встречает гостей светло-зеленый попугай с крепким ярко-красным клювом и темной полоской вокруг шеи. Это Жаконя.

В комнате в несколько ярусов стоят клетки с птицами. Кого здесь только нет: розовощекие попугаи-неразлучники, живущие лишь парами; серебряноклювые амадины, зебровый амадин редкой белой окраски, зеле-

новато-серые с пышным желтым хохолком попугаи-кареллы Жак и Мира и многие другие.

А в террариумах живут изумрудная ящерица, уж, темно-коричневая, с серебристой полоской на спине, безногая ящерица-веретенница с двумя детьми, родившимися здесь в прошлом году, и даже ядовитая проворная змея-стрелка.

Шесть лет было Тамаре, когда ей купили на рынке белочку Янку. Первое время Янка ничего не брала в рот. Тамаре пришлось ее отпаивать молоком. Славная выросла белочка и удивительно ручная. Десять лет прожила она у Тамары. А сейчас у нее живут пушистые джунгарские хомячки.

птички, чудненькие птички!» Это была как бы песня, но состояла она из слов, которые птичка произносила очень звонко и отчетливо. Я слушал, и мне казалось, что вот-вот я очнусь и все окажется сном, настолько это было невероятно. Выяснилось, что Пинчи купили, когда ему было два месяца. Свою кличку он стал говорить через четыре месяца, затем его словесный запас значительно расширился. Сейчас ему десять месяцев. Будет ли птица и дальше наращивать свой словарь — неизвестно, но и того, что она говорит, совершенно достаточно, чтобы поразить даже самого искушенного специалиста. Так сто лет спустя случай, описанный Брэмом, получил новое подтверждение, что научиться говорить могут и те птицы, которых считали лишенными такой способности.

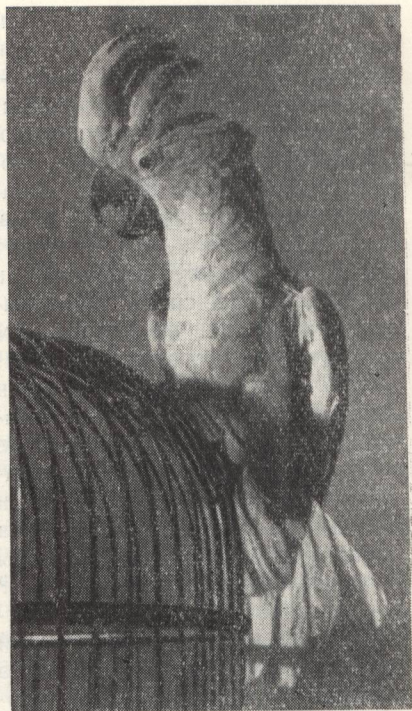
По-видимому, здесь сыграло роль то обстоятельство, что у хозяйки птицы очень высокий голос и кенару легко было его имитировать.

Некоторые птицы способны говорить и высоким и низким голосом, и ширина их диапазона порой удивляет. Услышав телефонный звонок, жакко нежным женским голосом говорил: «Алло, я слушаю!» — и вдруг

добавлял низким басом: «Нет дома!»

Я вез в такси свою ручную майну. Несмотря на скорость, она без умолку болтала высоким сопрано, чем заметно веселила водителя. Когда машина резко затормозила, майна спросила: «Кто здесь шофер?» — причем это было сказано таким сочным басом, что водитель сразу обернулся и недоуменно сказал: «Это, конечно, уже вы?» — и долго не хотел верить, что такая маленькая птица может говорить чуть ли не октавой. Воспитанница моих юннатов, сорока, по кличке Петька, была центром внимания посетителей на ленинградской выставке птиц. Она говорила низким мужским голосом: «Петька-солнышко!» — и тут же нежным детским голоском: «Вовочка, Вовочка, что мне делать, куда мне деться?»

Попугаи обладают отличной памятью. Какаду Снежок жил одно время с амазоном Шурой, затем какаду переехал в Дзержинский Дом пионеров. Прошло три года, и вот как-то вечером Снежок отчетливо сказал: «Что, Шурочка?» Так как я знал весь его словесный «репертуар», то мне стало ясно происхождение этого «приобретения». Попугай не забыл имени своего болтливого сосе-

Какаду Джонни

да и через три года повторил вопрос, который часто задавали амазону. Мой любимец — широкохвостый лори Куконя говорит больше ста слов, причем некоторые он может не говорить годами, и я не раз думал, что он уже забыл их, но потом, без какого-либо напоминания он опять их вставлял в свою болтовню.

Лесному выюрку Тамара спасла жизнь, отняв его у кошки. Помытый он был весь, со сломанным крылом. Боялась — не выживет. Но выюрок поправился, окреп. С первыми теплыми днями Тамара выпустила его из клетки.

А вот красногрудому снегирю Степке, видно, не летать больше на воле. Сильно отморожены у него лапки. Вылечила его Тамара, но лапки так и остались больными. Правда, Степка не горюет. Весело ковыляет по своей клетке и распевает песенки.

Много времени отнимает у Тамары ее хлопотливое хозяйство. Каждому угодить нужно, а вкусы у всех разные.

Жаконя утром пьет сладкий чай. Даже есть ничего не будет, если лишить его лакомства. Канарейка Мика любит сахар, а попугай Попочка предпочитает колбасу, да не любую, а только докторскую.

А недавно в Тамарином «зоопарке» произошло очень важное событие: у африканских серебрянокрылых родились птенцы. Самка сделала гнездо из ниток, шерсти, ваты. Целые дни сидит она со своими птенцами, а сама — на краю гнезда охраняет их покой.

Чтобы знать повадки птиц и животных, мало своего опыта и наблюдений. Нужно много читать. Тамарина библиотечка началась с книг В. Бианки, Е. Чарушина, В. Чаплиной. Они стоят и до сих пор рядом с томами Брема, журналами «Наука и жизнь», книгами любимого писателя И. Акимушкина. Книжки о животных занимают у Тамары целый книжный шкаф и еще несколько полок. Все юннаты кружка пользуются Тамариной библиотекой.

Тамара очень любит спорт, имеет разряд по лыжам, увлекается легкой атлетикой и туризмом. Но ее любовь к животным, мечта стать зоологом остается неизменной.

Член-корреспондент клуба А. Свищова
Ленинград

Птица, обученная человеком, особенно охотно говорит при людях, а научившаяся сама — в одиночестве. Так сорока Катя, оставшись одна, произносит целые тирады: «Катя, ловите Катю, папа Карло дурачок, Хохлов — дурила, ха-ха, Катя-Катерина», — но стоит войти в комнату кому-нибудь из нас, и она сразу замолкает. Куконя же, наоборот, чем больше присутствующие выражают ему внимания, тем он охотнее говорит. Когда его записывала на магнитофонную ленту Московская студия научно-популярных фильмов, он болтал без умолку почти два часа: «Что ты стоишь? Что ты глядишь? Что ты шалишь? А? Ха-ха-ха-ха». Это «ха-ха» каждый раз вызывало дружный смех у сотрудников кино. Дело в том, что попугай не имитировал человеческий смех, а пародировал его каким-то на редкость смешным, дурацким голосом.

Мелкие попугайчики говорят

КЛУБ ЖАКА ПАГАНЕЛЯ

спешит довести до сведения своих читателей, что каждый из них может стать членом Клуба.

ПЕРВОЕ УСЛОВИЕ: он должен быть коллекционером. Коллекционировать можно все — насекомых, марки, поэтические сборники, художественные открытки, старинные монеты, забавные случаи и так далее.

ВТОРОЕ УСЛОВИЕ: он должен знать о той области жизни, которую отражает его коллекция, все (или почти все).

ТРЕТЬЕ УСЛОВИЕ: он должен быть бескорыстен, добр, весел и общителен, как Жан Паганель (или почти как Жан Паганель).

Кроме того, каждый коллекционер, соответствующий второму и третьему условиям, может стать **ЧЛЕНОМ-КОРРЕСПОНДЕНТОМ КЛУБА**.

Для этого нужно интересно, живо и остроумно написать о своей коллекции, иллюстрируя свой рассказ рисунками или фотографиями.

Лучшие работы будут опубликованы на страницах журнала.

Труды на соискание высокоученой степени члена-корреспондента Клуба Жана Паганеля следует присылать с 1 сентября по 1 октября 1966 года по адресу: Ленинград, С-15, Таврическая, 37. Редакция журнала «Ностер», Клуб Жана Паганеля.

не так, как большие, у них разговор имеет характер песни, а большие попугаи часто говорят к месту. Каждое утро мой жако говорит мне: «Доброе утро!» Если ночью зажечь свет, он тоже поклонится и скажет: «Доброе утро». А вечером, видя, что я стелю постель, всегда скажет: «Спокойной но-

чи!» — и не было случая, чтобы он перепутал.

Волнистый попугайчик Попочка знает больше шестидесяти слов, и можно в один вечер услышать все, что он говорит. Он выкладывает весь словесный запас как бы по темам. Например, он начинает хвалить себя: «Попочка, Попу-

ЛОНДОН.

От нашего
собственного
корреспондента

Холмс высыпал из пакета на стол сотни три писем читателей «Костра». Весь вечер ушел у нас на разбор и сортировку писем. Я переводил, Ватсон писал английский текст, а Холмс, верный своей любви к точности и аккуратности, раскладывал письма на пять стопок: в первую — «письма, никуда не годные», во вторую — «письма, заслуживающие некоторого внимания», в третью — «интересные и дополненные рисунками и фотографиями», в четвертую — «очень интересные и не лишённые остроумия», и, наконец, в пятую — «письма чрезвычайно важные и интересные»...

По одним письмам Паганель родился в 1800 году, по другим — в 1806.

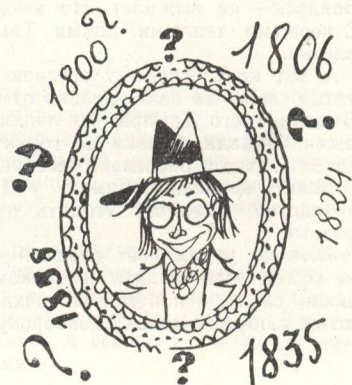
Так если Саша Чепуренко из Москвы считал, что Паганель родился в 1824 году во Франции, то Толя Кротов из Караганды уверял, что Паганель родился в 1858 году в Италии, а Витя Кетов из совхоза имени Джамбула, пытаясь найти среднее географическое и арифметическое, называл Южную Америку, город Монтевидео и 1835 год...

Из писем выяснилось, что Паганель, кроме всех прочих примет, имеет на указательном пальце левой руки шрам, на правой щеке небольшую родинку, встает в семь часов утра, отлично плавает, неплохо танцует и в последнее время увлекается филателией!!!

Адресов Холмса было очень много. Холмс признался позднее, что он даже стал сомневаться в истинности того адреса, по которому действительно проживает. Номеров домов хватило бы на то, чтобы развесить их на проспекте приличной длины... Если, к примеру, номера дома не было, то уточнялось, что Беккер-стрит — очень тихая и незаметная улица, каких много в Лондоне...

Наконец, покончив с курьезами, Холмс перешел к письмам, в которых были правильные и интересные ответы.

Он отметил эрудицию шестиклассницы Нины Виротченко из города Волхова, которая написала, что Жак Паганель родился в 1868 году, потому что книга «Дети капитана Гранта», героем которой он является, печаталась впервые в этом году, в «Журнале воспитания и развлечения».

лечка, Попочка-попугай, берегите попугая — это птица дорогая. Попочка хорошенький, Попочка красивенький, славный Попка». Затем идет тема пожеланий и вопросов: «Хочу гулять, хочу чаю, люблю маму, люблю и поцелую, кушать хочешь? Кто пришел?» — и сам себе отвечает: «Я пришел!» В третьей теме Попочка бранит себя: «Противный Попка, нахал, бандит, бандит, жулик, ты что, с ума сошел, тебе мало?» Порядок тем произволен, но внутри темы слова и их последовательность неизменны.

Природное щебетанье волнистого попугайчика очень напоминает пение певчих птиц. Видимо, в общении с человеком попугайчик вырабатывает песню, состоящую не из щебета, а из слов и фраз. Но у больших попугаев часто чувствуется в разговоре рефлексорная связь. Летом я ставлю на открытое окно клетку с попугаями. Однажды какая-то девочка расплакалась во дворе,

на что попугай резко сказал: «Что ты орешь?» и степенно добавил: «Глупая птица!» Жакко подружился с самкой сенегальского попугая. Как только птиц выпускали из клеток, сенегалочка летела на клетку своего краснохвостого друга и они начинали перебирать друг другу перышки и «расточать нежности». Наконец сенегалочке надоело сидеть на клетке и она улетала на шкаф. Жакко приходил в крайнее волнение, так как он не летал и последовать за своей подругой не мог. Он начинал бегать по клетке и кричать: «Иди домой, слышишь, иди домой!» Попугай знал больше пятидесяти слов, но говорил то, что более всего подходило к данному случаю: ведь то же говорили и ему, если он покидал свою клетку! Желтохохлый какаду, видя, что его хозяйка плачет, говорил нежным голосом: «Зачем расстраиваться?» Эта способность к месту сказать ту или иную фразу свидетель-

ствует о замечательной памяти попугаев, так как они, конечно, не могут понимать смысла произносимых ими слов и только помнят, что говорилось при аналогичных обстоятельствах и удачно вставляют свои реплики, создавая иллюзию разумного разговора.

Профессор Благодосклонов рассказывает, что один ручной ворон, желая попасть домой, кричал: «Бабка! Открой!»

Курьезов с говорящими птицами немало. Одна моя знакомая неожиданно перестала бывать у нас. Оказывается, она обиделась, так как заходила ко мне и ей сказали, что меня нет дома, а она слышала, как я в своей комнате насвистывал падеспань. «Но ведь это — мой жакко!» — объясняю я, но она не верит: «Разве птица может насвистывать, как человек? Сознайтесь, что вы тогда были дома!»

Вот какими замечательными имитаторами могут быть птицы.

А. Батюев

Холмс просил также поблагодарить за отличные фотографии и рисунки Филиппа Сбитнева из Москвы, ученика 4 «в» класса; Толю Филиппова с Болотниковской улицы (город Толя указать забыл); Сашу Чепуренко и Игоря Стаховского из Москвы и Владимира Гульдаса из Одессы...

Жене Митину со станции Инта Холмс просил передать, что он, Холмс, весьма польщен тем высоким титулом, который Женя употребил в письме: «великому сыщику Шерлоку Холмсу».

Что касается письма Володи Карпова из Москвы, то даже видавший виды хладнокровный Холмс воскликнул: «Какой ужас!» Из Володиного конверта был извлечен варварски выданный из книги Жюль Верна листок с иллюстрацией.

— Я полагаю, — сказал Холмс, — что даже ради спасения собственной жизни Паганель не позволил бы портить книгу, да еще и своего лучшего друга месье Жюль... Неплохо бы школьным и городским библиотекам проверить, в каком именно экземпляре книги «Дети капитана Гранта» не хватает страниц 45 и 46. Эти страницы можно было бы получить у того же В. Карпова (адрес свой он сообщить постеснялся).

Шел одиннадцатый час вечера, когда раздался новый звонок в прихожей. На этот раз Холмс вернулся с телеграммой в одной руке и одним-единственным письмом в другой.

Телеграмма гласила: «Прошу Холмса обратить особое внимание на шестую страницу записной книжки Жака Паганеля и на то, что уголок этой страницы был загнут в 17. 05, вероятно, по Гринвичу. Мыс Африка находится в Советском Союзе на восточном берегу Камчатки и был назван так офицерами русского крейсера «Африка», проходившего здесь в 1880 году». Телеграмма была из Ленинграда и подписана Олегом Секретаревым с улицы Красной Конницы, дом 21, кв. 44.

Письмо же было от Мак-Набсов из Шотландии. Холмс вскрыл конверт. В нем, кроме записки от Мак-Набса младшего, мы нашли письмо Жака Паганеля!..

(Продолжение следует)

Один тренер, вернувшийся из Бразилии, рассказывал: —

1. Больше всего меня поразили не «кобры», как называют в Бразилии известных футболистов, а босоногие мальчишки, которые день-деньской гоняют мяч на пустырях и пляжах. Какая у них техника! Под стать взрослым игрокам. Мне кажется, они в состоянии сравниться с настоящей командой. Удивительные ребята! У нас таких не найдешь...

Стук в дверь прервал слова тренера. В комнату вошли два паренька. Они извинились и сказали, что пришли по поручению своих товарищей.

— Слушаю вас, ребята, — сказал тренер.

— Мы хотели бы сыграть товарищеский матч с вашим дублирующим составом, — объявили гости, — форма у нас есть, со стадионом договорились уже.

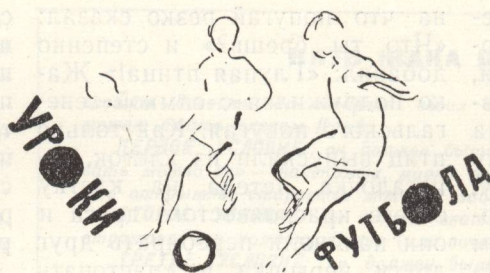
— С моими дублерами? — изумился тренер. — Откуда это вы взяли такие шустрые?

— Мы из 35-ой школы, — скромно ответили ребята.

— Ну ладно, давайте попробуем, — согласился тренер.

Пока обе стороны договаривались о будущей встрече, я приглядывался к юным футболистам. Мальчишки как мальчишки, ничего особенного. Но хотелось разузнать побольше о школьниках, бросивших дерзкий вызов команде мастеров, и я отправился вслед за ребятами. Расскажу вам то, что увидел и услышал.

2. Все началось двадцать лет назад, когда в 35-ой школе города Тбилиси организовался футбольный кру-

жок. Время было трудное, только что кончилась Великая Отечественная война. Школьники все же раздобыли старенький мяч, а майки и трусы решили шить сами. Какую выбрать форму?

Те, кто получше рисовал, взялись за эскизы. Больше других понравилась ребятам форма с тремя белыми продольными полосами на гру-

ди — одной широкой, двумя поуже. «Это как у ласточки на груди», — объяснял автор эскиза. С той поры играют футболисты 35-й школы в «ласточкиной» форме. Ни у кого больше такой нет во всем Союзе.

Первое время юношеских команд в Тбилиси было мало. Потом их появились десятки. В 35-й школе рамки прежней футбольной секции тоже стали тесными. Желаящих-то играть в футбол было хоть отбавляй. Тогда на базе секции и создали настоящую спортивную школу.

Но традицию не забыли. «Ласточкина» форма осталась. Кому ее теперь выдают?

3. Идет первый урок новичков в футбольной школе. Мальчишки волнуются, вспоминают правила игры. Вдруг спросят.

— А кто знает удар «сухой лист»?

— Это тот, что Пеле изобрел?

— Сам ты Пеле. Еще Гайоз Джеджелава, который в тбилисском «Динамо» играл, так штрафные бил. Противник выстроит «стенку», а он резаным ударом раз — и штука!

Много знают мальчишки, побольше иных болельщиков. Но тренеров футбольной школы больше всего

НИЧЬЯ СО ШКОТЛАНД ЯРДОМ

«Шкотланд Ярл разыскивает человека средних лет, невысокого, худощавого, со шрамом на лице».

«Дейли Миррор», 21 марта 1966 г.

И все коты, которых ждет и ловит Шкотланд Ярл, На побегушках у него, а он их Бонапарт.

Т. С. Элиот «Макавити».

Шкотланд Ярл — это лондонская уголовная полиция. В переводе на русский Шкотланд Ярл — «шотландское подворье». В X веке был построен в Лондоне дворец для шотландцев королевской крови, приезжавших в английскую столицу по делам или так, погулять. Потом шотландских королей в Лондон пускать перестали, и даже в родной Шотландии им не стало покоя от англичан. Но дворец на-

звание сохранил. Потом его заняла уголовная полиция.

Сейчас в Шкотланд Ярле служит шестнадцать тысяч человек. И то не справляются — что ни день, новости! Об одной из них и сообщили утром 21 марта своим уважаемым читателям английские газеты.

«Украден кубок мирового первенства по футболу! Золотая богиня исчезла из-под носа у шестерки дюжих полицейских!»

В феврале мы звонили из редакции «Костра» в Лондон председателю международного подготовительного комитета первенства мира по футболу, проходящего нынче в Англии, Стэнли Роузу. Нас беспокоил вопрос, как охраняется кубок чемпионата — золотая богиня. Стэнли Роуз сказал, что статуэтка надежно спрятана в сейфе главного банка. И вот...

28

интересует, что они умеют делать на площадке. Тренеры достают секундомеры. Ну-ка, кто быстрее пробежит дистанцию 60 метров?

Теперь попробуйте достать головой в прыжке вот этот мяч, подвешенный на веревочке. Достали? Отлично. Подтянем мяч повыше. Получше разбегайтесь, мальчишки!

Наконец, самое интересное. Мяч освобождается от веревочки и устанавливается в центре белого круга на поле. Тренер вооружается свистком. Ух, как стараются мальчишки! Смотрите, они способны обвести подряд полдюжины чужих игроков. Здорово, верно?

А тренер дает свисток. «Заводиловка» нам ни к чему, — говорит он. — Давайте-ка поиграем в пас, ведь футбол — игра коллективная, никогда не забывайте о партнерах». Короли дворового дриблинга, или, попросту, обводки, удивлены. Оказывается, в этой школе им предстоит еще многому научиться.

— Хватит на сегодня, — говорит тренер, — теперь каждый подойдите ко мне с дневником. Что ж, отметки у вас неплохие. Только, чур, одно условие: чтобы и дальше были не ниже, иначе...

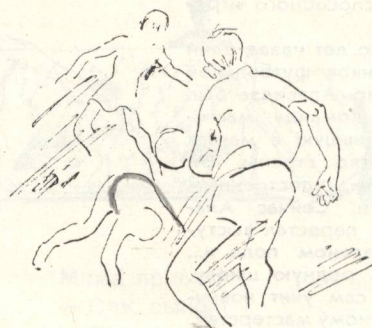
Иначе с мячом придется расстаться. Мальчишки это знают. Они расходятся по домам, обсуждая свой первый настоящий футбольный урок. Мальчишкам по одиннадцать лет.

4. Димку выгнали с поля на прошлой игре с командой интерната. Тренер не стал читать нравоучений, велел только явиться на заседание Совета капитанов школы. Капитаны... В школе 36 команд, 36 капитанов. Это они надевают на рукав повязки и выводят футболистов на поле. Первыми кричат «физкультпривет» и жмут руку судьбе. Словом, все, как у других капитанов. Но в футбольной школе их выбирают не только для того, чтобы они исполняли привычный ритуал перед началом матча.

Здесь у них много прав. Сами ребята устанавливают время явки на стадион для разбора минувшей игры. Сами заведуют инвентарем. Сами следят за порядком и дисциплиной.

Многих из капитанов Димка знал очень хорошо. Но сейчас у всех были строгие лица.

— Так он же первый нарушил, — пытался объяснить Димка, — а я погорячился.

«У нас такое было бы невозможно! Это кощунство!» — кричали бразильские газеты. И не бразильские тоже. Один футбольный босс из Нидерландов прислал запоздалый совет: держали бы богиню под кроватью, как это делал, пряча кубок от фашистов, итальянец Отторино Бараци.

Где и как мог человек взять и унести девять фунтов тщательно охраняемого золота (ибо таков вес богини)? Возможно ли такое вообще? Возможно — ответят вам в Скотланд Ярде. Там до сих пор переживают конфуз 1895 года, когда был украден опять же кубок футбольного первенства, правда, национального, английского. Украден и не найден. С тех пор лучшие футбольные команды страны

из года в год соревнуются за обладание всего лишь дубликатом славного кубка.

Итак, богиню из банковского сейфа перевезли на выставку редких марок. За чем? А для рекламы. На марки не всякий пойдет смотреть, а на богиню всякий. Дежурство несли шесть полицейских одновременно — летучий отряд Скотланд Ярда. Двойные двери запирались мощными замками. В воскресенье, 20 марта, выставка была закрыта, но в том же здании шла воскресная служба методистской церкви. Вор с толпой прихотан проник в помещение, спрятался среди телефонных будок, затем проделал что-то с замками, схватил богиню и под звуки молитв удалился. А летучий отряд бродил где-то рядом и ничего не заметил. Только потом вспомнили, что человек со шрамом кому-то из ше-

стерых показался подозрительным.

День ищут, другой. Ни вора, ни богини. Игра складывается не в пользу Скотланд Ярда. Первыми оценили положение газетчики. Как раз в то время в Англии шла предвыборная борьба. На первых страницах газет печатались фотографии тех, кто хотел стать премьер-министром: Вильсон от лейбористской партии (он и победил потом) и Хит — от консервативной. Начиная с 21 марта их портреты стали соседствовать с изображениями безымянных детективов, роющихся в грязи задних дворов и в ящиках семейных комодов. Дескать, только наш кандидат избавит Англию от эдакого позора. Газета «Дейли Мейл», поддерживающая консерваторов, поместила

20 МАРТА

— Погорячился? А ты подумал о том, что можешь подвести всю команду?

В упор на Димку смотрят Сосо Сирадзе, предводитель команды самых старших ребят, и маленький Зураб Гагуа, капитан одиннадцатилетних. В Совете капитанов они все равны.

На заседании Совета нет ни одного тренера. Капитаны сами выносят решение. Димка отличный игрок, но разве это умаляет его вину? Наоборот! Капитаны наказывают Димку.

В школе не только учат бить по мячу, но и закаляют характер.

5. Говорят, когда команда выигрывает, то хвалят игроков, а если терпит неудачу — достается на орехи тренеру. В результате у некоторых футбольных наставников появляется боязнь потерять очко — как бы не заругали.

Директор футбольной школы заслуженный педагог Грузии Шота Ношрванович Мерквиладзе и старший тренер, заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер Грузии Арчил Самуилович Кикнадзе говорили мне так: «Лучше проиграть юношеское первенство, но зато вырастить способного игрока».

Несколько лет назад один из выпускников футбольной школы Отар Алавидзе был зачислен в команду мастеров, выступившую в матчах на первенство страны. Он был первым, удостоенным такой чести. Сейчас Алавидзе уже перестал выступать на зеленом поле и... вернулся в родную школу. Теперь он сам учит новичков спортивному мастерству.

А кто не знает Михаила Месхи, игрока тбилисского «Динамо» и сборной СССР? Наверно, все болельщики восхищаются его коронными финтами и стремительными рывками к воротам противника. Зато мало кому

известно, что спортивный путь Месхи начался в стенах тбилисской школы, о которой здесь идет речь. В ее музее вам и сейчас покажут чуть пожелтевшее фото, где маленький Миша изображен в тот момент, когда ловко обходит с мячом соперника.

Вместе с Месхи в школе получили путевки в большой спорт и знаменитые Заур Калоев, Шота Яманидзе, Алексей и Сергей Котрикадзе.

Еще в конце этого сезона может быть достигнут юбилейный рубеж — сотый воспитанник школы получит высший футбольный диплом!

6. Потом мы снова сидели рядом с моим знакомым тренером. Сидели на трибуне стадиона и смотрели, как дублеры команды мастеров, среди которых были и опытные игроки, сражались на поле с мальчишками

изошутку — стоит мистер Хит и похвастается: «Пока мы 13 лет были у власти, Англия ни разу не теряла мировой кубок».

Англичане вообще славились своим юмором. Какие-то весельчаки в эти же дни крадут еще один спортивный кубок, на этот раз приз конных соревнований, обожаемых в стране. Чтобы стало еще смешней, некий джентльмен, связанный с химической промышленностью, крадет радиоактивный изотоп. Шутка приобретает опасный характер.

В Скотланд Ярде не до смеха.

Пока время шло и национальное достоинство страны, не сумевшей уберечь международный приз, падало, росла сумма наградных денег. Поначалу одно неприятное вызвалось отвалить

3500 фунтов счастливчику, который найдет богиню. Потом разные лица и организации, желающие в целях рекламы соединить свое имя с нашумевшей историей, довели сумму до шести с половиной тысяч.

То ли эта сумма вдохновила, то ли сыграл свою роль полутрагический опыт, но 26 марта в тюрьму был препровожден некий Эдвард Блечли, 47 лет, невысокий, худощавый и со шрамом. Но... богини при нем не оказалось. И снова — перерываются вверх дном кухонные буфеты в квартирах бедняков: вдруг да блеснет золото между старой кастрюлькой и пивной кружкой!

А тем временем в закопченном доме на юге Лондона жила небольшая семья. Отец — портовый рабочий Дэвид Корбет, мать — служащая бюро путешествий, сын — годовалый Доминик,

пес — черноухая дворняга Пиклз. Поздно вечером 27 марта Дэвид отпер дверь и выпустил на улицу отчаянно скулившего Пиклза. Вышел и сам. Собака носилась по кустам и вдруг стала обнюхивать какой-то необычный предмет. Хозяин нагнулся и поднял золотую богиню.

Видимо, преступник, чувствуя преследователей, направил свой беспокойный шаг по случайной улице и незаметно подбросил богиню в палисадник случайного дома.

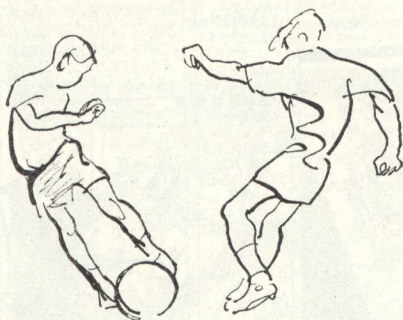
Дэвид с криками бросился в дом, позабыв на радостях про спящего Доминика. Корбет читал газеты и очень переживали за свою страну: в некрасивую историю попала Англия с этой кражей. Но обрадовались они, конечно, больше всего награде. Ведь это — возможность купить дом и автомобиль. А миссис Кор-

27 МАРТА

из футбольной школы. Мальчишки играли задиристо и самоотверженно.

Для красивой концовки, наверное, нужно было бы, чтобы они обязательно выиграли. Они не выиграли.

Все-таки с настоящими мастерами мяча состязались школьники. Но ребята и не проиграли. Матч закончился вничью — 2:2.

— Где это они так наострились? — восхищался знакомый тренер, уже успевший позабыть, как он расписывал мне игру босоногих бразильских ребятшек.

Я теперь хорошо знал — где. В тбилисской футбольной школе.

А у вас в городе есть такая?

Ю. Коршак, Тбилиси
Зарисовки Н. Муратова

бет сразу же захотелось самой попутешествовать...

* * *

И вот мировой кубок в полицейском участке. Еще немного — и он в объятиях руководителей футбольной ассоциации. Пиклзу преподносят блюдо черной икры, от которой он, впрочем, отказывается ради кости из супа. Корбеты полны радостных ожиданий. Их интервьюируют, фотографируют и, наконец, информируют, что объявился еще один претендент на обещанную награду. Это председатель футбольной ассоциации Англии Джо Миерс. Он, видите ли, так переволновался за эти дни, что теперь только 6500 фунтов могут его утешить. Все это он придумал, сидя в своем особняке стоимостью в 15000 фунтов... Все же после долгих раздумий приз отдали Корбету. Браво, Пиклз!

А Скотланд Ярл? Он ушел на этот раз от позорного поражения. Сыграл вничью. Правда, ответный гол противник забил сам в свои ворота.

Из этой футбольно-полицейской истории можно сделать три вывода.

Первый вывод: и президент международной футбольной ассоциации может ошибаться (см. «Костер» № 5, стр. 60).

Второй вывод: и дворянки играют порой исторические роли.

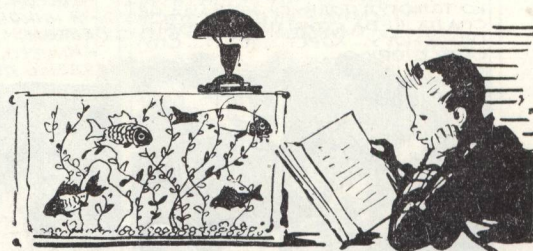
Третий вывод: пожалуй, все те, с кем имеет дело незадачливый Скотланд Ярл, не у таинственного кота Макавити, с которым познакомил нас С. Я. Маршак, на побегушках; у них другой Бонапарт — звонкий английский фунт. Впрочем, может быть, Т. С. Элиот как раз имел в виду что-то в этом роде?

Н. Мохова

Я ЧИТАЮ

Василий Фетисов

Спит сестренка.
Спит братишка.
На столе
раскрыта книжка.
Я читаю.
Мне не спится.
У меня — шумит тайга.
По тайге, стуча копытцами,
несется кабарга.
Засвистел бурндучишка,
шишку скинув на росу.
Шелестит листами книжка,
как листва шумит в лесу.

Мама просит:

— Спи, сынок!

— Я уснул бы,

если б мог,

если б книжка помолчала:

в океане не качала

и не мчала вдоль дорог.

Страны ночи!..

Страны солнца!..

Море! Море!..

Сна все нет...

На страницы

тихо льется

от аквариума свет.

Сквозь стекло читает сомик,

ртом тихонько шевеля,

и со мной картинки смотрит

про широкие моря.

Полумесяц

сонно свесился

усаами с вышины.

По стене уходит время —

все шаги его слышны.

Зорька скоро загорится.

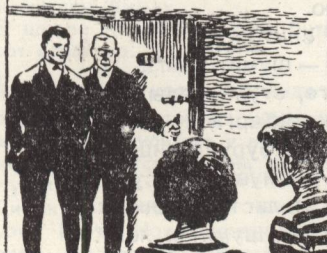
Звезды скоро улетят.

А страницы — крылья птицы —
шелестят и шелестят.

Рисунок

В. Бескаравайного

ФОН ХОРСТ ПРИВЕЛ ДЖОНСА В КАРЦЕР АВИАБАЗЫ.
- ТАК ЭТО И ЕСТЬ ВАШИ ПЛЕННИКИ?
ПОЛАГАЮ, НУЖНО ИХ РАЗВЯЗАТЬ.
КАК-НИКАК - ДЕТИ!
- ЭТО НЕ ДЕТИ, А ЗМЕЕНЫШИ...

САМО-
ЛЕТ
БЫЛ
УЖЕ
ЧЕТЫРЕ
ЧАСА
В
ПУТИ,
КОГДА
ДЖОНСУ
ПЕРЕ-
ДАЛИ
РАДИО-
ГРАММУ.

- БОЮСЬ, ЧТО ВЫ НЕ СРАЗУ ПОПАДЕТЕ ДОМОЙ.
- ЧТО-НИБУДЬ СЛУЧИЛОСЬ?
- НИЧЕГО ОСОБЕННОГО. НАТЕ, ЧИТАЙТЕ.

АЭРО-
ДРОМ
В
НСОРКЕ
ПРЕДСТА-
ВЛЯЛ
СОБОЙ
ЛИШЬ
ВЗЛЕТ-
НУЮ
ДОРОЖ-
КУ
И
НЕСКОЛЬ-
КО
ГЛИНО-
БИТНЫХ
ПО-
СТРОЕК.

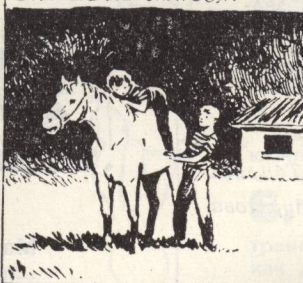
- ЧТО ЖЕ, ВЫ ЗДЕСЬ ВПОЛНЕ РАЗ-
МЕСТИТЕСЬ С ЩЕНЯТАМИ... СКА-
ЖИТЕ, СИНЬОР, НЕЛЬЗЯ ЛИ ДО-
СТАТЬ МАШИНУ НА ДЕНЕК? ЗА
ДЕНЬГАМИ ДЕЛО НЕ СТАНЕТ.
- О СИ, СИНЬОР, КОНЕЧНО!

НАСТУПИЛА НОЧЬ... СЕВА ЛЕГОНЬ-
КО ТОЛКНУЛ ПОДРУГУ, НО МАША НЕ
СПАЛА. СЕВА СПУСТИЛ С КРОВАТИ
ОДНУ НОГУ... ХОРСТ ХРАПИТ... СПУ-
СТИЛ ВТОРУЮ...

- СКОРЕЙ, МАШУК, СКОРЕЙ!
- Я НИКОГДА НЕ ЕЗДИЛА
ВЕРХОМ.
- НИЧЕГО, НИЧЕГО. ЗА МЕНЯ
БУДЕШЬ ДЕРЖАТЬСЯ.

В
24.00
ГЛАВАРЬ
ОТЯ-
ДА
СВЯЗАЛ-
СЯ
ПО
РАЦИИ
С
ДЖОН-
СОМ.

- АЦИНАРГ В ЕНОЯР ИКЕР ОЙОЛАТЫРКАЗ
ИМЫНЬТИС ИМЯЛУРТАЛ! ЯСМЕАЩАРВЗОВ
АН ПО. АРВАЗ ЯСМЕАТЫПОП ИТИОП В
ЕНОЯР ИКЕР МИКН. САЧИС ЯСМИДОХАН
ЕЕНДАПАЗ АНОСЭ. ТЕАВЫДЖАЛОД А-ТЯС-
ЕДЬТСЕШ АВД - НАМРЕГ РЭУАН.

- ТЕП СЛАСМЫ ДОПРЕВЬТАГЯС
СКУРИ. ИДЖЕТ НЯМЕ АН СТЕМЕ.
ТЕШИОБСО АВИШ ЕНЫТОЧ
ОКРОИДАНЫТ...

БЫЛО УЖЕ
ДАЛЕКО ЗА
ПОЛНОЧЬ...

ВДРУГ КОНЬ ВСТАЛ
НА ДЫБЫ...

МЕЛЬКНУЛА ПЯТИ-
СТАЯ ТЕНЬ... ЛОШАДЬ
И ЛЕОПАРД СКРЫ-
ЛИСЬ В ЧАЩЕ...

НАСТУПИЛО УТРО...

СЕВА! СЕВА, ПРОСНИСЬ!

- МАШША, АТПУСТИ ЕЙО. ОНА
НЕ АПАСНАЯ.
- КТО ТЫ ?!
- МАШША, ТЫ МЕНЬЯ НЕ
УЗНАЙОШЬ?.. АРТЕК ЗА-
БЫЛА ?
- ПАТРИСКА!
- ДА. НО КАК ТЫ СЮДА ПОПАЛА?

ДРУЗЬЯ
ПОВЕ-
ДАЛИ
ДРУГ
ДРУГУ
О
СВОИХ
ПРИКЛЮ-
ЧЕНИЯХ.
ПАТРИС
РАССКА-
ЗАЛ
О
НАПАДЕ-
НИИ
БАНДИТОВ
О ТОМ,
КАК
ПОГИБ
ЕГО
ОТЕЦ.

- Я ШЕЛ СЗАДИ. МЕНЬЯ НЕ
ЗАМЕТИЛИ И Я ЧУДОМ СПАС-
СЯ. ТЕПЕРЬ ИДУ К ТЕТЕ.
ЭТО ДЕРЕВНЯ ОКОЛО ЭС-
СОНА... ПОЙДЕМ СОМНОЙ.
ТАМ ВСЕ ВАШИ ДРУЗЬЯ.
- ИДЕМ!

приходит на помощь

гл. 7

РЕБЯТА
ШЛИ
УЖЕ
ОКОЛО
ЧАСА,
КАК
ВДРУГ
ПАТРИС
ОСТАНО-
ВИЛСЯ.

-ЭТО ОНИ, БАНДИТЫ! ВИДИТЕ НА ДЕРЕ-
ВЕ СУМКА. ТАМ ПЛАНЫ, БУМАГИ... ЧТО
ДЕЛАТЬ? ДО ДЕРЕВНИ ЕЩЕ ДВА ЧАСА.
ЖДИТЕ ЗДЕСЬ. Я ПРОПОЛЗУ, ПОКА ЧАССО =
БОЙ СПИТ - ЗАБЕРУ СУМКУ.
- ДАВАЙ!

В
ЭТОТ
МОМЕНТ
ЧЕМ-
ТО
НАПУГАН-
НЫЕ
ОБЕЗЬЯ-
НЫ
ПОДНЯ-
ЛИ
НЕВО-
ОБРА-
ЗИМЫЙ
ШУМ.

НЕ РАЗДУМЫВАЯ, РЕБЯТА
БРОСИЛИСЬ НА ПОМОЩЬ ДРУГУ.

НО
СИЛЫ
БЫЛИ
СЛИШКОМ
НЕРАВ-
НЫ.

-ЧЕГО С НИМИ ЧИКАТЬСЯ? ПУСТИТЬ
В РАСХОД И ВСЯ НЕДОЛГА.
- ЧТО Ж, ФРИЦ, ПРИСТУПАЙ...
ТОЛЬКО БЕЗ ШУМА

-HELLO, BOYS! ЧТО ТУТ У ВАС
ПРОИСХОДИТ? О, ДА Я ВИЖУ
ЗДЕСЬ И СТАРЫХ ЗНАКОМЫХ!..

ДЖОНС
НАЗВАЛ
ПАРОЛЬ.
ПЛА-
ВАРЬ
ОТЯДА
ДОЛО-
ЖИЛИ
ОБСТА-
НОВКУ.

- ВРЕМЕНИ ТЕРЯТЬ НЕЛЬЗЯ. ВЫ,
НАУЭР, ПОЕДИТЕ СО МНОЙ. ЩЕНЯТ
ЗАБЕРЕМ С СОБОЙ. ЛЮДИ ВАШИ
ПУСТЬ ИДУТ К НКИМУ - ТАМ ГРАНИ-
ЦА НЕ ОХРАНЯЕТСЯ.

ВИЛЛИС ВЫЕХАЛ НА ДОРОГУ.
- А НУ, ТИКАЙ! И ПОКА Я СОСЧИ-
ТАЮ ДО ТРЕХ, ЧТОБ ДУХУ ТВОЕГО
НЕ БЫЛО!

ДВА ЧАСА СПУСТЯ.
- МИСТЕР ДЖОНС,
САМОЛЕТ И БЕЗ ТО-
ГО ПЕРЕГРУЖЕН...
- ПОТОМУ ПОВЕДУ
ЕГО Я. ЗА ВАМИ
И ШТУРМАНОМ
ПРИЛЕТЯТ ЗАВ-
ТРА...

- ГЕРР ОБЕРСТ, УМЕЕТ ЛИ ЭТОТ
ЯНКИ ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ? МЫ
УЖЕ ЧАС ЛЕТИМ И ВСЕ НА СЕВЕ-
РО-ВОСТОК...
- МАША НАГНУЛАСЬ К ДРУГУ:
- КУДА ЭТО НАС БЕЗУТ, А?

НО
НИ
ХОРСТ
НИ
СЕВА
НЕ
УСПЕЛИ
ОТВЕ-
ТИТЬ.
ИЗ
ПИЛОТ-
СКОЙ
КАБИНЫ
ПОЯВИЛ-
СЯ
ДЖОНС.

- HANDE HOCH! ЖИВО!
- ДЖОНС, ВЫ СУМА СОШЛИ?!
- СЕВА, ОТБЕРИ У НИХ ОРУЖИЕ!..
МАША, В КАРМАНЕ У МЕНЯ НАРУЧНИКИ.
НАДЕНЬ ИХ ЭТИМ ГОСПОДАМ!

- ТЕПЕРЬ РАЗРЕШИТЕ ПРЕДСТА-
ВИТЬСЯ. ЗОВУТ МЕНЯ АЛЕКСЕЙ
ПЕТРОВИЧ. ВАМ Я, ГОСПОДА, ИЗ-
ВЕСТНЕЕ, ВЕРОЯТНО, ПОД ИМЕНЕМ
УРАГАН... А ДЖОНС ВАС ДОЖИ-
ДАЕТСЯ ВМЕСТЕ С
КОНРАДОМ...

- МОЖЕТЕ МЕНЯ НАЗЫВАТЬ ПРОСТО ДЯДЯ
ЛЕША. КОГДА ДОЛЕТИМ? ВОТ В БЕЛГРАДЕ
ЗАПРАВИМСЯ, К ВЕЧЕРУ БУДЕМ ДОМА. НУ,
А ЗА САМОВОЛЬНУЮ РЫБАЛКУ - ОТВЕЧАТЬ
ПРИДЕТСЯ!

КОНЕЦ

ЕСЛИ ТЕБЕ ПО ДУШЕ СПОРТ

Их называют «рыцарями бездонной корзины». Они высоки (в основном), быстры, бестрашны, умеют метко поразить цель и порадовать вас хитроумным финтом. Угадали? Конечно же речь идет о баскетболистах. Если тебе исполнилось 11 лет и если тебе по душе эта красивая увлекательная игра, займись баскетболом. Но помни, что спорт требует труда, силы воли. Каждый технический прием в баскетболе, по словам знаменитого олимпийского чемпиона американца Билла Рассела, требует шести—семи лет работы. Так что начинать учиться не мешкая. Для начала прочти эту книжку В. Адуевского «На прицеле — кольцо». Из нее ты узнаешь о том, где и как появился баскетбол, каковы его правила и приемы, как оборудовать площадку, как тренироваться. Если же ты уже играешь в баскетбол, тебе безусловно интересно будет прочесть про самые знаменитые матчи, про виртуозов из труппы «Гарлем Глобтроттерс», про тайны мастерства Круминьша и Алачачяна.

* * *

Если хочешь узнать, отчего в лыжном спорте не бывает рекордсменов, что общего между московским «Торпедо», гоночным автомобилем и океанской рыбой, чем прославился эфинский почтальон Спирос Луис, каков вес боксерского удара — прочти эту книгу.

Если тебе срочно нужен совет Эмиля Затопека или Всеволода Боброва — прочти эту книгу.

Если у тебя есть хорошая можжевельная палка и ты хочешь сделать из нее настоящий спортивный лук — прочти эту книгу. Если ты любитель кроссвордов, ребусов и шарад, а также если ты случайно не знаешь, чем обязаны спортсмены кенгуру и бабочке, — прочти эту книгу. Называется она «Сила, смелость, сноровка». Написал ее А. Светов. Картинки, которых в ней множество, нарисовал И. Рублев.

Обложка Ю. Мезерницкого

На третьей странице обложки фото Б. Тимофеева

На четвертой странице обложки рисунок М. Беломлинского

Стол загадок-66

См. 4-ю страницу обложки

Вы знаете, что такое комната находок? Туда приносят и там хранят вещи, потерянные или забытые рассеянными людьми. Чего там только не увидишь! Кто туда только не обращается!

Вот например, Афина, богиня мудрости, мудра-мудра, а что-то из своих вещей потеряла. Что, как вы думаете?

А «Медному всаднику» что понадобилось в комнате находок?

А знаменитому греческому философу Диогену?

Ну, с Золушкой, допустим, просто, а зачем сюда пожаловал отважный Христофор Колумб? Рассказывают, он однажды проделал некий фокус, — не режизит ли для этого фокуса его интересует?

Сикстинская мадонна спустилась с полотна прославленного мастера Рафаэля — и кто-то в комнате ей очень обрадовался. Кто?

А вот Шерлоку Холмсу кто-то здесь не очень обрадовался. И опять-таки: кто?

И за какими деталями своего туалета явился герой Пермонтовского «Воздушного корабля»?

И за какими Чарли Чаплин?

Персонаж старинной арабской сказки надеется вернуть себе предмет, невзрачный внешне, но обладающий волшебными свойствами. Что это за предмет?

Думайте, отгадывайте, отвечайте!

Дежурный по комнате находок

Б. Борейко

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребильская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор А. А. Двораковская

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А 4-57-76.

М-41047

Подписано к печати 14/VI 1966 г.

Формат 84×108¹/₁₆.

Печ. л. 8+1.

6,57 усл., 8,8 уч.-изд. л.

Тираж 300 000 экз.

Заказ № 199.

Цена 25 коп.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

Рождение взрослой стрекозы. Рядом на стебле ее бывшая оболочка

„Обед“ росянки. Это хищное растение питается насекомыми

